

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 • 2019

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзора ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, кандидат юридических наук, доцент
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

З. В. Макарова, доктор юридических наук, профессор
(Южно-Уральский гос. университет);

О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор
(Академия права и управления ФСИН);

Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор
(Орловский гос. университет);

В. А. Мещеряков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России);

Т. Б. Рамазанов, доктор юридических наук, профессор
(Дагестанский гос. университет);

О. С. Розгачева, доктор юридических наук, доцент
(Воронежский гос. университет);

С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент
(Московский гос. юрид. университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА));

А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор
(Кубанский гос. университет);

Т. К. Рябинина, кандидат юридических наук, профессор
(Юго-Западный гос. университет);

М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор
(Томский гос. университет);

И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор
(Байкальский гос. университет);

В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

О. Н. Шеменева, доктор юридических наук, доцент
(Воронежский гос. университет);

В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Адрес редакции:

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810

E-mail: sudvl@mail.ru

Сайт журнала:

www.law.vsu.ru/sudvl

Подписной индекс:

94235 Объединенного каталога «Пресса России»

Ведущий редактор издательской группы

Н. Н. Масленникова

Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 14,8. Усл. п. л. 15,6

Тираж 150 экз. Заказ 115

Дата выхода в свет 28.03.2019

Издательский дом ВГУ

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ

394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

© Воронежский государственный университет, 2019

© Оформление, оригинал-макет.

Издательский дом ВГУ, 2019

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 1 • 2019

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor,
executive secretary
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Vorlgoograd State University);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, candidate of legal sciences, associate professor
(Lomonosov Moscow State University);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

Z. V. Makarova, doctor of legal sciences, professor
(South Ural State University);

O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor
(Academy of law and management of the Federal
service of execution of punishments);

E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor
(Orel State University);

V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor
(Moscow University of the Russian Ministry
of Internal Affairs);

T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor
(Dagestan State University);

O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor
(Voronezh State University);

S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL));

A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor
(Kuban State University);

T. K. Ryabinina, candidate of legal sciences, professor
(Southwest State University);

M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor
(Baikal State University);

V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy);

O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, associate professor
(Voronezh State University);

V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University)

Editorial address:

394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sg., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Official site:

www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2019

© Desin, original-model.

Publishing house of Voronezh State University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

9 НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ РОССИИ – КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Манова Н. С. История кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии..... 10

23 НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Манова Н. С. О некоторых дефектах юридической техники Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 23

Федюнин А. Е. Проблемы защиты прав и свобод личности от необоснованного применения технических средств при расследовании уголовных дел 31

Францифоров Ю. В. Законность в уголовном судопроизводстве как средство выражения уголовно-процессуального права 41

Баранова М. А. О принципиальной возможности применения положений о реабилитации по уголовным делам частного обвинения 48

Блинова О. Г. Возможно ли вынесение правосудного приговора при особом порядке принятия судебного решения? 57

Григорян В. Л. Оглашение доказательств в судебном разбирательстве: исключение как правило 61

Давыдова Н. Н. Проблемы осуществления доказательственной деятельности отдельными субъектами уголовного судопроизводства 67

Евстигнеева О. В. Судебное заседание по рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ как форма осуществления правосудия, отвечающая требованиям справедливости 73

Иванов С. Н. Некоторые вопросы участия специалиста на стадии возбуждения уголовного дела 83

Кирдина Н. А. Процессуальные последствия нарушения объективности производства следственных действий 88

Колова Ю. В. Проблемы правопреемства некоторых участников уголовного судопроизводства 98

Лавнов М. А. Теоретическая модель альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта путем прекращения уголовного дела 106

Овчинникова Н. О. Отсутствие оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания как пробел уголовно-процессуального права 114

Петрова Г. Б. Правообеспечительная роль сроков при задержании и избрании меры пресечения в отношении подозреваемого 120

Погодин С. Б. Возможности развития особых производств в условиях российской модели состязательного уголовного процесса 129

Седова Г. И. Система органов дознания: особенности правовой регламентации 140

	Спесивов Н. В. Актуальные вопросы реализации в уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной практике России требований международного стандарта о праве на свободу и личную неприкосновенность в отношении несовершеннолетних	152
	Тихий А. В. Усмотрение суда в подготовительной части судебного разбирательства	158
	Устинов Д. С. Механизм взаимоотношений обвиняемого с защитником и его воздействие на уголовно-процессуальное поведение обвиняемого ...	163
	Холоденко В. Д. О совершенствовании механизма правового регулирования деятельности суда по собиранию и проверке доказательств	170
178	ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ	
	Зотов Д. «Не в силе Бог, а в правде»	178

CONTENTS

SCIENTIFIC SCHOOLS OF RUSSIA – THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE SARATOV STATE LEGAL ACADEMY

9

Manova N. S. History of the department of criminal procedure of the Saratov State Legal Academy 10

RESEARCHES OF THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE SARATOV STATE LEGAL ACADEMY

23

Manova N. S. On some defects of legal technique of the Criminal procedure code of the Russian Federation.....23

Fedyunin A. E. The Problems of protecting the rights and freedoms of the individual from the unreasonable use of technical means in the investigation of criminal cases 31

Frantsiforov Yu. V. Legality in criminal trial as means of expression of criminal procedure right 41

Baranova M. A. On the principal possibility of the application of the regulations on rehabilitation in criminal cases of private accusation 48

Blinova O. G. Is the issue of a court sentence with a special order of proceeding possible?.....57

Grigoryan V. L. Evidence disclosure in proceedings: exception as a rule 61

Davydova N. N. Implementation issues of evidentiary activities of separate subjects of criminal proceedings.....67

Evstigneeva O. V. Court session on consideration of complaints in accordance with Art. 125 of the code of criminal procedure as a form of justice that meets the requirements of justice 73

Ivanov S. N. Some questions of the participation of a specialist in a stage of excitation of criminal case.....83

Kirdina N. A. The procedural consequences of a breach of objectivity of investigation actions.....88

Komova Yu. V. Problems of succession of some participants of criminal proceedings 98

Lavnov M. A. Theoretical model alternative resolution of the criminal-legal conflict by the termination criminal case 106

Ovchinnikova N. O. The absence of grounds for conviction without punishment – the gap in the criminal procedural law..... 114

Petrova G. B. The role of the terms in detention and election of a measure of restraint against the suspect 120

Pogodin S. B. Opportunities for the development of special procedure in terms of the russian model adversarial criminal process..... 129

Sedova G. I. System of organs of inquisition: features of a legal regulation 140

Spesivov N. V. Current issues of implementation in criminal procedure legislation and law enforcement practice of Russia for the requirements of the international standard on the right to protection of liberty and security of person of the matter 152

	<i>Tikhiy A. V.</i> Discretion of the court in the preparatory part of the trial.....	158
	<i>Ustinov D. S.</i> The mechanism of the relationship of the accused with counsel and their impact on the criminal procedural behavior of the defendant.....	163
	<i>Kholodenko V. D.</i> About improvement of the mechanism of legal regulation of activity of court on collecting and verification of proofs.....	170
178	.....	ARTS AND JUSTICE
	<i>Zotov D.</i> «Cod is not in power, but in truth»	178

**НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ РОССИИ –
КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
САРАТОВСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ**

Н. С. Манова

ИСТОРИЯ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Поступила в редакцию 4 февраля 2019 г.

Кафедра уголовного процесса на протяжении всей истории существования Саратовской государственной юридической академии является одной из ее ведущих кафедр. И это объясняется не только профилем кафедры, но и тем научным и педагогическим потенциалом, который накоплен за многолетнюю историю ее существования.

Коллектив кафедры (2016 г.)

Первоначально кафедра была создана как кафедра судебного права, но уже в начале 40-х гг. прошлого века она стала именоваться кафедрой уголовного процесса. В то время ее возглавляли такие ученые-процессуалисты, как В. П. Резепов и А. Л. Цыпкин. В 1950-е гг. кафедра уголовного процесса была объединена с кафедрой уголовного права и как единая кафедра криминалистического цикла просуществовала до начала 60-х гг. прошлого столетия.

© Манова Н. С., 2019

Уже тогда на кафедре стали формироваться собственные научные традиции. Во многом это связано с приходом в Саратовский юридический институт и на кафедру Василия Аввакумовича Познанского, который в 1949 г. возглавил ее. Благодаря таланту ученого и организаторским способностям В. А. Познанского, долгие годы не только руководившего кафедрой уголовного процесса, но и возглавлявшего институт, на кафедре были определены те направления научных исследований, которыми ученые кафедры занимаются и до настоящего времени и которые принесли ей общероссийскую известность и признание.

Высокий уровень научных разработок и исследований, осуществляемых ныне на кафедре, был заложен в работах ученых-процессуалистов, которые в 1950-х – 1960-х гг. пришли на кафедру и долгие годы преподавали на ней: Ц. М. Каз, В. Я. Чеканова, Н. А. Акинча, В. А. Дубривный, Р. А. Михайленко, В. М. Корнуков.

Нынешнее основное научное направление кафедры – укрепление законности при осуществлении уголовного преследования и усиление охраны прав личности в уголовном судопроизводстве – было заложено в работах профессоров В. А. Познанского и А. Л. Цыпкина, которые соответственно разрабатывали проблемы кассационного производства и процессуальной природы защиты по уголовным делам.

Альтер Львович Цыпкин пришел в Саратовский юридический институт в первый год его образования – в 1931 г., и его научная и педагогическая деятельность продолжалась в его стенах практически полвека. Докторская диссертация А. Л. Цыпкина, защищенная в 1955 г., была посвящена консти-

туционному праву на защиту в уголовном судопроизводстве. Эта же тема была продолжена в опубликованных им монографиях «Право на защиту в советском уголовном процессе» (1959 г.), «Право на защиту в кассационном и надзорном производстве» (1965 г.), «Очерки советского уголовного судопроизводства» (1975 г.) и целом ряде других работ. А. Л. Цыпкин разработал и читал такие спецкурсы, как «Ораторское искусство» и «Этика уголовного судопроизводства». А. Л. Цыпкин ушел из жизни в 1985 г.

Василий Аввакумович Познанский долгие годы был подлинным научным руководителем кафедры уголовного процесса. Он отдал кафедре более 40 лет своей жизни. Здесь им была подготовлена и успешно защищена докторская диссертация на тему «Кассационный пересмотр приговоров в советском уголовном процессе» (1958 г.). В. А. Познанский был организатором ряда авторских коллективов, редактором и соавтором нескольких учебных пособий. Под его руководством на кафедре уголовного процесса на протяжении ряда лет издавался межвузовский сборник научных работ «Вопросы уголовного процесса». Профессором В. А. Познанским было опубликовано около 100 научных работ по различным проблемам уголовного процесса, в том числе монографий «Вопросы теории и практики кассационного производства в советском уголовном процессе», «О пределах рассмотрения уголовного дела кассационной инстанцией». В. А. Познанского не стало в 1997 г.

По инициативе и при участии В. А. Познанского на кафедре уголовного процесса была открыта аспирантура, а в институте создан диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности уголовный процесс и криминалистика. С этого времени на кафедре под ру-

*Участники конференции,
посвященной 100-летию профессора В. А. Познанского (2010 г.)*

ководством В. А. Познанского и А. Л. Цыпкина стали активно защищаться кандидатские диссертации, и некоторые их ученики до настоящего времени продолжают работать и в академии, и на кафедре уголовного процесса.

В 1952 г. Цилей Моисеевной Каз была защищена кандидатская диссертация на тему «Правовая природа приговора в советском уголовном процессе», в 1964 г. Нина Антоновна Акинча представила диссертационное исследование, посвященное процессуальному положению обвиняемого, а Владлен Александрович Дубривный защитил диссертацию на тему «Потерпевший в советском уголовном процессе».

Ц. М. Каз работала на кафедре долгие годы, вплоть до своей смерти в 1987 г. Диапазон ее научных интересов был очень широк, но заслуженную известность ей принесли монографические исследования, посвященные проблемам доказательственного права: «Доказательства в советском уголовном процессе», «Субъекты доказывания», «Проблемы доказывания в суде первой инстанции (цели доказывания)».

Н. А. Акинча преподавала на кафедре более 30 лет. Ее научные работы были посвящены проблемам правового статуса участников уголовно-процессуальной деятельности, развития уголовно-процессуального законодательства, а в последние годы Н. А. Акинча исследовала вопросы, связанные с особенностями судопроизводства по делам несовершеннолетних.

Научные интересы профессора В. А. Дубривного, который до прихода на кафедру работал следователем прокуратуры, были связаны с пробле-

Конференция, посвященная 90-летию со дня рождения профессора В. А. Дубривного (2015 г.)

мами предварительного расследования. Именно им посвящены его работы «Деятельность следователя по расследованию преступлений. Общая характеристика. Цели. Действия», «Предварительное следствие: уголовно-процессуальные средства» и ряд других. Владлен Александрович Дубривный активно работал с аспирантами кафедры. Под его научным руководством подготовлены и успешно защищены несколько кандидатских диссертаций. Профессор В. А. Дубривный работал на кафедре вплоть до своей смерти в 2003 г.

В конце 1960-х – в 1970-х гг. на кафедру пришло новое поколение ученых В. Я. Чеканов, В. М. Корнуков, А. Р. Михайленко, А. С. Ландо. Темы их научных исследований определялись общим научным направлением кафедры. В этот период на кафедре помимо уголовного процесса разрабатывались и проблемы прокурорского надзора. И безусловным лидером этого направления стал Василий Яковлевич Чеканов. Вопросам осуществления прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве была посвящена его докторская диссертация и монографии «Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве» и «Прокурорский надзор на отдельных этапах предварительного следствия». С 1973 г. В. Я. Чеканов возглавил кафедру и оставался ее заведующим до своей смерти в 1985 г.

В 1985–2011 гг. кафедрой уголовного процесса руководил Владимир Михайлович Корнуков. Научные работы профессора В. М. Корнукова посвящены проблемам обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве. Темой его докторской диссертации, защищенной в 1987 г., стали теоретические и правовые вопросы положения личности в уголовном процессе. В. М. Корнуковым были опубликованы многочисленные работы, в том числе монографии «Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве», «Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве». Под научным руководством профессора В. М. Корнукова ряд преподавателей кафедры защитили кандидатские диссертации.

Коллектив кафедры уголовного процесса (2010 г.)

В 1970–1980-е гг. на кафедре уголовного процесса продолжали активно защищаться кандидатские диссертации и публиковаться монографии: в 1971 г. А. Р. Михайленко представил работу «Вопросы теории и практики возбуждения уголовного дела»; в 1973 г. диссертация на тему «Представители несовершеннолетних обвиняемых в уголовном процессе» была защищена А. С. Ландо.

Работы доцента А. С. Ландо были связаны с обеспечением защиты прав личности в уголовном судопроизводстве. Это направление научно-исследовательской деятельности позволило автору выйти на широкую социально-правовую практику. В последние годы он являлся уполномоченным по защите прав человека и возглавлял соответствующую комиссию при правительстве Саратовской области. В настоящее время А. С. Ландо – председатель Общественной палаты Саратовской области.

В 1980-е гг. на кафедру пришло новое поколение молодых ученых (Л. В. Никитина, О. И. Лавринович, А. Ф. Соколов, Т. П. Николаева, А. Г. Маслов, В. Д. Холоденко, В. А. Шишанова, Н. С. Манова), многие из которых в настоящее время являются ее ведущими учеными. Проблематика их научных трудов широкая и определяется общими направлениями исследований кафедры.

Людмила Васильевна Никитина защитила кандидатскую диссертацию по проблемам прекращения уголовных дел с освобождением лица от уголовной ответственности и долгое время занималась исследованием вопросов осуществления судебной деятельности в кассационном, апелляционном и надзорном производствах. С 2011 г. и до своей смерти в 2017 г. Л. В. Никитина возглавляла кафедру уголовного процесса.

Доцент А. Г. Маслов продолжительное время разрабатывал проблематику использования такого источника доказательств, как показания обвиняемого, опубликовав несколько научно-практических пособий: «Проверка показаний обвиняемого на предварительном следствии», «Процессуальная природа показаний обвиняемого», «Показания обвиняемого и процесс доказывания».

Диссертации В. А. Шишановой и В. Д. Холоденко были подготовлены под руководством профессора В. Я. Чеканова и посвящены соответственно проблемам осуществления прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве и механизму уголовно-процессуального регулирования деятельности следователя. Профессор В. Д. Холоденко и ныне активно занимается преподавательской

В. Д. Холоденко

Н. С. Манова

деятельностью на кафедре и практикует в качестве адвоката по уголовным делам, что значительно обогащает его педагогическую деятельность и определяет направление научных исследований.

Н. С. Манова в 1988 г. защитила кандидатскую диссертацию по проблемам особенностей предмета доказывания по делам несовершеннолетних. Продолжая заниматься вопросами, связанными с уголовно-процессуальной формой, Н. С. Манова в 2006 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм». В настоящее время Н. С. Манова заведует кафедрой уголовного процесса, активно занимается научной работой, публикует монографии, учебники, многочисленные научные статьи. Под ее руководством молодые преподаватели и соискатели кафедры проводят научные исследования и защищают кандидатские диссертации.

О. В. Евстигнеева

Основываясь на традициях и проблематике научных исследований, заложенных основателями кафедры, а также учитывая направления проводившейся в стране судебно-правовой реформы, следующее поколение ученых, пришедших на кафедру, разрабатывало вопросы, связанные с обеспечением личности, повышением эффективности уголовного судопроизводства, развитием в нем частных начал, нравственно-этическими проблемами осуществления правосудия. В 1996 г. А. В. Бесединым защищена кандидатская диссертация по проблемам защиты в стадии исполнения приговора; в 1999 г. О. В. Евстигнеевой – диссертация на тему «Использование специальных познаний в формировании доказательственной базы на предварительном следствии»; в 2000 г. подготовлена к защите диссертация Е. А. Седаш, посвященная частному началу в российском уголовном процессе. Закономерный интерес у ученых кафедры вызвало возрождение суда присяжных.

Г. Б. Петрова

В 2000 г. А. А. Акимчев защитил кандидатскую работу по проблемам объективной истины в суде присяжных.

М. А. Баранова

В. Л. Григорян

Ю. В. Францифоров

Основными направлениями научно-исследовательской работы кафедры в последнее десятилетие, которые воплощаются в подготавливаемых преподавателями кафедры диссертационных и монографических исследованиях, по-прежнему являются укрепление законности и усиление охраны прав личности в уголовном судопроизводстве, совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности органов предварительного расследования и суда. Так, в 2003 г. Д. В. Ванин защитил диссертацию по проблемам функционального назначения деятельности следователя и его полномочий в состязательном уголовном процессе. В 2004 г. Г. Б. Петровой была защищена диссертация «Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности»; в 2005 г. М. А. Баранова подготовила работу, посвященную такому участнику уголовно-процессуальных правоотношений, как свидетель; вопросы осуществления защитительной деятельности как фактора, определяющего построение уголовного процесса и выполнение его задач, стали предметом диссертационного исследования В. Л. Григоряна (2010 г.).

В 2011 г. на кафедру пришел работать доктор юридических наук Юрий Викторович Францифоров, научные интересы которого связаны с противоречиями российского уголовного судопроизводства и проблемами осуществления досудебной деятельности. В 2014 г. кафедра пополнилась еще одним доктором наук Антоном Евгеньевичем Федюниным, разрабатывающим вопросы использования научно-технических средств при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. С 2018 г. на условиях совместительства на кафедре преподает доктор юридических наук, профессор М. Т. Аширбекова, занимающаяся проблематикой публичности уголовного судопроизводства.

Н. С. Манова, Ю. В. Францифоров, А. Е. Федюнин, М. Т. Аширбекова являются членами диссертационного совета Д 212.239.01, созданного на базе Саратовской государственной юридической академии, где успешно защи-

А. Е. Федюнин

Н. В. Спесивов

Н. О. Овчинникова

щаются кандидатские диссертации, подготовленные молодыми учеными кафедры, внимание которых привлекают вопросы реализации международных стандартов прав личности в российском уголовном процессе (диссертации Н. С. Ермишиной – 2012 г. и Н. В. Спесивова – 2015 г.), вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (диссертация Н. В. Несмачной – 2016 г.) и проблемы, связанные с пробелами в российском уголовно-процессуальном праве (диссертация Н. О. Овчинниковой – 2017 г.).

В рамках основных направлений научно-исследовательской работы кафедры молодые ученые разрабатывают также более узкие, конкретные темы, имеющие тесную связь с правоприменительной деятельностью: в 2011 г. Н. А. Кирдиной защищена диссертация по проблемам гарантий объективности производства следственных действий; М. А. Лавнов посвятил свое диссертационное исследование вопросам реализации норм института прекращения уголовного дела в российской правоприменительной практике (2015 г.); Д. С. Устинов – поведенческой характеристике обвиняемого и ее влиянию на решения, принимаемые по уголовному делу (2015 г.); А. В. Калинин – процедуре выдвижения подозрения как гарантии прав изобличаемого лица (2016 г.).

Результаты научных исследований членов кафедры постоянно публикуются в статьях, учебно-методических и научно-практических пособиях, монографиях, ряд которых получили признание научной общественности России, отзывы в центральной и местной печати. В 2016 г. преподавателями кафедры с привлечением ведущих ученых других юридических вузов страны подготовлена и опубликована коллективная монография «Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства».

Профессорами и доцентами кафедры опубликованы ряд учебников для студентов и бакалавров (Манова Н. С. Уголовный процесс: учебник для вузов. М., 2010; Манова Н. С.,

Н. А. Кирдина

М. А. Лавнов

Д. С. Устинов

Францифоров Ю. В. Уголовный процесс: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М., 2018; Уголовный процесс: учебник / под ред. Н. С. Мановой, Ю. В. Францифорова. М., 2016; Манова Н. С., Францифоров Ю. В. Уголовный процесс: краткий курс лекций. М., 2018 и др.), а также научно-практические комментарии к ряду федеральных законов.

Кафедра принимает активное участие в законотворческой деятельности академии: неоднократно разрабатывала и рецензировала различные нормативные акты не только местного, но и федерального уровня, в том числе учеными кафедры давались отзывы на проекты УПК, представленные различными авторскими коллективами; постоянно готовятся заключения по проектам постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Профессор Н. С. Манова является членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде России.

На кафедре проводятся кандидатские исследования и защищаются диссертации не только ее членами. Целый ряд ученых, становление которых происходило на кафедре уголовного процесса Саратовской юридической академии, в настоящее время работают во многих вузах России или занимаются практической деятельностью (А. Р. Михайленко, С. П. Щерба, А. В. Беседин, Я. В. Комисарова, Н. П. Ведищев, В. А. Шабунин, Е. А. Артамонова, Н. С. Ермишина и др.).

Ряд преподавателей кафедры имеет многолетний стаж практической работы в судах и правоохранительных органах (Г. И. Седова, Ю. Н. Царев, С. Б. Погодин, А. А. Коссович, А. Э. Арзуманян, А. А. Васильев).

Преподаватели кафедры активно разрабатывают авторские курсы лекций, которые используются при проведении занятий с бакалаврами и магистрантами. На кафедре также разработан и читается целый ряд спецкурсов, посвященных наиболее актуальным проблемам теории и практики уголовного судопроизводства. Кафедра широко применяет ин-

Г. И. Седова

С. Б. Погодин

терактивные методики преподавания, в том числе деловые и ролевые игры.

Ученые кафедры принимают самое активное участие во всех научных конференциях, которые проводятся в рамках академии, в других вузах страны. Сохраняя память о своих учителях, кафедра неоднократно организовывала конференции, посвященные их юбилеям: в 2000 и 2010 гг. были проведены Всероссийские конференции по современным проблемам уголовного судопроизводства, посвященные 90- и 100-летию профессора В. А. Познанского. В 2005 г. кафедрой был организован круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения Ц. М. Каз, на котором обсуждались вопросы осуществления доказательственной деятельности, бывшие предметом ее научных интересов. 10 ноября 2015 г. на кафедре уголовного процесса проведена Международная научно-практическая конференция «Следственная деятельность: прошлое, настоящее, будущее», посвященная 90-летию со дня рождения профессора В. А. Дубривного.

Кафедра участвует в проведении научно-исследовательских работ по хоздоговорам и грантовым программам. В рамках последних преподавателями кафедры разрабатываются такие темы, как «Научно-методическое обе-

Участники конференции, посвященной 80-летию Саратовской юридической академии, сентябрь 2011 г.

А. В. Тихий

Ю. В. Комова

О. Г. Блинова

С. Н. Иванов

Н. Н. Давыдова

спечение деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» (Н. В. Спесивов), «Преюдициально-прецедентная сила судебных решений по уголовным делам» (М. А. Баранова и В. Л. Григорян) и др.

Все это позволяет считать, что на кафедре уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии в настоящее время существуют прочные традиции осуществления научно-исследовательской работы, заложенные основателями кафедры профессорами В. А. Познанским, А. Л. Цыпкиным, В. Я. Чекановым, Ц. М. Каз, чьи работы получили общероссийское признание, стали теми азами, с изучения которых начинает всякий молодой ученый и которые известны и ученым-правоведам в странах ближнего зарубежья.

Настоящее и во многом будущее кафедры связано с ее молодыми кадрами. Научный потенциал кафедры весьма значителен и имеет хорошие перспективы, а его будущее – это те талантливые студенты, которые активно работают в созданных на кафедре научно-студенческих кружках, пишут магистерские и дипломные работы и пополняют ряды аспирантов кафедры. Кафедра уголовного процесса с оптимизмом и уверенностью входит в новую историю жизни Саратовской юридической академии.

Коллектив кафедры уголовного процесса и участники конференции, посвященной 85-летию Саратовской юридической академии

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Коллектив кафедры уголовного процесса Саратовской юридической академии, 2018 г.

**НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ**

УДК 343

Н. С. Манова

**О НЕКОТОРЫХ ДЕФЕКТАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Рассмотрены проблемы структурного построения действующего закона, регламентирующего уголовно-процессуальную деятельность, а также дефекты юридической техники при изложении его отдельных норм.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальный закон, структура УПК РФ, стадии уголовного процесса, уголовно-процессуальные производства, прекращение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела.

**ON SOME DEFECTS OF LEGAL TECHNIQUE OF THE CRIMINAL
PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article deals with the problems of the structural structure of the current law, which regulates criminal procedure, as well as defects in legal technology in the presentation of its individual norms.

К e y w o r d s: criminal procedure law, structure of the criminal procedure code of the Russian Federation, stages of criminal proceedings, criminal proceedings, termination of a criminal case, refusal to initiate a criminal case.

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

Продуманное, правильное композиционное решение любого кодифицированного закона имеет огромное значение, во многом облегчая его понимание и, следовательно, применение. Четкая система построения кодекса (в данном случае УПК РФ) придает качественную определенность правовому мышлению правоприменителя, фиксирует структуру представлений о порядке уголовного судопроизводства у тех должностных лиц, которые осуществляют уголовно-процессуальную деятельность.

Кроме того, это позволяет максимально унифицировать и устранить дублирование в изложении одних и тех же вопросов, решаемых в рамках досудебного или судебного производств при их осуществлении в различных формах, повышает емкость каждой единицы информации закона.

Действующий же УПК РФ, к сожалению, трудно назвать совершенным с точки зрения юридической техники. Это касается как структурного построения действующего закона, регламентирующего уголовно-процессуальную деятельность, так и с точки зрения изложения его отдельных норм.

© Манова Н. С., 2019

Так, авторы УПК РФ, разбивая Особенную часть Кодекса на структурные элементы (части, разделы и главы), не использовали какого-либо единого критерия для построения закона. Особенно отчетливо это прослеживается при регламентации досудебного и судебного производств. Выделив данные виды производств в отдельные части (часть вторая и третья УПК РФ), авторы Кодекса при делении указанных частей на разделы, на первый взгляд, исходили из традиционного понимания системы уголовного судопроизводства как совокупности взаимосвязанных и последовательно сменяющих друг друга стадий и использовали именно этот устоявшийся структурный элемент на уровне процессуальной деятельности – стадии уголовного судопроизводства.

Стадиями уголовного процесса принято называть его этапы, ступени или части, которые сменяют одна другую в строгой последовательности и которые тесно связаны общими задачами и принципами уголовного судопроизводства. Вместе с тем для каждой стадии свойственны и свои непосредственные задачи, свой круг субъектов, определенная форма процессуальной деятельности, специфический характер уголовно-процессуальных правоотношений и, наконец, итоговое процессуальное решение, завершающее деятельность на данной стадии и знаменующее переход дела на следующую ступень, стадию процесса¹. С помощью понятия «стадия процесса» традиционно, начиная с работ дореволюционных ученых-процессуалистов и до настоящего времени, обозначается последовательность развития уголовно-процессуальной деятельности, ее динамическая и временная характеристика².

В современном уголовном судопроизводстве выделяются шесть основных и три исключительные стадии, относя к первым возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, подготовительные действия к судебному разбирательству, судебное разбирательство, деятельность суда второй инстанции (производство в апелляционной инстанции), исполнение приговора. Исключительными принято называть стадии, в которых осуществляется пересмотр приговоров и иных решений суда, вступивших в законную силу. В настоящее время – это деятельность суда кассационной и надзорной инстанций и возобновление производства по делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

В УПК РФ нормы, регламентирующие досудебное производство, разделены на два раздела в соответствии с традиционно выделяемыми стадиями воз-

---

¹ См.: *Михайленко А. Р.* О сущности и значении стадии советского уголовного процесса // Вопросы уголовного процесса. 1977. Вып. 1. С. 114–120 ; *Якимович Ю. К.* Структура советского уголовного процесса : система стадий и система производств. Томск, 1991. С. 24 ; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2001. С. 15 ; *Манова Н. С., Францифоров Ю. В.* Уголовный процесс : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 16 ; и др.

² См.: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Пг., 1915. Т. 2 ; *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство. СПб., 1910 ; *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. М., 1997 ; *Горшенев В. М., Недбайло П. Е.* Процессуальная форма и ее социально-юридические возможности в социалистическом обществе // Юридическая процессуальная форма : теория и практика. М., 1976. С. 17 ; *Погребной И. М.* Общетеоретические проблемы производств в юридическом процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1982. С. 6–7 ; *Гимазетдинов Д. Р., Зинатуллин З. З.* Уголовно-процессуальная форма. М., 2014. С. 13–15.

буждения уголовного дела и предварительного расследования (соответственно разделы 7 и 8). Но далее, при структурном построении норм, посвященных судебному производству, стадии уголовно-процессуальной деятельности в расчет либо уже не принимались, либо представления о них авторской группы, разрабатывавшей Кодекс, являются иными, чем это принято в современной теории уголовного процесса. В частности, судя по тому, что вся деятельность суда первой инстанции регламентируется в одном разделе (раздел 9), авторы УПК РФ не считают более подготовку дела к судебному заседанию самостоятельной стадией процесса.

В разделах 13, 14 и 15 УПК РФ вновь сгруппированы нормы в соответствии со стадийным развитием уголовно-процессуальной деятельности: это регламентация соответственно деятельности суда второй инстанции, деятельности по исполнению приговора и по пересмотру решений суда, вступивших в законную силу.

В то же время три предыдущих раздела Кодекса (10, 11, 12) регламентируют деятельность, которую невозможно охарактеризовать в качестве стадии процесса, – особый порядок судебного разбирательства (раздел 10), производство у мирового судьи и в суде присяжных (соответственно разделы 11 и 12). Такого рода деятельность целесообразно было регламентировать в главах, включенных в 9-й раздел УПК РФ, посвященный производству в суде первой инстанции.

Это дает основания говорить о том, что при структурной разработке УПК РФ отсутствовала какая-либо единая схема конструирования, группировки норм закона по частям, разделам и главам, что, как уже отмечено, не может не вызывать трудностей в понимании и применении Кодекса.

Вместе с тем только с помощью понятия «стадия процесса» невозможно исчерпывающе охарактеризовать структуру современного российского уголовного судопроизводства как некой целостной системы и раскрыть его содержательную сторону, так как данная категория не охватывает все его структурообразующие элементы, всего многообразия проявлений уголовно-процессуальной деятельности и расходится с современными представлениями о системности социально-правовых явлений, обязательным свойством которой являются функции, отражающие направления и соответствующие им задачи такой деятельности. Смена состояния уголовно-процессуальной деятельности определяется уровнем решения ее задач и имеет количественные и качественные характеристики³.

Количественный показатель состояния уголовно-процессуальной деятельности выражается в постепенном повышении объема выполнения специфических задач при поступательном движении дела по стадиям. Качественный же скачок в развитии уголовного судопроизводства, когда полномочия по осуществлению процессуальной деятельности переходят к иному компетентному государственному органу, происходит при достижении такого уровня в решении задач, который исчерпывает содержание конкретной процессуальной функции и означает переход из одного производства в другое. Тем самым ста-

³ См.: Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 30–31.

дии процесса выражают его динамическую характеристику; функциональная же направленность уголовного судопроизводства может быть раскрыта через систему производств, отражающих специализацию деятельности различных субъектов, участвующих в уголовном процессе в качестве носителей властных управленческих полномочий⁴.

Процессуальное производство представляет собой относительно самостоятельную часть (этап) процессуальной деятельности по делу, включающую, как правило, несколько стадий, осуществляемую субъектами – носителями властных управленческих полномочий, выполняющими определенную процессуальную функцию, в рамках которой они решают адекватные задачи, и характеризующуюся соответствующей формой (процедурой, порядком осуществления) уголовного судопроизводства.

Использование при структуризации УПК РФ понятия «производство» только применительно к субъектному составу процессуальной деятельности дало законодателю основания для выделения лишь двух видов производств – досудебного и судебного. Рассмотрение же уголовного процесса под углом зрения функциональной направленности деятельности должностных лиц, его осуществляющих, позволяет выделить такие виды производств, как 1) досудебное (предварительное), 2) производство в суде первой инстанции (основное), 3) производство по проверке законности и обоснованности решений суда и 4) производство по разрешению процессуальных вопросов, возникающих при исполнении приговора.

Структурно некоторые из данных видов производств «распадаются» на стадии; применительно к другим точнее говорить о формах осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Так, российское досудебное производство состоит из двух стадий: возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Производство в суде первой инстанции включает стадию подготовки дела к судебному заседанию и стадию рассмотрения и разрешения дела по существу.

Говоря же о структуре производства по пересмотру судебных решений в смысловом отношении, правильнее выделять не его стадии, а формы, в которых может осуществляться такой пересмотр. Апелляция, кассация, деятельность надзорной инстанции, возобновление уголовно-процессуальной деятельности по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств представляют собой не стадии, т. е. ступени уголовного судопроизводства, характеризующие его динамическое развитие и имеющие конкретные задачи, хотя и в рамках единой процессуальной функции. Это установленные законом процедуры проверки правосудности судебных актов, которые обеспечивают решение единых задач и различаются лишь в зависимости от предмета проверки, т. е. вида судебного решения.

Четвертый вид производства – производство по разрешению процессуальных вопросов, возникающих при исполнении приговора, – по сути, исчерпывается стадией исполнения приговора.

Подобная системность процессуальной деятельности (стадии и производства) предопределена моделью российского уголовного процесса – процесса

---

⁴ См.: Манова Н. С. Указ. соч. С. 31.

смешанного типа, в котором розыскное досудебное производство (ныне с элементами состязательности) сочетается с состязательным производством в суде первой инстанции, где существует традиционное производство по проверке судебных решений и отечественные процедуры которого отличаются достаточным своеобразием.

Анализ функциональной направленности деятельности тех субъектов, на которых возложена обязанность осуществления уголовного процесса, позволяет выделить в нем четыре названных выше вида производств, каждое из которых представляет собой самостоятельную, относительно обособленную часть (этап) процессуальной деятельности по делу, включающую, как правило, несколько стадий, осуществляемую субъектами – носителями властных управленческих полномочий, выполняющими определенную процессуальную функцию, в рамках которой они решают адекватные задачи, и характеризующуюся соответствующей формой (средствами и способами осуществления) уголовного судопроизводства.

Именно «развертывание полезных различий в деятельности участников процесса», «функциональная дифференциация их непосредственных задач» обеспечивает достижение единых целей уголовного судопроизводства. Они же являются наиболее плодотворным основанием для вычленения категории «уголовно-процессуальное производство» и установления ее понятийной автономии. Если УПК РСФСР практически отрицал функциональное разграничение системы уголовно-процессуальных производств, то действующий уголовно-процессуальный закон уже дает определенные основания для того, чтобы, используя направленность деятельности субъектов процесса, охарактеризовать виды и содержание уголовно-процессуальных производств. И если стадии представляют собой скорее динамическую и временную характеристику уголовного процесса, то предложенная система процессуальных производств выражает и его функциональную характеристику.

Таким образом, разделение уголовно-процессуальной деятельности помимо стадий на соответствующие производства отражает специализацию деятельности различных субъектов, участвующих в уголовном процессе в качестве носителей властных управленческих полномочий. Учет этого положения и уяснение сущности процессуального производства как обобщающей категории в структуре уголовного процесса является, по нашему мнению, плодотворной основой не только для решения теоретических и практических вопросов, касающихся содержательной стороны уголовного процесса и взаимодействия составляющих его компонентов, но также и для композиционного построения УПК РФ.

Однако указанной проблемой дефекты юридической техники действующего УПК РФ далеко не исчерпываются. Законодатель в целом ряде норм Кодекса настолько «небрежен» в правовых предписаниях относительно порядка осуществления уголовно-процессуальной деятельности, что становится искренне жаль правоприменителя, который должен руководствоваться такими нормами в своей практической деятельности.

Ярким примером тому являются положения ч. 3 ст. 20 УПК РФ, согласно которым уголовные дела частного-публичного обвинения возбуждаются не иначе,

как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат. Буквальное толкование данной нормы означает, что в случае примирения сторон по делам частного-публичного обвинения прекращение уголовного дела, в том числе в порядке ст. 25 УПК РФ, не допускается, что, безусловно, является неверным и даже абсурдным.

Такое основание прекращения уголовного дела, как примирение сторон, не может не касаться дел частного-публичного обвинения, так как ст. 25 УПК РФ является общей нормой, применение которой ограничено лишь условиями, заложенными в самой этой норме и в ст. 76 УК РФ (совершение преступления небольшой или средней тяжести лицом, ранее не судимым, на основании заявления потерпевшего о заглаживании причиненного ему вреда). Данное решение не может ставиться в зависимость от вида осуществления уголовного преследования (публичное, частное или частно-публичное).

Можно лишь предположить, что, говоря о том, что дела частного-публичного обвинения не подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, законодатель подразумевал лишь *обязательность, безусловность* прекращения таких дел в связи с примирением обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего (как это имеет место по делам частного обвинения). Однако подобная законодательная неточность привела к достаточно противоречивой правоприменительной практике. Если в одних регионах Российской Федерации органы предварительного расследования и суды отказывают сторонам в удовлетворении ходатайств о прекращении дел частного-публичного обвинения в связи с их примирением, ссылаясь на запрет, содержащийся в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, то в других регионах Российской Федерации практика прекращения таких дел в порядке ст. 25 УПК РФ считается допустимой и законной.

С порядком прекращения уголовных дел связана еще одна законодательная «неточность». В соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа наделен полномочием утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу. При этом данная норма сформулирована таким образом, что данное полномочие руководителя следственного органа распространяется на любое подобное решение следователя, независимо от оснований его принятия. С данной нормой вполне согласуются положения ст. 25, 25.1, 28, 28.1, согласно которым решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон, в связи с деятельным раскаянием, по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, а также ходатайство о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, выносится следователем с согласия руководителя следственного органа. Данные основания для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) принято характеризовать как диспозитивные, и указание законодателя на необходимость получения согласия руководителя следственного органа на принятие таких решений традиционно рассматривается как дополнительная гарантия их законности и обоснованности, как антикоррупционная составляющая в процессуальном порядке принятия данных решений.

В соответствии же с положениями ст. 24 и 27 УПК РФ при наличии указанных в них оснований дальнейшее производство по делу становится невозможным и уголовное дело (уголовное преследование) подлежит прекращению. При этом законодатель ничего не говорит о необходимости получения следователем согласия руководителя следственного органа на принятие данного решения. Неизбежно возникает вопрос о том, какая из этих норм (ст. 24, 27 или ст. 39 УПК РФ) является более общей? Должен ли следователь получать согласие руководителя следственного органа на прекращение уголовного дела, например в связи с истечением срока давности уголовного преследования или в связи с наличием акта амнистии? Или же такое решение он может принять самостоятельно?

В теории уголовного процесса основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), предусмотренные ст. 24, 27 УПК РФ, в силу того, что они исключают возможность продолжения уголовного преследования, принято называть императивными. Это предполагает самостоятельность следователя в принятии соответствующего решения, которое по смыслу закона не нуждается в одобрении руководителя следственного органа.

Однако правоприменительная практика почти повсеместно складывается иначе. Следователи и руководители следственных органов склонны считать, что положения п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ о необходимости утверждения руководителем следственного органа постановлений следователя о прекращении производства по уголовному делу носят более общий (по сравнению с положениями ст. 24 и 27 УПК РФ) характер, и что любое решение следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) подлежит утверждению руководителем следственного органа.

В данной ситуации трудно угадать точный замысел законодателя. Но очевидно одно: чтобы снять подобную неопределенность, было достаточно оговорить в ст. 39 УПК РФ, что полномочие руководителя следственного органа утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу распространяется на все (или отдельные) основания принятия такого решения.

Еще один пример низкой законодательной техники действующего уголовно-процессуального закона, пример крайне неудачного структурирования отдельных его норм – ч. 6 ст. 148 УПК РФ.

Статья 148 Кодекса посвящена порядку принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела. В ч. 6 данной статьи законодатель регламентирует полномочия прокурора и руководителя следственного органа по отмене незаконного и необоснованного постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом законодатель излагает полномочия указанных должностных лиц в одном абзаце, не выделяя полномочия руководителя следственного органа как должностного лица, имеющего самостоятельное право на отмену указанного решения следователя.

Это дало основания не только практикам, но и отдельным ученым для утверждения о том, что для утраты юридического значения постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, кроме постановления прокурора о его отмене, необходимо еще и постановление руководите-

ля следственного органа об этом же, что постановление прокурора об отмене решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела должно быть подтверждено еще и постановлением руководителя следственного органа.

Безусловно, что это не так. Постановление прокурора об отмене указанного постановления следователя является окончательным. Оно не требует своего подтверждения решением руководителя следственного органа. Но так как законодатель не выделил полномочия руководителя следственного органа не только отдельной частью в данной статье, но хотя бы абзацем, то действительно может создаться впечатление, что постановление прокурора должно быть подтверждено постановлением руководителя следственного органа.

Приведенные в данной статье примеры далеко не исчерпывают все просчеты и неудачи законодателя при изложении нормативных положений УПК РФ. С учетом того, что практические работники нередко стремятся соблюсти именно букву, а не дух закона, не видя (или не желая видеть), что за частными случаями стоят определенные фундаментальные положения, процесс правоприменения УПК РФ далеко не всегда носит конструктивный характер, а отмеченные технические просчеты закона еще более затрудняют самостоятельное и правильное постижение его духа теми, кто применяет и изучает УПК РФ.

Саратовская государственная юридическая академия

***Манова Н. С.**, доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного процесса*

Saratov State Law Academy

***Manova N. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Criminal Process Department
E-mail: n.manova@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ ОТ НЕОБОСНОВАННОГО ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Рассматриваются правовые проблемы обеспечения неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, жилища, связанные с применением технических средств в уголовном судопроизводстве. Сделан вывод, что гарантии неприкосновенности должны распространяться не только на жилище, в материальном смысле его понимания, но и на всю информацию, которая в нем имеется и передается.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, оперативно-розыскная деятельность, права человека, частная жизнь, личная и семейная тайна, неприкосновенность жилища, технические средства.

THE PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE INDIVIDUAL FROM THE UNREASONABLE USE OF TECHNICAL MEANS IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES

The article discusses the legal problems of ensuring privacy, personal and family secrets, housing, associated with the use of technical means in criminal proceedings. It is concluded that the guarantee of immunity should apply not only to housing, in the material sense of its understanding, but also to all the information that it contains and is transmitted.

K e y w o r d s: human rights, private life, personal and family secrets, the inviolability of the home, criminal proceedings, operational search activities, technical means.

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

Осуществление правоохранительными органами Российской Федерации властных полномочий по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина является одним из важнейших критериев, характеризующих степень цивилизованности и демократичности любого государства. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Вместе с тем реализация прав и свобод человека и гражданина не должна нарушать права и свободы других лиц. Права граждан, нарушающих закон, могут и должны быть ограничены в целях защиты государства, общества и других граждан от преступных посягательств.

Ограничения прав и свобод граждан не должны быть профилактическими или неадекватными совершаемому правонарушению. В ст. 29 Всеобщей декларации прав человека записано: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и

уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»¹. На данном положении базируются все действующие конституции демократических государств, включая и Россию, ст. 55 которой гласит: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Именно эта мера и определяет ту тонкую грань, которая отделяет необходимые для защиты общества и государства ограничения прав отдельных граждан от их нарушения, характеризуя, тем самым, статус государства как правового и демократического.

В Конституции РФ большое внимание уделяется защите прав и свобод граждан от необоснованного их ограничения. Так, в ч. 3 ст. 15 записано: «Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». Часть 2 ст. 23 Конституции РФ закрепляет положение, на основании которого ограничение права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения. В соответствии со ст. 56 Конституции РФ не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные ст. 20, 21; ч. 1 ст. 23; ст. 24, 28; ч. 1 ст. 34; ч. 1 ст. 40; ст. 46–54 Конституции РФ. В соответствии с п. «в» ст. 71 Основного закона регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина отнесены к исключительному ведению Российской Федерации.

Исходя из положений Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – ФЗ «Об ОРД»), а также ряда других законов, постановлений Правительства РФ, ведомственных и межведомственных приказов и инструкций, применение технических средств при раскрытии и расследовании преступлений непосредственно затрагивает права граждан, перечисленные в ст. 23–25 Конституции РФ, к которым относятся: 1) право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; 2) право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; 3) право на неприкосновенность жилища. Кроме того, может быть нарушен запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, а также затронуты вопросы чести и доброго имени граждан.

Гарантии неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны содержатся не только в ряде норм Конституции РФ, но и в отраслевом законодательстве. В первую очередь, это конституционные положения о тайне переписки и иных сообщений (ч. 2 ст. 23), о недопустимости сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его

---

¹ Всеобщая декларация прав человека : принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г. // Рос. газета. 1998. 10 дек.

² Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

согласия (ч. 1 ст. 24), о неприкосновенности жилища (ч. 1 ст. 25), о судебной защите прав и свобод (ст. 46), создающие правовой режим, при котором нарушение неприкосновенности частной жизни оказывается затруднительным или невыгодным. Но механизмы обеспечения гарантий рассматриваемых конституционных прав, призванные реализовать на практике положения норм Конституции РФ, содержатся в отраслевом законодательстве.

В нем, во-первых, устанавливаются конкретные основания, условия и порядок получения сведений, касающихся личной и семейной тайны, чем создаются препятствия для произвольного вмешательства в частную жизнь, прежде всего со стороны государственных органов. Так, органы внутренних дел, ФСБ России, иные правоохранительные структуры вправе проникать в частную жизнь граждан с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации лишь при осуществлении ими в соответствии с ФЗ «Об ОРД» оперативно-розыскных мероприятий и в связи с расследованием совершенных ими преступлений, либо при наличии достоверных данных о готовящемся, совершающемся или совершенном преступлении, а также для обеспечения личной безопасности граждан и общественной безопасности (ст. 13 Федерального закона «О полиции»³; ст. 10, 13 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности»⁴ и др.).

С правом на неприкосновенность частной жизни тесно связано другое право человека – защита своей чести и доброго имени, т. е. таких элементов характеристики личности, которые, определяя право человека на почет, уважение, признание, являются основой его положения в обществе⁵. Данное право может быть затронуто не непосредственно применением специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, а посредством реализации материалов, полученных в результате их неправомерного использования.

Защита чести и доброго имени предполагает недопущение:

- 1) распространения помимо воли человека сведений, касающихся его личной и семейной жизни, если эти сведения способны подорвать его репутацию в обществе;
- 2) тенденциозного освещения тех или иных черт личности, создающего о ней одностороннее представление;
- 3) распространения не соответствующих действительности сведений о человеке, его личной и семейной жизни, профессиональной и политической деятельности.

Нарушение перечисленных требований может повлечь применение предусмотренных законом способов защиты гражданских прав: компенсацию мо-

³ О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 03.08.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

⁴ О Федеральной службе безопасности : федер. закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (в ред. от 07.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269.

⁵ См.: Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Ю. В. Кудрявцева. М., 1996. С. 216.

рального вреда (ст. 12, 1100 ГК РФ)⁶; уголовную (ст. 137 УК РФ)⁷; административную (ст. 13.11 КоАП РФ)⁸ или иную ответственность (ст. 51, 59 Закона РФ «О средствах массовой информации»)⁹.

Предусмотренное в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений является также одной из важнейших гарантий прав на неприкосновенность частной жизни человека, его личную и семейную тайну.

Однако данное право может выходить за рамки частной жизни и, в определенной степени, распространять на сферу служебных и иных общественных отношений. Такой вывод можно сделать, в частности, анализируя содержание ст. 15 Федерального закона «О почтовой связи»¹⁰, которая со ссылкой на рассматриваемую конституционную норму гарантирует, что почтовые отправления, переводимые денежные средства, телеграфные и иные сообщения являются тайной связи и могут выдаваться только отправителям (адресатам) или их представителям, а согласно ч. 2 ст. 15 данного закона «осмотр и вскрытие почтовых отправлений, осмотр их вложений, а также иные ограничения тайны связи допускаются только на основании судебного решения».

В целях реализации положений ч. 2 ст. 23 Конституции РФ и соответствующих норм федерального законодательства Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 24 декабря 1993 г. (в ред. от 06.02.2007) «О некоторых вопросах, связанных с применением ст. 23 и 25 Конституции Российской Федерации»¹¹ рекомендовал всем судам принимать к своему производству материалы органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, об ограничении права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и рассматривать эти материалы незамедлительно.

Дополнительной гарантией прав граждан от необоснованного их ограничения посредством применения СТС для прослушивания телефонных и иных переговоров, делающей бессмысленными подобные нарушения при проведении оперативно-розыскных мероприятий, является ч. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. (в ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»¹². В данном постановлении Пленум обратил внимание судов на то, что результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки

---

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 29.07.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 12.11.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 28.11.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁹ О средствах массовой информации : закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (в ред. от 18.04.2018) // ВСНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

¹⁰ О почтовой связи : федер. закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ (в ред. от 29.06.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 29. Ст. 3697.

¹¹ БВС РФ. 1994. № 3.

¹² БВС РФ. 1996. № 1.

ски, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут быть использованы в качестве доказательств по делам лишь тогда, когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Конституционное положение о недопустимости сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица является одной из гарантий закрепленного в ст. 23 Конституции РФ права на неприкосновенность частной жизни. Основные принципы работы с такой информацией получили закрепление в федеральных законах «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹³ и «О персональных данных»¹⁴.

Собирание конфиденциальной информации правоохранительными органами предусматривается, в частности, УПК РФ, федеральными законами «О полиции», «О федеральной службе безопасности», «Об ОРД». Так, в п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ установлено, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. В соответствии с ФЗ «Об ОРД» собирание сведений о личности может осуществляться путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Проведение ОРМ возможно лишь при наличии предусмотренных законом оснований (ст. 7) и условий (ст. 8) и не должно выходить за пределы конкретных потребностей.

Определенные гарантии прав, закрепленных в ст. 23 Конституции РФ, содержатся в ч. 6 ст. 5 Федерального закона «О полиции» и ч. 5 ст. 6 Федерального закона «О ФСБ». В целях недопущения избыточного распространения сведений, касающихся частной жизни граждан, УПК РФ предусматривает недопустимость разглашения данных предварительного расследования (ст. 161), а также рассмотрение уголовных дел в закрытых судебных заседаниях (ч. 2 ст. 241).

В качестве гарантии интересов лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке и которые располагают фактами проведения в отношении их оперативно-розыскных мероприятий, ФЗ «Об ОРД» предусмотрено их право истребовать от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведения о полученной о них информации.

Норма о неприкосновенности жилища, закрепленная в ст. 25 Конституции РФ, представляет собой одну из основных гарантий предусмотренного ч. 1 ст. 23 Конституции РФ права на неприкосновенность частной жизни. Как нам представляется, именно в таком контексте указанную конституционную норму нужно рассматривать, исходя из положений п. 1 ст. 17 Международного пакта

¹³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 18.12.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

¹⁴ О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

о гражданских и политических правах¹⁵, в котором указано, что никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию.

С учетом данных положений, на наш взгляд, и должно определяться понятие «неприкосновенность жилища» применительно к рассматриваемому кругу правоотношений. Однако в настоящее время толкование как понятия «неприкосновенность», так и понятия «жилище» не в полной мере соответствует смыслу, изначально заложенному в Международном пакте о гражданских и политических правах, что, по нашему мнению, приводит к упрощенному и искаженному толкованию ст. 25 Конституции РФ в современном уголовно-процессуальном законодательстве.

На протяжении долгого времени понятие «жилище» в законодательстве не раскрывалось, и единственным документом, которым можно было руководствоваться при рассмотрении вопросов, связанных с применением ст. 25 Конституции РФ и соответствующей ей ст. 139 УК РФ, было постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. № 11 (в ред. от 30.11.1990) «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности»¹⁶, которое, несмотря на происшедшие после его принятия изменения законодательства о преступлениях против собственности, долгое время не утрачивало своего инструктивного значения.

Исходя из положений данного постановления, под жилищем следовало понимать помещение, предназначенное для постоянного или временного проживания людей (индивидуальный дом, квартира, комната в гостинице, дача, садовый домик и т. п.), а также те его составные части, которые используются для отдыха, хранения имущества либо удовлетворения иных потребностей человека (балконы, застекленные веранды, кладовые и т. п.). В то же время жилищем не могли признаваться помещения, не предназначенные и не приспособленные для постоянного или временного проживания (например, обособленные от жилых построек погреба, амбары, гаражи и другие хозяйственные помещения).

Впоследствии Федеральным законом от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ (в ред. от 30.12.2001). «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод»¹⁷ ст. 139 УК РФ была дополнена примечанием, законодательно определившим понятие «жилище». В соответствии с данной поправкой в настоящее время под жилищем следует понимать индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но

---

¹⁵ О гражданских и политических правах : международный пакт от 16 декабря 1966 г. // БВС РФ. 1994. № 12.

¹⁶ БВС СССР. 1986. № 6 ; 1991. № 2.

¹⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 13. Ст. 1140.

предназначенное для временного проживания. Аналогичное толкование понятия «жилище» присутствует в ч. 10 ст. 5 УПК РФ, однако в нем фраза «пригодное для постоянного или временного проживания» заменена на фразу «используемое для постоянного или временного проживания», а слово «предназначенное» на слово «используемое», что значительно расширяет круг объектов, которые можно считать жилищем.

Наряду с перечисленными, в действующем законодательстве встречаются еще несколько других толкований понятия «жилище». Так, в ч. 3 ст. 2 Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»¹⁸ можно также встретить понятие «место жительства», которое, на наш взгляд, тождественно понятию жилище, однако, согласно данному закону, имеет несколько другой смысл. К «месту жительства» относятся жилые дома, квартиры, служебные жилые помещения, специализированные дома (общежития, гостиницы-приюты, дома маневренного фонда, дома-интернаты для одиноких престарелых, инвалидов и др.), а также иные жилые помещения, в которых граждане проживают постоянно или преимущественно в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору аренды либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством.

Однако данный закон не относит к понятию «жительства» места пребывания: гостиницы, санатории, дома отдыха, пансионаты, кемпинги, туристические базы, больницы, другие подобные учреждения, а также жилые помещения, не являющиеся местом жительства, в которых граждане проживают временно.

Таким образом, в настоящее время существуют как минимум четыре противоречащих друг другу действующих нормативных акта, на основании которых можно рассматривать понятие жилища, поэтому неудивительно, что в комментариях к Конституции РФ встречаются очень расширительные толкования данного понятия. Так, в комментариях к Основному закону под редакцией Б. Н. Топорнина, Ю. А. Батурина, Р. Г. Орехова¹⁹ и В. В. Лазарева²⁰ к жилищу, по правовому статусу, приравниваются транспортные средства, купе поезда, каюты парохода, личные гаражи, хозяйственные постройки, земельные участки, прилегающие к дому. И такой подход не лишен логики, поскольку ассоциирован с тем местом, где гражданин существует (живет) в каждый момент времени.

Надо отметить, что и понятие «проникновение», о котором говорится в ст. 139 УК РФ, в настоящее время не является однозначным и законодательно определенным; единственным документом, в котором сделана попытка его определения, является все то же постановление Пленума Верховного Суда

¹⁸ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (в ред. от 03.04.2017) // ВСНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.

¹⁹ См.: Конституция Российской Федерации : комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина, Ю. А. Батурина, Р. Г. Орехова. М., 1994. С. 161–162

²⁰ См.: Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. В. Лазарева. М., 1997. С. 121.

СССР № 11. В соответствии с данным документом под проникновением, применительно к делам о преступлении против личной собственности, рекомендовано считать вторжение в жилище с целью совершения кражи, грабежа или разбоя. Оно может совершаться не только тайно, но и открыто как с преодолением препятствий или сопротивления людей, так и беспрепятственно, а равно с помощью приспособлений, позволяющих виновному извлекать похищаемые предметы без входа в жилище.

Однако, на наш взгляд, современный уровень развития технических средств позволяет совершать проникновение в жилище не только без непосредственного входа в него человека, но и без нарушения неприкосновенности в том понимании, которое принято в уголовно-процессуальном законодательстве. Например, извлечение предметов из жилища может проводиться при помощи дистанционно управляемых механизмов, а наблюдение за происходящим внутри жилища как при помощи технических средств, внедряемых в стены, потолок, пол, системы вентиляции, технологические отверстия, щели и т. д., так и дистанционно, без механического контакта с границами жилища.

Таким образом, в свете рассматриваемой проблемы чрезвычайно важным является законодательное определение и закрепление понятия «неприкосновенность», содержащегося в ст. 25 Конституции РФ. Однако данное понятие на сегодняшний день не только не определено, но даже и не упоминается в ст. 139 УК РФ, вытекающей из ст. 25 Конституции РФ и призванной гарантировать закрепленные в ней права граждан на неприкосновенность жилища.

По нашему мнению, понятие «неприкосновенность», использованное в Конституции, является намного более объемным, чем понятие «проникновение», которым оно заменяется в ст. 139 УК РФ. В результате такого упрощенного понимания понятия неприкосновенности, использованного в УК РФ, получается, что статья с названием «Нарушение неприкосновенности жилища» на самом деле защищает граждан только от одного из видов нарушения неприкосновенности – незаконного проникновения в жилище физических лиц, а собственно неприкосновенность статья как раз и не гарантирует. В то же время неприкосновенность, т. е. защита от всякого (любого) посягательства со стороны кого бы то ни было, может быть нарушена использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации не только без физического проникновения в жилище, но даже без непосредственного контакта с ним.

По нашему мнению, гарантии неприкосновенности должны распространяться не только на жилище, в материальном смысле его понимания, но и на всю информацию, которая в этом жилище имеется и передается. Поэтому нарушением неприкосновенности жилища предлагаем считать не только открытое или тайное вторжение в него с целью проживания или в иных целях лиц, которые по закону не вправе находиться в нем, помимо воли проживающих лиц, но также и установку в нем технических средств, позволяющих вести прослушивание ведущихся там разговоров или визуальное наблюдение за происходящими событиями.

Нарушение неприкосновенности жилища будет иметь место и в тех случаях, когда с помощью специальных технических средств, установленных за

пределами жилища, ведется наблюдение за тем, что происходит внутри него. Здесь, на наш взгляд, стоит использовать опыт уголовно-процессуального законодательства США²¹, где уже достаточно давно наблюдение за происходящим в жилище и прослушивание, в том числе с использованием технических средств, находящихся вне его пределов, приравнивается к обыску (с соответствующим порядком судебного санкционирования и процессуальным статусом получаемых в результате прослушивания и наблюдения материалов).

Специфические гарантии неприкосновенности жилища предусмотрены действующим законодательством в отношении отдельных категорий лиц, чья деятельность, будучи сопряженной с повышенным профессиональным риском и особой ответственностью, нуждается в особом обеспечении. Например, в соответствии с ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»²², и член Совета Федерации, и депутат Государственной Думы в течение всего срока их полномочий обладают неприкосновенностью, которая распространяется, в частности, и на их жилые и служебные помещения.

Конституционный Суд РФ, проверяя по запросу Президента РФ конституционность вышеуказанной нормы, отметил в постановлении от 20 февраля 1996 г., что по смыслу ст. 98 Конституции РФ, в соотнесении ее со ст. 22–25, неприкосновенность парламентария не ограничивается только его личной неприкосновенностью и, следовательно, без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания неприкосновенность занимаемых депутатом жилых и служебных помещений не может быть нарушена²³. В силу этого постановления любые действия, сопряженные с ограничением неприкосновенности жилища, могут быть произведены лишь после получения на то согласия Совета Федерации или Государственной Думы. Похожие условия неприкосновенности действуют также и в отношении судей согласно п. 1 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»²⁴.

Таким образом, российское законодательство содержит комплекс правовых норм, призванных обеспечить гарантии прав и свобод граждан от необоснованного их ограничения при осуществлении государственными органами правоохранительной, оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Однако, как показывает проведенный анализ, большинство из них были разработаны и приняты практически без учета возможности использова-

²¹ См.: *Пешков М.* Прослушивание и электронное наблюдение в уголовном процессе США // Рос. юстиция. 1997. № 4.

²² О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (в ред. от 12.11.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 28. Ст. 3466.

²³ По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

²⁴ О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 12.11.2018) // ВСНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

ния специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации для ограничения конституционных прав личности. Кроме того, некоторые из перечисленных правовых норм, например неоднократно упоминавшаяся ст. 139 УК РФ, не только не учитывают современный уровень развития технических средств и не содержат упоминания о них, но и не соответствуют своему названию и положениям Конституции, которые она призвана охранять. В связи с вышеизложенным представляется необходимым внести в законодательные нормы, гарантирующие рассмотренные права и свободы граждан, поправки, учитывающие современный уровень развития технических средств и приводящие их в соответствие со смыслом, заложенным в положениях Конституции РФ, выполнение которых они призваны обеспечивать.

Первым из таких шагов, очевидно, является приведение Конституции РФ в соответствие с нормами международного права, а именно Международным пактом о гражданских и политических правах. Для этого, на наш взгляд, необходимо изложить ст. 25 Конституции РФ в следующей редакции: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище и нарушать неприкосновенность жилища против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения».

Вторым шагом необходимо разработать и закрепить в законодательстве единое понятие жилища, которое не допускало бы толкований и было применимо как в уголовно-процессуальном, так и в гражданском праве.

И, наконец, рассматривать как нарушение неприкосновенности жилища любую форму негласного получения информации о происходящем внутри жилища против воли проживающих в нем лиц.

Саратовская государственная юридическая академия

Федюнин А. Е., доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy

Fedyunin A. E., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Criminal Process Department
E-mail: aef@bk.ru

ЗАКОННОСТЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Рассматриваются научные взгляды на принцип законности как средства выражения уголовно-процессуального права, представляющий собой механизм регулирования правовых отношений участников уголовного судопроизводства, связанный с принципом законности, целевым назначением которого является требование обеспечения нормативных предписаний всеми субъектами уголовно-процессуальных отношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: принцип законности в уголовном судопроизводстве, уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальные отношения.

LEGALITY IN CRIMINAL TRIAL, AS MEANS OF EXPRESSION OF CRIMINAL PROCEDURE RIGHT

In the article scientific looks are examined to principle of legality as facilities of expression of criminal procedure right, being such mechanism of adjusting of legal relations of participants of criminal trial, that is related to principle of legality, the having a special purpose setting is a requirement of providing of normative binding overs all subjects criminally judicial relations.

К е у w o r d s: principle of legality in a criminal trial, criminal procedure right, criminal procedure relations.

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

Уже давно никого не шокирует суждение о том, что преступность угрожает национальной безопасности России, поскольку она покушается на экономическую и правоохранительную системы, создает у граждан и властей привыкание к криминалу¹, а поэтому важным средством правового регулирования в сфере уголовного процесса служит требование законности.

Главным вектором формирования новых научных взглядов по совершенствованию правовой политики государства является идея законности как средства выражения права.

В настоящее время понимание значения права как механизма регулирования правовых отношений участников уголовного судопроизводства связано с принципом законности, который обусловлен требованием обеспечения нормативных предписаний всеми субъектами правоотношений и гарантирует соблюдение законных интересов как лиц, потерпевших от преступления, так и лиц, в отношении которых осуществляется незаконное и необоснованное уголовное преследование и обвинение.

¹ См.: Попов А. П. Уголовный процесс России : целеполагание, система задач и средства. Пятигорск, 2016. С. 8.

Прежде чем рассматривать вопросы законности в уголовно-процессуальном праве, следует раскрыть ряд положений, обусловленных необходимостью исследования сущности права и его основных признаков.

Сущность права – вопрос, над которым ученые различных государств на протяжении многих столетий ведут принципиальный спор, не нашедший до настоящего времени своего разрешения. По справедливому суждению Д. М. Уолкера, было много попыток словесного определения права, но ни одна из них не является удовлетворительной и не получила всеобщего признания².

Среди всех трактовок определения сущности права, наиболее жизненной оказалась марксистская теория права, которая основывалась не на течениях философского идеализма, а на материалистической философии, обусловленной материальными условиями жизни. В соответствии с ней право – возведенная в закон воля господствующего в данном обществе класса³.

Эта теория видит право лишь в тесном взаимодействии с государством, создающим и поддерживающим право. «Право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права»⁴. Эта интерпретация права имела большое значение как в жизни нашего государства, так и многих других стран на протяжении нескольких столетий, поскольку способствовала материалистическому объяснению смысла и значения, появления и развития права в обществе.

Однако в фундаменте построения права имеется не только воля господствующего класса, основой которого является принудительная сторона права. Эта трактовка противоречит практике, так как содержит односторонний подход к праву, не раскрывая его основной социальной сущности.

В энциклопедическом словаре, право – это совокупность общеобязательных правил поведения (норм), установленных или санкционированных государством, выражающих волю всего народа, основанных на равноправии всех граждан, гарантии обеспечения прав и свобод, гуманности и справедливости⁵.

Право представляет собой такую систему юридических норм, которые создает не само гражданское общество, а субъекты государства, поэтому мысль о том, что право выражает волю народа, не точна, так как народ не создает правовые нормы.

Следует согласиться с О. В. Макаровым, что «право как систему норм создает не народ, не гражданское общество, а структуры, обладающие государственной властью; воля этих политических структур не отражает волю народа хотя бы потому, что народ, гражданское общество и властные политические структуры – разные субъекты; никогда один субъект не может точно и достоверно отражать волю другого субъекта»⁶.

Однако формулировка права в энциклопедическом словаре, хотя и проти-

---

² См.: Уолкер Д. М. Право и закон. Оксфорд, 1978. С. 716.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 443.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 94–95.

⁵ См.: Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 1990. С. 1061.

⁶ Макаров О. В. Соотношение права и государства // Государство и право. 1995. № 5. С. 17.

воречит правильному отражению, но содержит стремление к идеальному построению права, вызванного равновесием интересов личности и государства. В этом определении содержится противоречие между реальным правом – какое оно есть и идеалом права – каким ему следует быть, а именно: основанном на формальной свободе и равенстве. Реальное право содержит точность и конкретность, так как закон в нем утвердился в качестве доминирующей формы. Идеальная составляющая права – это тот образец, на который следует ориентироваться, тот эталон, к которому стремится реальное право.

Б. П. Пугинский и Д. Н. Сафиуллин видят в праве деятельность, состоящую в создании и применении общеобязательных норм и нормативных юридических средств при обеспеченности ее государственным принуждением, направленную на достижение необходимого результата⁷.

В содержании права следует видеть не только нормы, связанные с обеспечением прав человека, принадлежащие ему от рождения, но и общеобязательные нормативные требования, которые диктуют Конституция РФ и федеральные законы, поскольку источник прав лица – это не только его права и потребности, но и государственные, общественные интересы, имеющие публичное значение.

Как справедливо заметил И. А. Ильин, основная задача права состоит в том, чтобы развернуть его в виде ряда правил внешнего поведения, приспособленных к условиям данной жизни и к потребностям данного времени, придать этим правилам смысловую форму и словесное закрепление и далее проникнуть в сознание людей в качестве приоритетного связующего веления⁸.

Важным достоинством права служит его возможность реализоваться при помощи закона и нормативных понятий, утверждающих основополагающие начала общественного разума.

Уголовно-процессуальное право представляет собой отрасль российского права, которая представляет собой такую систему правовых норм и институтов, которая регулирует деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, других участников уголовного судопроизводства, направленных для установления надлежащего порядка производства по уголовным делам.

Система уголовно-процессуального права создается не в результате произвольного усмотрения законодателя, а в процессе объективно складывающейся внутренней его организации, которая обусловлена отражением развивающихся правовых отношений участников уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальное право представляет собой единство правовых норм, в основе которых находятся принципы уголовного судопроизводства, механизм правового регулирования и государственная воля, обусловленная требованиями Основного закона и уголовно-процессуального законодательства.

По мнению Ф. Энгельса, в современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, но также быть внутренне согласованным выражением, которое

⁷ См.: Пугинский Б. П., Сафиуллин Д. Н. Правовая экономика : проблемы становления. М., 1991. С. 22.

⁸ См.: Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 58.

не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий⁹. Государство и власть должны влиять на сложившуюся систему права, с целью ее совершенствования, при соблюдении пределов должного и возможного, так как право неразрывно с экономическим базисом общества и содержит объективный характер.

При этом уголовно-процессуальное право находит свою реализацию через уголовно-процессуальное законодательство, так как законодательство должно соответствовать правовым предписаниям.

УПК РФ устанавливает, что законами определяющими порядок уголовного судопроизводства являются: Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ и общеобязательные принципы и нормы международного права и международные договоры (как составная часть законодательства Российской Федерации, регулирующая уголовное судопроизводство), которые являются обязательными для руководства следователями, дознавателями, прокурором и судом (ч. 1–3 ст.1 УПК РФ).

Система права и система законодательства – тесно взаимосвязанные, но вполне самостоятельные категории, представляющие два аспекта одной и той же сущности – права¹⁰.

Однако система уголовно-процессуального права может быть действенной лишь в единстве с системой уголовно-процессуального законодательства, в качестве особой формы правовых норм, соединенных в порядке субординации в различные правовые акты.

Производство по уголовному делу на территории России независимо от места совершения преступления ведется по правилам Уголовно-процессуального кодекса РФ, если международным договором России не установлен другой порядок уголовного судопроизводства (ч.1 ст. 2 УПК РФ).

Строение законодательства понимается как система лишь потому, что оно является внешним выражением объективно существующей структуры права¹¹.

Поскольку структура уголовно-процессуального права является для законодателя объективной закономерностью, то в структуре нормативно-правовых актов находится свойство объективности их систематизации, обусловленной построением отрасли уголовно-процессуального права, его институтов и юридических норм.

Рассмотрение вопросов соотношения таких категорий, как уголовно-процессуальное право и уголовно-процессуальный закон, подводит автора к проблеме законности в уголовном судопроизводстве, которая представляется очень важной правовой категорией, выражающей всю сущность права в Российском демократическом государстве.

В современном правоведении, к немалому огорчению, продолжается давнишняя практика периодической реанимации «проблем», обсуждение которых решительно ничего не меняет ни в законотворчестве, ни в реальном

---

⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 418.

¹⁰ См.: *Матузов Н. И.* Система права // Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 374.

¹¹ См.: *Алексеев С. С.* Структура советского права. М., 1975. С. 61.

правовом применении¹², к счастью это не касается проблем законности в уголовном процессе.

В связи с этим весьма актуальным является необходимость рассмотрения законности как принципа уголовного процесса и определить его соотношение с уголовно-процессуальным правом.

Так, Е. Доля под принципом законности в уголовном процессе понимает строгое и точное исполнение законов при производстве по уголовному делу, который, по его справедливому суждению, находится в центре внимания процессуалистов, поскольку ему придается большое значение в законодательстве, практической деятельности органов расследования, прокуратуры и суда¹³.

По мнению М. С. Строговича, «принцип законности в уголовном процессе – это совокупность всех принципов процесса в их взаимной связи, а не отдельный принцип наряду с другими, это основа всех принципов процесса и каждого принципа в отдельности, а не нечто отличное от них, это то, что выражено во всех принципах процесса и в каждом отдельном принципе, а не одно лишь звено системы принципов»¹⁴.

Однако взаимосвязь законности с другими принципами не позволяет судить о том, что законность – это не принцип, а нечто отличное от принципов процесса, поскольку взаимодействие всех принципов уголовного судопроизводства, а тем самым и принципа законности, является таким состоянием активного взаимодействия, которое характерно для всех принципов уголовного процесса.

Как верно замечает Е. Доля, существование взаимосвязи принципов не отрицает наличия у каждого из них своего собственного содержания, своей основы, поскольку каждый принцип уголовного судопроизводства имеет свое правовое содержание, отличное от иных принципов процесса¹⁵.

Особенностью принципа законности является идея принятия компетентными органами и должностными лицами в сфере уголовного судопроизводства только таких решений, которые не противоречили бы УПК РФ и были законными, обоснованными и мотивированными. Этой формулировкой и содержанием принцип законности отличается от иных принципов уголовного судопроизводства.

Вместе с тем следует критически отнестись к формулировке принципа законности, которая в ст. 7 УПК РФ раскрывает не все необходимые свойства, принадлежащие данному принципу уголовного судопроизводства. Это объясняется отсутствием необходимых требований к таким участникам процесса, как потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, эксперт, специалист, защитник и переводчик.

¹² См.: Попов А. П., Попова И. А., Зинченко И. А. Уголовный процесс современной России : проблемные лекции : учеб. пособие для студ. высших юрид. учеб. заведений. Пятигорск, 2014. С.11.

¹³ См.: Доля Е. Принцип законности в уголовном судопроизводстве : онтологический, гносеологический и правовой аспекты // Законность. 2010. № 1. С. 3.

¹⁴ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 175.

¹⁵ См.: Доля Е. Указ. соч. С. 4.

По мнению В. Т. Томина, условием эффективности принципа является наличие в уголовно-процессуальном праве таких норм, которые были бы доступны всем участникам уголовного процесса¹⁶.

Следует согласиться с С. С. Безруковым, что положения, содержащиеся в ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ, правильнее было бы разместить в ст. 1, где речь идет о законах, определяющих порядок уголовного судопроизводства, а в ст. 7 поместить ч. 2 ст. 1, в которой указывается на то, что порядок уголовного судопроизводства, установленный УПК РФ, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства¹⁷.

В связи с этим следует отметить, что выполнение требований законности для суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя означает, самому не допускать нарушений предписаний закона и требовать в соответствии со своими полномочиями соблюдения правовых норм от других участников уголовного судопроизводства. Для остальных участников уголовного процесса требование законности выражается в неукоснительном соблюдении нормативных требований, обусловленных наличием обязанностей и предусмотренной уголовной ответственности (ст. 307, 308, 310 УК РФ).

Данные требования к участникам уголовного судопроизводства обусловлены их движением к уголовно-процессуальному праву, что связано с изменением представлений о содержании законности и уголовно-процессуального права.

Действительно, принцип законности проявляет себя во всех сферах государственной деятельности и в широком смысле включает в себе требование точного и неуклонного соблюдения и исполнения законов всеми государственными органами, должностными лицами, общественными объединениями и гражданами¹⁸.

Законность в уголовном процессе – это определенное состояние уголовно-процессуальной деятельности, которое гарантирует защиту его участников от насилия, беспорядка и произвола субъектов уголовного судопроизводства.

Рассматривая соотношение понятий уголовно-процессуального права и законности в уголовном процессе, необходимо обратить внимание на их сходство и различие.

Право и законность жизненно необходимы для утверждения и дальнейшего развития народовластия и становления цивилизованного гражданского общества и современного правового государства¹⁹.

---

¹⁶ См.: *Томин В. Т.* Принципы отечественного уголовного процесса // Уголовный процесс : проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013. С. 215.

¹⁷ См.: *Безруков С. С.* Логические изъяны содержания отдельных принципов уголовного процесса // Журнал рос. права. 2013. № 7. С. 30.

¹⁸ См.: *Манова Н. С., Францифоров Ю. В.* Уголовный процесс : конспект лекций. М., 2014. С. 28.

¹⁹ См.: *Теткин Д. В.* Законность как реальное выражение права : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 8.

Уголовно-процессуальное право и законность в уголовном процессе взаимосвязаны с принципом публичности, в основе которого лежат интересы общества и государства, обусловленные взаимными обязанностями, правами и ответственностью.

Уголовно-процессуальное право представляет собой государственную волю, выраженную законом, а законность в уголовном процессе – способ реализации уголовно-процессуального права, обусловленный необходимостью повышения качественного содержания уголовно-процессуальной деятельности процессуальных субъектов.

Уголовно-процессуальное право следует рассматривать в качестве основного инструмента уголовно-процессуального регулирования, а законность – как важнейшее средство реализации права.

В связи с этим вполне уместно применение такого выражения, как «уголовно-правовая законность», которое представляет собой такую правовую категорию, которая вызвана современными подходами уголовно-процессуального права, при которых в полной мере раскрываются новые грани таких принципов, как разумный срок уголовного судопроизводства и законность при производстве по уголовному делу, состязательность сторон и публичность, уважение чести и достоинства личности, а также охрана прав и свобод человека и гражданина.

Саратовская государственная юридическая академия

Францифоров Ю. В., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy

Frantsiforov Yu. V., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Criminal Process Department
E-mail: franciforov@mail.ru

О ПРИНЦИПАЛЬНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ О РЕАБИЛИТАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Рассмотрены отдельные трудности определения понятия и оснований реабилитации, реализации положений о реабилитации в назначении уголовного судопроизводства. Изучена практика реабилитации по уголовным делам частного обвинения и сложности ее формирования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: назначение уголовного судопроизводства, уголовное преследование, реабилитация, уголовные дела частного обвинения.

ON THE PRINCIPAL POSSIBILITY OF THE APPLICATION OF THE REGULATIONS ON REHABILITATION IN CRIMINAL CASES OF PRIVATE ACCUSATION

Some difficulties of definition of concept and the bases of rehabilitation, implementation of provisions on rehabilitation in purpose of criminal proceedings are considered. The practice of rehabilitation in criminal cases of private prosecution and the complexity of its formation.

K e y w o r d s: purpose of criminal proceedings, criminal prosecution, rehabilitation, criminal cases of private prosecution.

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

Статья 6 УПК РФ закрепляет принципиальное право на реабилитацию каждого, кто подвергся необоснованному уголовному преследованию. Данное право базируется на ст. 53 Конституции РФ, содержащей положения о возможности возмещения государством вреда каждому человеку, пострадавшему от незаконных действий (бездействия) органов государственной власти или их должностных лиц. УПК РФ реализует данное конституционное правило достаточно широко, поскольку предоставляет право на возмещение каждому субъекту, подвергнутому необоснованному уголовному преследованию в ходе производства по уголовному делу, независимо от вида уголовного преследования и субъекта осуществления соответствующей деятельности.

Пункт 34 ст. 5 УПК РФ содержит определение реабилитации, под которой понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Более подробно порядок реабилитации раскрывается в положениях главы 18 УПК РФ. Им корреспондируют нормы ст. 1069 и 1070 ГК РФ¹, согласно которым вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных орга-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 29.07.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410 ; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 26.

© Баранова М. А., 2019

нов и их должностных лиц подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации в полном объеме и независимо от вины должностных лиц этих органов.

Близкие по содержанию положения содержат нормы международного права, применяемые на территории Российской Федерации. Так, ч. 5 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет право каждого, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение правил Конвенции, на компенсацию², ст. 2, 9 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах разъясняют право каждого лица на эффективную правовую защиту, в том числе на компенсацию для всякого незаконно арестованного или заключенного под стражу, осужденного вследствие судебной ошибки³.

Анализ вышеприведенных нормативных предписаний позволяет сделать вывод о допущенной законодателем неряшливости в формировании терминологической основы реабилитации. Так, если ст. 53 Конституции РФ говорит о незаконных действиях должностных лиц государственных органов как основаниях реабилитации, то ст. 6 УПК РФ, относящаяся к принципиальным положениям уголовного судопроизводства – о необоснованных, а п. 34 ст. 5 УПК РФ, содержащий официальное понятие реабилитации, – и о незаконных, и о необоснованных. Полагаем, что для правильного определения оснований реабилитации положения ст. 53 Конституции РФ п. 34 ст. 5 и ч. 2 ст. 6 УПК РФ надо толковать в совокупности с законоположениями специальной главы 18 УПК РФ, именуемой «Реабилитация», поскольку Конституционный Суд РФ указал, что в правоприменении «приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений»⁴. Вместе с тем Конституция РФ (ст. 1, 18, 19) «предъявляет к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования. Противоречащие друг другу правовые нормы порождают и противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения ослабляет гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод»⁵. В связи с этим считаем необходимым унифицировать положения УПК РФ, относящиеся к институту реабилитации, и ч. 2 ст. 6 УПК РФ после слов «Реабилитация каждого кто...» дополнить словосочетанием «незаконно или...». Дополненная формулировка ч. 2 ст. 6 УПК РФ будет соответствовать положе-

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп.): ратифицирована Россией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.): ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

⁴ Пункт 2.2 постановления Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 27. Ст. 2804.

⁵ Там же.

ниям п. 34 ст. 5 и главы 18 УПК РФ, исключит неопределенность в толковании оснований реабилитации и, следовательно, в наибольшей степени обеспечит защиту прав участников уголовного судопроизводства.

Часть 1 ст. 133 УПК РФ уже более подробно раскрывает содержание реабилитации, указывая, что реабилитация включает право на возмещение имущественного вреда, на устранение последствий морального вреда, а также восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. В соответствии с п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 к иным правам, подлежащим восстановлению в порядке реабилитации, относятся восстановление в воинском, специальном, почетном звании или классном чине, возвращение государственных наград, которых лицо было лишено по приговору суда⁶.

Право на реабилитацию возникает при наличии оснований, перечисленных как в ч. 2, так и в ч. 2.1 ст. 133 УПК РФ. Логично было бы, чтобы все основания были исчерпывающим образом перечислены в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, тем более что ч. 2.1 изначально отсутствовала в структуре ст. 133 УПК РФ и была введена позже Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 54-ФЗ⁷. Однако законодатель пошел по иному пути и в ч. 2.1 ст. 133 УПК РФ перечислил субъектов реабилитации по уголовным делам частного обвинения: 1) подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных по уголовным делам частного обвинения, если уголовное дело было возбуждено в соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК РФ, т. е. в ситуации, когда потерпевший не подает заявление по уголовному делу частного обвинения в силу зависимого, беспомощного состояния или иных случаев, не позволяющих ему защитить свои права и законные интересы; 2) осужденных по уголовным делам частного обвинения, возбужденным по правилам ст. 318 УПК РФ, в случаях полной или частичной отмены обвинительного приговора суда и оправдания осужденного либо прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 133 УПК РФ в качестве реабилитирующих. Таким образом, право лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование в частном порядке, на реабилитацию не является безусловным, возможность его реализации сопряжена с рядом условий, основным из которых является участие государства в лице его государственных органов или должностных лиц в процессе осуществления уголовного преследования. То есть речь идет о специальной разновидности так называемого смешанного публично-частного уголовного преследования, предусмотренного ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

Аналогичные по содержанию суждения высказаны Верховным Судом РФ в п. 8 постановления Пленума от 29 ноября 2011 г. № 17, где поясняется, что отсутствие незаконных действий со стороны государства при производстве по

---

⁶ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 (в ред. от 02.04.2013) // БВС РФ. 2012. № 1 ; 2013. № 6.

⁷ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14. Ст. 1662.

уголовному делу лишает лицо, в отношении которого велось производство по уголовному делу в частном порядке, права на реабилитацию. Данное разъяснение базируется на вышеприведенном понятии реабилитации, где безусловными предпосылками обозначены незаконное или необоснованное уголовное преследование. Однако законодатель не уточняет, в каком – публичном, частно-публичном или частном – порядке может осуществляться это незаконное или необоснованное уголовное преследование, чтобы выступить основанием для реабилитации.

Между тем вопрос о принципиальной возможности реабилитации по уголовным делам частного обвинения, безусловно, является актуальным. Так, в 2014 г. мировые судьи прекратили 34,2 % поступивших уголовных дел, из них: 2,7 % (в отношении 11 500 человек) – по реабилитирующим основаниям. Из общего числа уголовных дел, прекращенных мировыми судьями по реабилитирующим основаниям, 11 300 (98,3 %) являлись делами частного обвинения. В 2014 г. мировые судьи вынесли оправдательные приговоры в отношении 3900 человек⁸. В 2016 г. мировыми судьями оправдано 2805 человек (из них по делам частного обвинения – 2435 человек), прекращены по реабилитирующим основаниям дела в отношении 16 365 человек⁹. В 2017 г. мировые судьи рассмотрели 7671 уголовное дело частного обвинения, из них оправдательные приговоры вынесены в отношении 1083 человек, по реабилитирующим основаниям прекращены уголовные дела в отношении 1460 человек. Для сравнения: общее число оправдательных приговоров, постановленных судами общей юрисдикции (включая мировых судей), в 2017 г. составило 2233, общее число уголовных дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям судами общей юрисдикции в целом, 3457¹⁰. Таким образом, статистика свидетельствует о том, что вопрос реабилитации по уголовным делам частного обвинения носит вовсе не абстрактный характер, поскольку значительное число оправдательных приговоров и решений о прекращении уголовных дел по реабилитирующим основаниям выносятся именно мировыми судьями по делам частного обвинения.

Ранее было указано, что общие правила реабилитации распространяются на подозреваемых, обвиняемых и осужденных по делам частного обвинения не во всех случаях, а только тогда, когда вред такому лицу причинен непосредственно государством в лице его органов или должностных лиц (ч. 2.1 ст. 133 УПК РФ). Абзац 3 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 дополнительно разъясняет ч. 2.1 ст. 133 УПК РФ и правом на реабилитацию наделяет осужденного по уголовному делу частного обвинения

⁸ См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2014 году. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/OBZOR_sudebnoy_statistiki_2014_g.pdf (дата обращения: 27.09.2017).

⁹ См.: Основные оперативные статистические показатели судов общей юрисдикции за 2016 год // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.09.2017).

¹⁰ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении уголовных дел по первой инстанции // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 09.01.2019).

в тех случаях, когда обвинительный приговор отменен и уголовное дело прекращено по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, в апелляционном, кассационном, надзорном порядке, в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами, а также лицо, в отношении которого судом апелляционной инстанции после отмены обвинительного приговора по делу постановлен оправдательный приговор.

Тот факт, что вышестоящая судебная инстанция отменяет приговор и оправдывает лицо либо прекращает уголовное преследование свидетельствует об ошибке суда первой инстанции. В результате государство несет публичные обязательства по возмещению причиненного незаконными действиями суда вреда. При этом речь необходимо вести не о всякой ошибке суда, рассматривавшего уголовное дело по первой инстанции, а о непрекращении уголовного дела, о невынесении оправдательного приговора, при фактическом наличии к тому оснований. Правильно рассуждая об основаниях возникновения права на реабилитацию по уголовным делам частного обвинения, Верховный Суд РФ, тем не менее, смешивает деятельность по уголовному преследованию, осуществляемую участниками уголовного процесса со стороны обвинения¹¹, и деятельность суда по осуществлению правосудия, во время которой и была допущена судебная ошибка, повлекшая возникновение права на реабилитацию.

Между тем в многочисленных постановлениях Конституционного Суда РФ суду было запрещено осуществлять функцию уголовного преследования. В целом ряде своих решений Конституционный Суд РФ отмечал, что при рассмотрении уголовного дела суд не должен подменять органы, обосновывающие обвинение, и устранять имеющиеся сомнения в виновности подсудимого¹², что он должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром, не подменяя стороны и не вставая ни на позицию обвинения, ни на позицию защиты, что суд не должен принимать на себя процессуальные правомочия сторон¹³. Получается, что суд не осуществляет уголовное преследование, однако вред, причиненный его действиями, возмещается в порядке реабилитации¹⁴. Пред-

---

¹¹ См. об этом: Козубенко Ю. В. Уголовное преследование : опыт комплексного исследования. СПб., 2006 ; Клюкова М. Е. Субъекты уголовного преследования // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 6. С. 273–279.

¹² По делу о проверке конституционности положений п. 1, 3 ч.1 ст. 232, ч. 4 ст. 248 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда г. Н. Новгород : постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 17. Ст. 2205 ; По запросу Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности ч. 6 ст. 388 и ч. 1 ст. 402 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2004 г. № 380-О // Там же. 2005. № 3. Ст. 232.

¹³ По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 29 июля 2004 г. № 13-П // Рос. газета. 2004. 7 июля ; По делу о проверке конституционности положений ч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, ч. 1, 2 ст. 318 УПК РФ в связи с запросами законодательного собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 28. Ст. 2904.

¹⁴ См., например: Решение Советского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 24 апреля 2015 г. по делу № 2-3589/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/U3SBLcN50L5N/> (дата обращения: 11.01.2019).

ставляется, что деятельность суда по уголовным делам частного обвинения, признанная незаконной или необоснованной путем принятия решений, предусмотренных ч. 2 и 2.1 ст. 133 УПК РФ, не создает права на «чистую реабилитацию» в том значении, которое заложено в п. 34 ст. 5 и ч. 1 ст. 133 УПК РФ, а скорее образует право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 УПК РФ, предусмотренное ч. 3 ст. 133 УПК РФ¹⁵.

Если производство по уголовному делу частного обвинения осуществляет сам частный обвинитель в порядке, предусмотренном ст. 318–322 УПК РФ, то вред в результате уголовного преследования причиняется им, а не незаконными действиями государства в лице его органов и должностных лиц и возмещению за счет государства не подлежит.

Аналогичное разъяснение содержится в абзаце 2 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 17: ввиду того, что уголовное преследование по уголовным делам частного обвинения (за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ч. 1 и 4 ст. 147 УПК РФ) возбуждается частным обвинителем и прекращение дела либо постановление по делу оправдательного приговора судом первой инстанции не является следствием незаконных действий со стороны государства, правила о реабилитации на лиц, в отношении которых вынесены такие решения, не распространяются. Тем не менее государственная защита прав и законных интересов гарантируется всем лицам, без исключения, в том числе подсудимым по уголовным делам частного обвинения. Поскольку государство не возмещает вреда в случае вынесения оправдательного приговора судом первой инстанции ввиду отсутствия незаконных действий с его стороны, логично предположить, что обеспечить возмещение причиненного вреда обязан сам частный обвинитель, выдвинувший необоснованное обвинение. Однако ответственность частного обвинителя как физического лица строится на иных началах, чем ответственность государства по делам публичного обвинения. Если государство несет так называемую «безвиновную» ответственность перед реабилитируемым лицом за вред, причиненный незаконным или необоснованным уголовным преследованием (ч.1 ст. 133 УПК РФ и ч.1 ст. 1070 ГК РФ), то частный обвинитель как физическое лицо несет гражданско-правовую ответственность только при наличии состава гражданского правонарушения, включающего в себя вину причинителя вреда. Исключение составляют лишь процессуальные издержки, предусмотренные ст. 131 УПК РФ, которые могут быть взысканы с частного обвинителя в безвиновном порядке (ч. 9 ст. 132 УПК РФ).

Таким образом, частного обвинителя можно обязать возместить причиненный уголовным преследованием вред только в тех случаях, когда он заведомо незаконно обратился к мировому судье с заявлением о привлечении лица к

---

¹⁵ Конституционный Суд РФ в постановлении от 17 октября 2011 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. А. Тихомировой, И. И. Тихомировой и И. Н. Сардыко» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 43. Ст. 6123). иначе трактует роль суда в осуществлении уголовного преследования, указывая, что в деятельности суда уголовное преследование трансформируется в государственное осуждение с применением наказания.

уголовной ответственности, не имеющим под собой никаких оснований, с намерением причинить своими действиями вред другому лицу. Исключительно злонамеренность в действиях частного обвинителя может повлечь его гражданско-правовую ответственность перед оправданным подсудимым. При этом факт вынесения оправдательного приговора в отношении подсудимого не свидетельствует о том, что действия частного обвинителя были исключительно не законными. Оправдание подсудимого может свидетельствовать лишь о том, что частный обвинитель реализовал свое право на личное обращение в государственный орган за защитой нарушенного, по его субъективному мнению, права. Обращение с заявлением о привлечении лица к уголовной ответственности и дальнейшее оправдание подсудимого сами по себе не удостоверяют того, что частный обвинитель злоупотребил своим правом. Российский уголовный процесс строится на принципе состязательности и равноправия сторон (ст. 15 УПК РФ), в связи с этим вынесение оправдательного приговора может быть в том числе следствием недоказанности обвинения, отсутствия состава преступления, что вовсе не говорит о противоправности действий самого частного обвинителя. Иначе ставилось бы под сомнение конституционное право каждого на судебную защиту, закрепленное в ст. 46 Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ по данному поводу указал, что доказательством злоупотребления правом со стороны частного обвинителя является признание его виновным в таких преступлениях, как клевета (ст. 128.1 УК РФ) или заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ)¹⁶. На этом основании многие суды общей юрисдикции придерживаются позиции, согласно которой отсутствие приговора суда о признании частного обвинителя виновным в таких преступлениях, как клевета или заведомо ложный донос, свидетельствует о недоказанности злоупотребления правом или наличия намерения причинения вреда подсудимому со стороны частного обвинителя (п. 1, 2 ст. 10 ГК РФ), что исключает возмещение вреда¹⁷.

Однако встречаются судебные споры, в рамках которых суды общей юрисдикции взыскивают причиненный оправданному подсудимому вред даже при отсутствии приговоров о признании частного обвинителя виновным по ст. 128.1 или 306 УК РФ. В подобных ситуациях суды фактически дают собственную оценку обстоятельствам, полноценно не установленным оправдательным приговором суда по уголовному делу частного обвинения. Так, Сосновский районный суд Нижегородской области решением от 12 декабря 2016 г. установил, что причиной подачи мирового судье заявления частным обвинителем Беловой «являлась не потребность защитить свои права и охраняемые законом интересы, так как ей самой было известно о привлечении ее к уголовной ответственности за обман потребителей, а желание предотвратить негативные

---

¹⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Забродиной Раисы Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью девятой статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 19 февраля 2004 г. № 106-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ См., например: Решение Сухобузимского районного суда Красноярского края от 6 июля 2016 г. по гражданскому делу №2-392/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/6c0A1cbwLHX/>

последствия для себя и своего супруга, связанные с неоднократными обращениями в правоохранительные органы с заявлениями о привлечении их к уголовной ответственности». Далее суд констатировал что имеет случай незаконного привлечения к уголовной ответственности Бубновой частным обвинителем Беловой и взыскал с последней компенсацию морального вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием¹⁸. Заводской районный суд г. Саратова решением от 27 марта 2012 г. взыскал с частного обвинителя Н. П. Ерохиной в порядке реабилитации моральный вред в размере 5000 руб. Единственным основанием принятия такого решения судом послужило вынесение ранее оправдательного приговора по уголовному делу частного обвинения в отношении Б. П. Ерохина¹⁹.

Полагаем, что такое неоднозначное правовое положение реабилитируемого обвиняемого по делам частного обвинения не является справедливым. Очевидно, что по делу частного обвинения взыскиваемые в порядке реабилитации суммы вряд ли являются значительными, но это не означает, что лицо не должно иметь права на их возмещение. Также не стоит забывать о том, что при любой попытке привлечения к уголовной ответственности страдает честь и достоинство гражданина.

В России любой человек имеет право на защиту его прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ), независимо от способа их нарушения, ограничения. Однако по уголовным делам частного обвинения реабилитируемый сталкивается с дополнительными трудностями, заключающимися в необходимости доказывания того обстоятельства, что обращение лица с заявлением по уголовному делу частного обвинения продиктовано не потребностью защитить свои права и охраняемые законом интересы, а лишь намерением причинить вред другому лицу. При подаче искового заявления о компенсации причиненного вреда вследствие незаконного уголовного преследования в частном порядке гражданин порой и не знает, что на нем лежит обязанность доказать наличие одновременно следующих обстоятельств: наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, наличие причинно-следственной связи между наступлением вреда и противоправным поведением причинителя вреда, наличие вины последнего, в связи с чем суд отказывает ему в удовлетворении заявленных требований. Для доказывания вышеприведенных обстоятельств, безусловно, требуется помощь профессионального юриста. Кроме того, неоднозначно складывается и судебная практика, что не вносит ясности в вопрос о возможности применения реабилитации вследствие незаконного или необоснованного уголовного преследования в частном порядке.

Представляется, что в настоящее время маловероятно предложить какие-либо изменения законодательства, разрешающие указанное противоречие. Безусловно, нельзя автоматически признавать право на реабилитацию за всяким оправданным (лицом, в отношении которого уголовное преследова-

¹⁸ См.: Решение Сосновского районного суда Нижегородской области от 12 декабря 2016 г. по гражданскому делу № 2-685/2016 г. // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/nSRzeYuaF0Q/>

¹⁹ См.: Решение Заводского районного суда г. Саратова от 27 марта 2012 г. по гражданскому делу № 2-677/12 // Там же. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/mRxBCp0ZVign/>

ние прекращено по реабилитирующим основаниям) по делам частного обвинения. Вместе с тем существующий усложненный механизм нивелирует реальную возможность добиться реабилитации для лица, признанного по делу частного обвинения невиновным. Необходимы дополнительные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам критериев, которые могут лечь в основу признания действий частного обвинителя злонамеренными, т. е. направленными на причинение вреда другому лицу, а не на защиту собственных прав и охраняемых законом интересов. Такие критерии позволят привести к единообразию практику признания права на реабилитацию по уголовным делам частного обвинения.

Саратовская государственная юридическая академия

Баранова М. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy

Baranova M. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: Marina2008-78@mail.ru

ВОЗМОЖНО ЛИ ВЫНЕСЕНИЕ ПРАВОСУДНОГО ПРИГОВОРА ПРИ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ?

Рассматриваются вопросы доказывания при особом порядке принятия судебного решения, обосновывается позиция о возможности вынесения судом в особом порядке в связи с согласием подсудимого с предъявленным обвинением правосудного приговора.

К л ю ч е в ы е с л о в а: доказывание, приговор, правосудие, особый порядок судебного разбирательства.

IS THE ISSUE OF A COURT SENTENCE WITH A SPECIAL ORDER OF PROCEEDING POSSIBLE?

In the article the issues of averment at a special order of proceeding are considered, the position on the possibility of the court to pass a judgement in a special order in connection with the defendant's consent with the indictment of a judicial sentence is substantiated.

К e y w o r d s: averment, sentence, justice, a special order of proceeding.

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

В соответствии с положениями ст. 297 УПК РФ каждый приговор, вынесенный судом по итогам рассмотрения уголовного дела, должен быть законным, обоснованным и справедливым. Кроме того, итоговое решение суда должно отвечать требованию мотивированности. Все эти требования распространяются в том числе и на приговоры, вынесенные судом в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Особый порядок принятия судебного решения, предусмотренный главой 40 УПК РФ, представляет собой упрощенную форму рассмотрения и разрешения уголовных дел судом первой инстанции, появление которой в отечественном законодательстве, по мнению многих ученых, является закономерным и необходимым явлением. Упрощение порядка судебного разбирательства по уголовным делам, по которым обвиняемый не оспаривает предъявленного ему обвинения, позволяет ускорить уголовное судопроизводство, снизить нагрузку на судей и в целом сэкономить силы, время и средства на рассмотрение более сложных уголовных дел¹. Как верно отмечает Н. С. Манова, «спра-

¹ См.: Шмарев А. И. Особый порядок судебного разбирательства (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 11 ; Рогова С. А. Проблемы оценки доказательств и принятия решений при особом порядке уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 11 ; Днепроvская М. А. Особый порядок судебного разбирательства уголовных дел. М., 2010. С. 84–86 ; Бедняков И. Л., Демидова Е. Т. Судебное разбирательство и особые производства в уголовном процессе. Самара, 2016. С. 51–52 ; и др.

ведливое и при этом недорогое правосудие для отечественного уголовного судопроизводства имеет особое значение, учитывая состояние российской экономики»².

Однако при всех положительных аспектах указанного института многие ученые высказывают убедительные опасения относительно возможности вынесения истинного решения по уголовному делу без исследования представленных сторонами в ходе досудебного производства доказательств.

В соответствии с ч. 1 ст. 316 УПК РФ судебное заседание по ходатайству подсудимого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением проводится без исследования и оценки судом доказательств, собранных по уголовному делу. Это означает, что суд не допрашивает потерпевшего, подсудимого, свидетелей, не исследует письменные материалы уголовного дела, не осматривает вещественные доказательства и не проводит исследование других доказательств, собранных в ходе досудебного производства. Это означает, что стороны обвинения и защиты утрачивают возможность состязаться в процессе судебного разбирательства. Но при этом сам обвиняемый дал согласие на то, чтобы уголовное дело было рассмотрено без процедуры доказывания его вины.

Если говорить о сущностных признаках правосудия (осуществление его специальным органом государственной власти; особый способ осуществления правосудия; наличие четкой процессуальной формы осуществления такой деятельности; особая цель – рассмотрение правового спора сторон, разрешение уголовного иска – обвинения), то можно констатировать, что не все из этих признаков правосудия присущи деятельности суда при рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

В процессуальной литературе нередко говорят о невозможности реализации ряда принципов уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовного дела в особом порядке. В первую очередь речь идет о таких принципах, как законность, состязательность сторон, презумпция невиновности³. Действительно, отсутствие в судебном разбирательстве исследования доказательств, подтверждающих (опровергающих) событие преступления, виновности подсудимого и иных обстоятельств предмета доказывания, исключает состязательность процесса. Судья лишь выполняет ряд процессуальных действий, которые подтверждают наличие необходимых условий для проведения судебного разбирательства в особом порядке:

1) опрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с ним и поддерживает ли свое ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства;

2) выясняет у подсудимого, заявлено ли указанное ходатайство добровольно и после консультации с защитником;

---

² Манова Н. С. Досудебное и судебное производство : сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм. Саратов, 2003. С. 164.

³ См.: Татьяна Л. Г. Некоторые вопросы уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке судебного разбирательства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 38 ; Жданова Я. В. Сравнительная характеристика особых порядков судебного разбирательства в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 1. С. 148.

3) устанавливает, осознает ли подсудимый последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства;

4) разъясняет потерпевшему порядок и последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства и выясняет его отношение к ходатайству подсудимого.

Вместе с тем нельзя согласиться с мнениями тех ученых-процессуалистов, которые считают, что при особом порядке судебного разбирательства абсолютно отсутствует доказательственная деятельность суда и иных участников процесса⁴. Как отмечает А. В. Булыгин, доказательственная деятельность при рассматриваемой форме осуществления правосудия носит дифференцированный характер⁵. По инициативе сторон доказательства все же могут быть исследованы в ходе судебного разбирательства. Кроме того, суд исследует данные, характеризующие личность подсудимого, смягчающие и отягчающие то наказание, которое будет ему назначено.

Следует отметить, что даже такие ограниченные полномочия суда по исследованию доказательств вызывают возражения некоторых авторов. Так, Е. А. Карякин полагает, что подобное «расширение» упрощенного производства не соответствует основной цели, которой руководствовались стороны при выборе особого порядка судебного разбирательства для разрешения уголовного дела. Автор считает, что если сторона заинтересована в исследовании обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, равно как и других фактических обстоятельств уголовного дела, то это необходимо рассматривать как препятствие к рассмотрению уголовного дела в особом порядке⁶.

На наш взгляд, деятельность суда при особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением трудно признать правосудием в том смысле, которое закладывает законодатель в данное понятие. Это скорее некое условное правосудие. Вопросы доказывания при рассмотрении уголовного дела в особом порядке, деятельность суда, связанная с проверкой и оценкой относимости, допустимости и достоверности доказательств, а также с определением их достаточности для признания подсудимого виновным, является основой для вынесения правосудного приговора по уголовному делу. Конечной целью деятельности суда как органа, осуществляющего правосудие, является постановление законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения на основе представленных сторонами и исследованных в суде доказательств.

Но возможно ли вынесение судом приговора, который в полной мере отвечал бы всем требованиям, предъявляемым законом к основному акту пра-

⁴ См.: Любихкин Д. Е. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 20 ; Корнакова С. В. Уголовно-процессуальное доказывание : гносеологические и логические проблемы. М., 2010. С. 35–36.

⁵ См.: Булыгин А. В. Специфика доказывания при особом порядке судебного разбирательства // Современное право. 2012. № 1. С. 124.

⁶ См.: Карякин Е. А. Формирование истинности обвинительного приговора при производстве в особом порядке судебного разбирательства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 3 (66). С. 28.

восудия, в специфических условиях рассмотрения уголовного дела при особом порядке судебного разбирательства? Тем более, если, как предлагает Е. А. Карякин, лишить суд права проверять и оценивать хотя бы доказательства, характеризующие личность подсудимого и свидетельствующие о наличии смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. Это может лишь привести к еще большему в истинности принимаемого судом решения по уголовному делу.

В процессуальной литературе высказана точка зрения о том, что к приговору, вынесенному в особом порядке судебного разбирательства, должны предъявляться иные требования, поскольку в суде отсутствует процесс непосредственного доказывания вины подсудимого⁷.

Но и при особом порядке судебного разбирательства судья выносит решение, основываясь на тех доказательствах, которые имеются в материалах уголовного дела. Несмотря на то что эти доказательства непосредственно не исследуются в судебном заседании, судья должен предварительно оценить каждое из представленных сторонами доказательств, проверить его на предмет его относимости, допустимости, достоверности, а также решить вопрос о достаточности совокупности представленных доказательств для признания подсудимого виновным в совершении преступления. Тем самым у судьи должна быть сформирована твердая внутренняя убежденность в виновности подсудимого.

Это определено следует из положений ч. 7 ст. 316 УПК РФ, согласно которой обвинительный приговор постановляется только в том случае, если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу.

Кроме того, ч. 3 ст. 314 УПК РФ сохраняет за судьей дискреционное полномочие вынести решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке в том случае, когда он пришел к выводу о несоблюдении всех условий для рассмотрения уголовного дела в особом порядке. Подобное решение судья, руководствуясь принципом презумпции невиновности, должен принять и тогда, когда у него возникнут сомнения в виновности подсудимого. Как представляется, эти гарантии все же позволяют говорить о том, что приговор, вынесенный судом в особом порядке в связи с согласием подсудимого с предъявленным обвинением, является правосудным.

---

⁷ См.: *Рогова С. А.* Указ. соч. С. 22.

Саратовская государственная юридическая академия
Блинова О. Г., старший преподаватель кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy
Blinova O. G., Senior Lecturer of the Criminal Process Department
E-mail: Blinova.olyab@yandex.ru

ОГЛАШЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ: ИСКЛЮЧЕНИЕ КАК ПРАВИЛО

Несовершенство ряда положений УПК РФ, выражающееся в создании условий для произвольного оглашения ранее собранных доказательств, способствует демонстрации упрощенного подхода судей к осуществлению познавательной деятельности, ввиду чего рассмотрение дела по существу базируется преимущественно на данных предварительного расследования и часто превращается в пустую формальность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: оглашение доказательств, судебное разбирательство, общее условие непосредственности, допрос, производство следственных действий.

EVIDENCE DISCLOSURE IN PROCEEDINGS: EXCEPTION AS A RULE

Imperfection of a number of provisions of the Russian Federation Code of Criminal Procedure results in establishing conducive conditions for arbitrary disclosure of previous evidence, which is reported to encourage judges to indulge in simplified approach to cognitive activity; thereby, a trial on the merits becomes grounded mostly on the information obtained from the preliminary investigation, and frequently turns into a pure formality.

К e y w o r d s: disclosure of evidence, court proceeding, general condition of immediacy, interrogation, the production of investigative actions.

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

Российское уголовно-процессуальное законодательство нацеливает на обязательность непосредственного исследования доказательств в ходе судебного разбирательства (ч. 1 ст. 240 УПК РФ). Аналогичное требование содержится в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», где отмечается, что выводы суда, изложенные в описательно-мотивировочной части приговора, должны основываться на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании¹. Однако ни в законе, ни в разъяснениях вышестоящей судебной инстанции не раскрывается понятие исследования доказательств. Между тем в юридической литературе под исследованием в обозначенном контексте предлагается понимать анализ доказательств участниками уголовного судопроизводства для уяснения их сути, определения ценностных свойств через призму законодательно регламентированных требований к их уголовно-процессуальной форме и содержанию с целью установления круга обстоятельств, подле-

¹ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Рос. газета. 2016. 7 дек.

жащих доказыванию по каждому уголовному делу. Процедура исследования, в свою очередь, должна включать: анализ доказательств, их осмотр, всесторонний разбор, рассмотрение отдельных сторон, составных частей, обсуждение судом и участвующими в деле лицами заключенной в них познавательной информации для констатации относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств в рамках судебных действий².

По нашему мнению, вышеуказанные практические и логические операции исследования в большей степени являются эффективными, когда они применяются на этапе формирования доказательств, используются в ходе личного восприятия участниками судебного разбирательства процесса накопления доказательственной информации и облечения ее в надлежащую процессуальную форму. В связи с этим вызывает крайне негативную реакцию тенденция к повороту судебного разбирательства в сторону материалов предварительного расследования, при которой судебное следствие излишне насыщается оглашением протоколов следственных действий, заключений эксперта и показаний ранее допрошенных лиц. Такие приемы идут вразрез с непосредственным характером доказывания, поскольку осуществляются без должного проникновения в существо фактических обстоятельств дела. Сказанное вовсе не означает, что оглашение в судебном производстве собранных на предварительном расследовании доказательств недопустимо, хотя бы в силу закрепления данной возможности в УПК РФ. Безусловно, материалы, полученные на досудебных стадиях процесса, накладывают отпечаток на деятельность по рассмотрению и разрешению дела, задают «программу» будущего судебного разбирательства, и в этом смысле они, прежде всего, должны выступать своего рода ориентиром для установления источников сведений об обстоятельствах совершенного деяния, а не подменять собой доказательства, которые могут быть собраны и проверены непосредственно при осуществлении правосудия в классическом его понимании. Изложенное приводит нас к убеждению, что оглашение протоколов следственных действий, заключений эксперта и показаний лиц в различном процессуальном качестве должно восприниматься на практике как исключение из общего условия непосредственности и допускаться в суде лишь в ограниченных пределах.

Полагаем, что именно таким подходом руководствовался законодатель при конструировании норм об оглашении показаний подсудимого, потерпевшего и свидетеля, которое представляется возможным при рассмотрении уголовного дела только в специально оговоренных случаях (ч. 1 ст. 276, ч. 1 и 2 ст. 281 УПК РФ). Поэтому неудивительно, что из всех следственных действий, производство которых допускается в судебном разбирательстве, наиболее распространенным в практическом смысле является допрос, ведь для оглашения ранее данных подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим и свидетелем показаний законом установлены некоторые ограничения.

В то же время требование непосредственности, частичное соблюдение которого в доказывании ассоциируется с широкой распространенностью су-

---

² См.: *Васяев А. А.* Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008. С. 7, 11.

дебного допроса, ныне может оказаться под угрозой игнорирования судьями при безосновательном оглашении показаний потерпевшего и свидетеля. Дело в том, что оглашение показаний указанных лиц по ходатайству одной стороны или по собственной инициативе суда изначально допускалось лишь в четырех случаях, обозначенных в законе (ч. 2 ст. 281 УПК РФ). Большинство из них связывается с неявкой перечисленных участников в судебное заседание ввиду причин объективного характера (смерти, тяжелой болезни, стихийного бедствия и т. д.). Отказ иностранного гражданина явиться на допрос в качестве потерпевшего либо свидетеля, несмотря на его субъективное происхождение, вряд ли обуславливается каким-либо воздействием суда. Здесь, как и в других приведенных случаях, отсутствуют реальные предпосылки для злоупотреблений правом на оглашение показаний потерпевшего (свидетеля).

Но такие предпосылки возникают при ознакомлении с Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ, дополнившим ч. 2 ст. 281 УПК РФ пунктом 5. Исходя из содержания анализируемого пункта, оглашение показаний потерпевшего или свидетеля в настоящее время допускается и в случае, если принятыми мерами установить их место нахождения для вызова в судебное заседание не представилось возможным³. В данной законодательной конструкции обнаруживается весьма расплывчатая формулировка, не позволяющая четко уяснить, какие меры нужно предпринимать с целью определения места нахождения потерпевшего, свидетеля, и как суд должен обосновывать невозможность его установления. Отсутствие конкретики в этих вопросах нивелирует обязанность суда прилагать значительные усилия к розыску потерпевшего и свидетеля, что впоследствии способствует безосновательному оглашению их показаний в ходе рассмотрения уголовного дела. Судьи, не заинтересованные в изменении полученных ранее показаний (как правило, обвинительных), могут искусственно создавать трудности на пути к допросу потерпевшего или свидетеля и каждый раз умышленно заявлять об отрицательном исходе поиска названных лиц, тем самым блокируя действие общего условия непосредственности в судебном разбирательстве. Принимая во внимание указанные обстоятельства, следует исключить п. 5 из ч. 2 ст. 281 УПК РФ.

Констатируя распространенность производства допроса в суде, необходимо заметить, что остальные следственные действия крайне редко осуществляются на этапе судебного следствия ввиду несогласованности содержания отдельных норм УПК РФ. Уголовно-процессуальный закон регламентирует возможность производства в судебном разбирательстве экспертизы, осмотра вещественных доказательств, осмотра местности и помещения, следственного эксперимента, предъявления для опознания, освидетельствования (ст. 283–284, 287–290 УПК РФ). В то же время ч. 1 ст. 285 УПК РФ предусматривает оглашение в судебном заседании протоколов следственных действий, заключения эксперта, данного на предварительном расследовании, если в них удостоверяются обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. То

³ О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ // Рос. газета. 2016. 4 марта.

есть в определенных случаях при рассмотрении дела имеется альтернатива производству следственных действий в виде оглашения их протоколов, заключений эксперта, составляющих материалы предварительного расследования. Не трудно догадаться, что при возникновении таких ситуаций судьи «идут по пути наименьшего сопротивления» и под воздействием давно сформировавшегося в их деятельности обвинительного уклона отдают приоритет оглашению доказательств, полученных на досудебных стадиях процесса. Об этом свидетельствуют и результаты анализа судебной практики.

Ленинским районным судом города Саратова рассматривалось уголовное дело по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ. В судебном разбирательстве был оглашен протокол следственного эксперимента, достоверность которого изначально вызывала у защитника сомнения. Из многочисленных попыток объезда мотоциклистом на заданной скорости искусственно созданного препятствия в протоколе нашли отражение те из них, которые привели к отрицательному результату. Напротив, положительные попытки не были учтены следователем, что противоречило законным интересам обвиняемого. Данные обстоятельства подтвердили и понятия, вызванные в суд. Тем не менее протокол следственного эксперимента, невзирая на сомнения в его допустимости и достоверности содержащейся в нем познавательной информации, был воспринят судом и фигурировал в приговоре как доказательство обвинения. При этом адвокату – защитнику К., неоднократно заявлявшему ходатайства о производстве следственного эксперимента в рамках выездного судебного заседания, бесосновательно отказывалось в их удовлетворении. Естественно, указанное действие не проводилось и по инициативе суда⁴.

Подобных примеров можно привести сколько угодно. Их распространенность в практике уголовного судопроизводства объясняется законодательно установленной безграничной возможностью оглашения протоколов следственных действий и заключений эксперта, сформированных в досудебном производстве. Редакционное оформление ч. 1 ст. 285 УПК РФ позволяет утверждать, что оглашение протоколов следственных действий, заключений эксперта не выглядит как исключение из общего условия непосредственности и, следовательно, используется судьями даже тогда, когда имеются основания для производства того или иного следственного действия при рассмотрении уголовного дела по существу. Вместе с тем нет смысла отрицать тот факт, что в ряде случаев оглашение этих доказательств становится неизбежным.

Так, в силу отсутствия прямого указания закона обыск, выемка, контроль и запись переговоров, проверка показаний на месте и некоторые другие следственные действия не осуществляются в судебном разбирательстве, поэтому протоколы, фиксирующие ход и результаты производства обозначенных следственных действий на предварительном расследовании, могут и должны быть оглашены. Оглашению подлежат также протоколы и заключения эксперта, если следственные действия, по итогам которых в досудебном производстве формируются вышеуказанные источники доказательств,

---

⁴ См.: Уголовное дело № 1-374/08 по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ // Архив Ленинского районного суда г. Саратова за 2008 год.

нецелесообразно проводить в ходе рассмотрения дела по объективным причинам, несмотря на формальное закрепление такой возможности в УПК РФ. Речь идет, например, о бессмысленности производства к моменту судебного разбирательства экспертизы ввиду непригодности объектов (материалов), представляемых на исследование, либо освидетельствования – в связи с естественным процессом заживления повреждений на теле человека. Примечательно, что иногда нецелесообразность осуществления следственного действия констатируется самим законодателем и выражается в виде запрета на его производство в будущем. В частности, не может проводиться повторное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам (ч. 3 ст. 193 УПК РФ).

Учитывая приведенные обстоятельства, считаем необходимым дополнить ч. 1 ст. 285 УПК РФ положением о допустимости оглашения протоколов следственных действий и заключений эксперта, полученных на стадии предварительного расследования, лишь при условии невозможности или нецелесообразности осуществления соответствующих следственных действий в судебном разбирательстве. Кроме того, во избежание злоупотреблений правом на оглашение доказательств следует закрепить в УПК РФ норму, обязывающую судей при принятии решения об оглашении протокола следственного действия либо заключения эксперта ссылаться на конкретные фактические данные, свидетельствующие о невозможности или нецелесообразности производства определенного следственного действия на этапе рассмотрения уголовного дела.

Завершая наши рассуждения, хотелось бы подчеркнуть, что ярко выраженное в рамках настоящей статьи критическое отношение к процедуре оглашения доказательств формируется как вследствие представленных теоретических изысков, так и под влиянием результатов исследования материалов судебной практики. Порядок оглашения доказательств по конкретным уголовным делам не согласуется в основных параметрах с требованием непосредственности, поскольку он не включает в себя детальный разбор познавательной информации. В настоящее время оглашение доказательств сводится преимущественно к механическому (бессознательному) озвучиванию фрагментов текста, которые образуют содержание доказательств, полученных на этапе расследования. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к размещенной в сети «Интернет» видеозаписи судебного заседания, где прокурор настолько увлекся бездумным оглашением показаний свидетеля, что перестал дочитывать предложения до конца. Любопытно, но в описанной ситуации возражения защиты против действий государственного обвинителя были проигнорированы судом, не изъявившим желания вникнуть в существо фактических обстоятельств и дополнительно их проверить⁵. Таким образом, суд нередко избегает активного участия в доказывании и осуществляет познавательную деятельность формально, руководствуясь, в большей степени, данными предварительного расследования, что обусловлено выявленными недостатками

⁵ См.: Абсурд! Прокурор не читает предложения до конца. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oVkdHQL7T4> (дата обращения: 12.01.2019).

законодательной регламентации, ориентирующими на минимизацию производства следственных действий при рассмотрении дела и способствующими произвольному оглашению доказательств.

Саратовская государственная юридическая академия

*Григорян В. Л., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса*

Saratov State Law Academy

*Grigoryan V. L., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Process Department
E-mail: vagan1384@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫМИ СУБЪЕКТАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена исследованию актуальных вопросов осуществления доказательственной деятельности в уголовном судопроизводстве судом и защитником. Анализируются существующие проблемы и предлагаются пути их решения, вносятся предложения по изменению действующего законодательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: суд, адвокат, защитник, доказывание, субъекты доказывания, уголовное судопроизводство.

IMPLEMENTATION ISSUES OF EVIDENTIARY ACTIVITIES OF SEPARATE SUBJECTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the study of topical issues of evidentiary activity in criminal proceedings by the court and the defender. The existing problems are analyzed and the ways of their solution are offered, the proposals on change of the current legislation are made.

К e y w o r d s: court, lawyer, defender, proof, subjects of proof, criminal proceedings.

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

Проблемы законодательной регламентации процесса доказывания и возникающие на их основе затруднения и ошибки в правоприменительной практике имеют важное значение, так как надлежащее правовое регулирование и соблюдение правил доказывания в уголовном судопроизводстве во многом обеспечивают права и свободы участников процесса, а также способствуют надлежащему исполнению должностными лицами и государственными органами своих обязанностей. К сожалению, недостаточно точная, а в отдельных случаях и противоречивая позиция законодателя не всегда позволяет это обеспечить в полной мере.

Проблемы при осуществлении доказательственной деятельности присущи всем субъектам доказывания. Остановимся на таких субъектах, как суд и защитник. В связи с закреплением принципа состязательности в Конституции РФ и Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) изменилась роль суда как субъекта доказывания в уголовном процессе. Это вызвало определенные дискуссии, которые не разрешены по настоящее время. В основном дискуссия касается вопроса о том, лежит ли на суде обязанность доказывания в уголовном судопроизводстве.

А. Р. Белкин, В. Бозров, В. И. Зажицкий, С. А. Тумашов и другие полагают, что на суд не может быть возложена процессуальная обязанность доказывания, так как это противоречит современной функции суда и принципу состяза-

тельности сторон¹. Согласно их позиции, суд не должен осуществлять соби- рание доказательств, на нем лежит лишь обязанность осуществления функции разрешения уголовного дела по существу на основании представленных сто- ронами в суд доказательств, выполнение роли арбитра.

Прямо противоположной точки зрения придерживаются М. Т. Аширбеко- ва, Н. Н. Ковтун, Ю. К. Орлов и другие², считающие, что принцип состязательно- сти не должен ограничивать возможности и стремление суда в познании всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в том числе и путем получения новых доказательств.

Отсутствие четких критериев разграничения участия в доказывании суда вызывает определенные затруднения и на практике. В отдельных случаях суды нарушают принцип состязательности сторон, принимая на себя функцию об- винения или защиты, и выносят решения, подлежащие отмене³.

Полагаем, что мнение ученых, считающих, что на суд не возлагается обя- занность доказывания, является не совсем корректным и соответствующим действующему законодательству по следующим причинам.

Во-первых, законодатель в ст. 86–88 УПК РФ указывает суд наряду с субъ- ектами, для которых доказывание является обязанностью. Во-вторых, ученые, настаивающие на отсутствии у суда обязанности участия в доказывании, не учитывают, что доказывание в соответствии с действующим законодатель- ством состоит не только в собирании, но и в проверке и оценке доказательств. Последние два элемента (проверка и оценка), бесспорно, являются для суда обязанностью, поскольку невозможно принять решение без их осуществле- ния, так же как невозможно не принять решения по делу, находящемуся в производстве суда. Судом должно быть проверено и оценено каждое из дока- зательств, положенное в основу приговора.

Если же рассматривать такой элемент доказывания, как собирание доказа- тельств, то «суд является субъектом собирания доказательств независимо от

---

¹ См.: *Белкин А. Р.* Теория доказывания : науч.-метод. пособие. М., 1999. С. 26 ; *Бозров В.* "Тактика судьи" в прошлом и настоящем уголовном процессе // Рос. юстиция. 2003. № 10. С. 32 ; *Зажичкий В. И.* О направлениях совершенствования Уголовно-процессуального ко- декса Российской Федерации // Государство и право. 2004. № 4. С. 31 ; *Тумашов С. А.* Прин- цип состязательности сторон и его роль в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства // Обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве : сб. науч. трудов. Волгоград, 2003. С. 73–74.

² См.: *Аширбекова М. Т.* Реализация судебной защиты в состязательном уголовном процессе // Защита субъективных прав : история и современные проблемы : материалы II Межвуз. науч.-практ. конф. (г. Волжский, 11 апреля 2000 г.). Волгоград, 2000. С. 10–11 ; *Ковтун Н. Н.* О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного прин- ципа состязательности процесса // Государство и право. 1998. № 6. С. 61 ; *Орлов Ю. К.* Ос- новы теории доказательств в уголовном процессе : науч.-практ. пособие. М., 2001. С. 19–20.

³ Обобщение практики рассмотрения судами Саратовской области уголовных дел о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействую- щими и ядовитыми веществами за 2009 год (ст. 228, 228.1, 228.2, 229, 230, 231, 232, 233, 234 УК РФ) : постановление Президиума Саратовского областного суда от 11 мая 2010 г. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант» ; Обзор надзорной практики Судебной кол- легии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2007 год. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

того, выполняет он определенные ходатайства сторон по получению информации или судебные действия, направленные на получение доказательств, по собственной инициативе или приобщает к делу представленные сторонами документы: справки, квитанции, характеристики, расписки и т. п. При этом не нарушается принцип состязательности сторон, поскольку суд будет выполнять функцию осуществления правосудия, а не функцию обвинения либо защиты»⁴. Судом доказательства должны собираться для достижения целей доказывания: установления истины, принятия решения по делу, установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Понимание доказывания как разновидности познания, как определенной формы обоснования своего убеждения приводит к выводу о том, что в уголовном процессе доказывание является для суда обязанностью.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что законодатель возлагает на суд именно обязанность доказывания и делает это вполне обоснованно. В случае реализации на практике данной обязанности во избежание нарушения принципа состязательности следует соблюдать действующее законодательство и объективно разрешать уголовное дело по существу, руководствуясь законом и совестью.

Другим субъектом уголовного судопроизводства, проблемы в доказательственной деятельности которого хотелось бы рассмотреть, является защитник.

В соответствии с ч. 1 ст. 16 УПК РФ подозреваемым и обвиняемым право на защиту может осуществляться как лично, так и с помощью защитника и (или) законного представителя. Но доказательственная деятельность защитника в уголовном судопроизводстве затруднена отсутствием надлежащей законодательной регламентации и недостаточностью предоставленных стороне защиты прав и возможностей по их реализации.

Так, на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования возможности стороны защиты по доказыванию намного ниже возможностей стороны обвинения.

УПК РФ в ч. 2 ст. 86 предоставляет стороне защиты права по собиранию и представлению письменных документов и предметов для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Но следователь, дознаватель могут не приобщить такие документы и предметы к уголовному делу в качестве доказательств. К сожалению, на законодательном уровне не урегулировано, в каких случаях обязательно должны быть приобщены к материалам уголовного дела и признаны доказательствами сведения, представленные стороной защиты. Отдельные разъяснения содержатся в правоприменительной практике⁵.

Частью 3 ст. 86 УПК РФ устанавливается возможность защитника собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, а также истребования справок, характеристик, иных документов от органов го-

⁴ Уголовное судопроизводство : теория и практика / А. С. Александров [и др.] ; под ред. Н. А. Колоколова. М., 2015. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астахова П. В. на нарушение его конституционных прав рядом положений УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № 2032-О. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

сударственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций.

Следует отметить, что этому праву корреспондирует обязанность предоставления истребуемых документов. Она предусмотрена ст. 86 УПК РФ, подп. 1 п. 3 ст. 6, ст. 6.1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁶. Но перечисленные организации не всегда представляют запрашиваемые документы, так как существующие нормы КоАП РФ и УК РФ выступают в качестве слабой гарантии осуществления этой обязанности.

Пункт 2 ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» закрепляет для органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций 30-дневный срок со дня получения запроса на предоставление ответа на него. В случаях, требующих дополнительного времени на сбор и предоставление запрашиваемых сведений, указанный срок может быть продлен, но не более чем на 30 дней.

Полагаем, такие сроки не могут быть применимы к уголовному судопроизводству. Неоднократно предлагались законопроекты, устанавливающие определенные гарантии представления информации по адвокатскому запросу, в том числе и регламентирующие сокращенные сроки ее представления и ответственность за ее непредставление.

Федеральным законом от 2 июня 2016 г. № 160-ФЗ «О внесении изменений в ст. 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях Российской Федерации и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁷ были внесены отдельные изменения.

Так, ст. 5.39 КоАП РФ⁸ была дополнена положениями, уточняющими, что к ответственности лица могут привлекаться в том числе и при отказе предоставить информацию адвокату.

Помимо этого Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» был дополнен ст. 6.1, закрепляющей основные требования к адвокатскому запросу, срок ответа на него и ответственность за непредоставление ответа.

Полагаем, что необходимо законодательное закрепление сроков рассмотрения обращений адвокатов применительно к уголовному судопроизводству. Эти сроки целесообразно в связи со спецификой сроков предварительного расследования сократить. Установленные законодательством сроки в 30 дней (с возможностью их продления дополнительно еще на 30 дней) не должны применяться в уголовном судопроизводстве.

В ч. 3 ст. 86 УПК РФ речь идет о возможности собирать доказательства именно защитником, а не адвокатом. Соответственно, указывая полномочия

---

⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102 ; 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4818.

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 23. Ст. 3284.

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1 ; Рос. газета. 2018. № 295.

адвоката и ответственность за непредставление сведений по запросу адвоката, существенно ограничиваются права защитников, которые не являются адвокатами. Полагаем, этот пробел нужно устранить и дополнительно закрепить возможность получения информации лицами, не имеющими статус адвоката, а также сроки ее представления таким защитникам.

Представляется некорректной законодательная формулировка ч. 3 ст. 86 УПК РФ, где говорится о возможности собирать защитником именно доказательств. Защитник не наделен полномочиями по процессуальной фиксации доказательств, а именно с этого момента сведения могут считаться доказательством. Процессуальную фиксацию могут осуществлять только следователь, дознаватель, прокурор и суд. В связи с этим представляется верным указывать, что защитник собирает лишь сведения, которые потом представляет следователю, дознавателю, прокурору или в суд.

Таким образом, можно прийти к выводу о необходимости внесения изменений в действующее законодательство.

Части 2 и 3 ст. 86 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции:

«2. Подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Их получение вправе запрашивать в органах государственной власти, органах местного самоуправления, общественных объединениях и организациях, которые обязаны представлять запрашиваемые документы или их копии в течение пяти рабочих дней с момента получения запроса.

3. Защитник вправе собирать сведения путем:

1) получения предметов, документов и иных сведений;

2) опроса лиц с их согласия;

3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны представлять запрашиваемые документы или их копии в течение пяти рабочих дней с момента получения запроса».

Ответственность за отказ в предоставлении информации закреплена действующим законодательством в ст. 5.39 КоАП РФ и ст. 140 УК РФ. Но законодательные конструкции данных норм не идеальны. Санкции указанных статей не имеют должных охранительных возможностей, не закреплена ответственность за повторное совершение правонарушения. Кроме того, ст. 5.39 КоАП РФ влечет наказание, которое может быть применено только к должностным лицам, а юридические лица подвергнуты наказанию быть не могут. Санкция ст. 5.39 КоАП РФ в 2017 г. претерпела некоторые изменения. Федеральным законом от 1 июля 2017 г. № 146-ФЗ был увеличен размер штрафа для правонарушителей⁹. Теперь размер административного штрафа для должностных лиц составляет от пяти до десяти тысяч рублей.

⁹ О внесении изменения в статью 5.39 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 1 июля 2017 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 27. Ст. 3943.

На основании вышеизложенного целесообразно внести изменения в ст. 5.39 КоАП РФ. Предлагается дополнить ст. 5.39 КоАП РФ ч. 2 и 3 следующего содержания:

«2. Неправомерный отказ в предоставлении гражданину, в том числе адвокату в связи с поступившим от него адвокатским запросом, и (или) организации информации, предоставление которой предусмотрено федеральными законами, и в связи с производством по уголовному делу или проверкой сообщения о преступлении, а равно несвоевременное ее предоставление либо предоставление заведомо недостоверной информации –

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц – от пятидесяти до ста тысяч рублей.

3. Неправомерный отказ в предоставлении гражданину, в том числе адвокату в связи с поступившим от него адвокатским запросом, и (или) организации информации, предоставление которой предусмотрено федеральными законами, и в связи с производством по уголовному делу или проверкой сообщения о преступлении, а равно несвоевременное ее предоставление либо предоставление заведомо недостоверной информации, совершенное повторно, –

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц – от ста до ста пятидесяти тысяч рублей».

Уголовная ответственность за отказ в предоставлении гражданину информации установлена ст. 140 УК РФ. К сожалению, данная статья, несмотря на наличие правонарушений в этой сфере, не применяется¹⁰.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод, что для повышения эффективности норм действующего законодательства необходимо внести предложенные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

---

¹⁰ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за первое полугодие 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (дата обращения: 11.01.2019); Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2017 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 11.01.2019).

Саратовская государственная юридическая академия
Давыдова Н. Н., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy
Davydova N. N., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: nat19823@yandex.ru

СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПО РАССМОТРЕНИЮ ЖАЛОБ В ПОРЯДКЕ СТ. 125 УПК РФ КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ, ОТВЕЧАЮЩАЯ ТРЕБОВАНИЯМ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Рассмотрены вопросы проверки судом обоснованности решений органов предварительного расследования и ее важности для целей эффективности восстановления в правах участников уголовного судопроизводства, а также указано на необходимость мотивированности судебных решений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебное заседание, эффективность восстановления в правах, мотивированность судебных решений, законность и обоснованность решений органов предварительного расследования.

COURT SESSION ON CONSIDERATION OF COMPLAINTS IN ACCORDANCE WITH ART. 125 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE AS A FORM OF JUSTICE THAT MEETS THE REQUIREMENTS OF JUSTICE

The issues of the court's verification of the validity of the decisions of the preliminary investigation bodies and its importance for the purposes of the effectiveness of the restoration of the rights of participants in criminal proceedings, as well as the need for motivation of court decisions.

К е у w o r d s: court session, efficiency of restoration of rights, motivation of court decisions, legality and validity of decisions of bodies of preliminary investigation.

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса в науке уголовно-процессуального права принято определять как одну из форм деятельности суда общей юрисдикции. В то же время это самостоятельный уголовно-процессуальный институт, целью которого является судебная защита прав, свобод и законных интересов лиц (граждан и организаций), вовлеченных в уголовный процесс¹.

Закрепленное в ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту тесно связано с правом на справедливое судебное разбирательство, гарантированным ст. 6 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. В связи с этим представляет интерес анализ данных принципиальных положений применительно к процедуре рассмотрения жалоб судом в досудебном производстве.

Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывают, что число жалоб, подаваемых в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, с каждым годом растет, при этом процент удовлетворенных жалоб, напротив, снижается. Так, в 2014 г. в порядке ст. 125 УПК РФ рассмотрено во всех судах

¹ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 292–294.

© Евстигнеева О. В., 2019

общей юрисдикции 130 648 жалоб (из них удовлетворено 8929 жалоб, отказано в удовлетворении по 36 694 жалобам) и 12 жалоб – на отказ прокурора в возобновлении производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (из них удовлетворены 2 жалобы, отказано в удовлетворении по 5 жалобам)²; в 2015 г. рассмотрено 130 962 жалобы (из них удовлетворены 8086 жалоб, отказано в удовлетворении по 35 240 жалобам) и 18 жалоб – на отказ прокурора в возобновлении производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, из них: удовлетворена 1 жалоба, отказано в удовлетворении по 11 жалобам³.

Изучение «отказных» материалов показывает, что в 38 % случаев следователями в ходе проверок не проводятся даже самые необходимые действия. В материалах проверки неполно и необъективно отражаются сведения, полученные в ходе опроса, отдельные обстоятельства проверки могут умалчиваться (около 12 % случаев)⁴.

В такой ситуации эффективным средством защиты прав и свобод граждан, способным сгладить фактическое неравенство государства в лице правоохранительных органов и личности в досудебном производстве, представив их в качестве равноправных сторон, должно стать право на судебное обжалование, рассматриваемое в науке уголовного процесса в качестве формы реализации конституционного права на судебную защиту⁵.

Предлагаем рассмотреть вопрос о том, насколько такая форма правосудия, осуществляемого в досудебном производстве, отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах лиц, пострадавших от преступлений.

В первую очередь, судебный порядок рассмотрения жалоб в досудебном производстве призван обеспечить право граждан на доступ к правосудию, поскольку оно оказывается под угрозой серьезного ущемления и полного подавления. В связи с этим пострадавшие от произвола либо бездействия правоохранителей вправе требовать предоставления им возможности добиваться исправления допущенных органами предварительного расследования ошибок и обеспечения справедливой процедуры рассмотрения их жалоб судом.

Кроме того, защите в судебном порядке подлежат нарушенные в ходе досудебного производства конституционные права граждан, а также ситуации, в которых конституционное право участника уголовного судопроизводства находится под потенциальной угрозой.

Полагаем, что право на справедливую судебную процедуру, предусмотренное ст. 6 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод, должно быть реализовано, в том числе при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. В силу чего судебный порядок рассмотрения жалоб в досудебном про-

---

² См.: Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2014 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2884> (дата обращения: 27.03.2017).

³ См.: Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2015 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения: 27.03.2017).

⁴ См.: Будченко В. В. Механизм совершенствования законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2010. № 5.

⁵ См.: Закотьянская А. Ф. Обжалование и пересмотр решений суда в ходе досудебного производства. М., 2013. С. 8.

изводстве должен соответствовать требованиям состязательности процесса, обеспечивать равноправие сторон, право на публичное слушание, а также на мотивированность судебного решения.

Равноправие сторон, подразумевающее справедливый баланс между сторонами процесса, является основной характеристикой права на справедливый суд и неотъемлемым аспектом права на состязательный процесс.

Принцип состязательности, закрепленный в ст. 15 УПК РФ и ст. 123 Конституции РФ в равной мере распространяет свое действие на судебные заседания, проводимые в досудебном и судебном производстве, что согласуется с требованием справедливости, закрепленным в ст. 6 Европейской конвенции.

Для обеспечения эффективной защиты в суде податель жалобы имеет возможность заблаговременно ознакомиться с материалами, представленными в обоснование возражений на поданную жалобу представителями правоохранительных органов. В случае заявления об этом ходатайства в ходе судебного заседания суд обязан предоставить сторонам возможность ознакомиться с материалами, представленными другой стороной и отложить судебное заседание.

Право на публичное слушание состоит из права сторон предстать перед судом и эффективно участвовать в слушании, а также право стороны потребовать присутствия на открытом судебном заседании, результаты которого станут достоянием общественности. Часть 3 ст. 125 УПК РФ прямо закрепляет необходимость проведения открытого судебного заседания по поданным жалобам. Исключения из этого правила закреплены в ст. 241 УПК РФ и являются едиными для досудебного и судебного производства, что также согласуется с требованием справедливости.

Право на справедливое слушание включает в себя вынесение судом мотивированных решений. Данное право не предписывает внутренним властям давать подробный ответ на каждый приводимый сторонами аргумент. В то же время ответ суда должен быть достаточно подробным в отношении как фактического, так и правового требования лица. Казалось бы, в данном вопросе российский законодатель также недвусмысленно выразил свою приверженность требованию справедливой процедуры в ч. 4 ст. 7 УПК РФ, указав, что любые постановления и определения суда должны отвечать критериям законности, обоснованности и мотивированности.

Еще одним важным аспектом требования справедливой процедуры, о котором необходимо упомянуть, выступает правовая определенность в аспекте четкости и детальности правового регулирования, не оставляющего пробелов и простора для чрезмерно широкого судебного усмотрения.

Однако судить о надлежащем качестве реализации требования справедливости только на основе анализа действующего законодательства было бы не верно. Именно поэтому предлагаем обратиться к анализу судебной практики с позиций соблюдения требования справедливости с целью выявления типичных нарушений, возникающих в процессе правоприменения, препятствующих эффективному восстановлению прав участников уголовного судопроизводства, отыскания причин их возникновения и возможных путей устранения.

В соответствии со ст. 125 УПК РФ постановления дознавателя, следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а также иные решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного производства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суд.

Вместе с тем при обращении пострадавшего с жалобой в суд ему может быть отказано в принятии жалобы и в ее проверке по существу, несмотря на то, что такой вид судебного решения в ст. 125 УПК РФ не предусмотрен. В ходе предварительной подготовки к судебному заседанию судья по поступившей жалобе проверяет, имеется ли предмет обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ и содержит ли жалоба все необходимые сведения для ее рассмотрения.

На наш взгляд, подобная правовая неопределенность способна создать препятствия в реализации права на судебную защиту и поэтому требуется конкретизировать в законе содержание жалобы и полномочия суда на данном этапе путем дополнения ст. 125 УПК РФ частями 2.1 и 2.2 следующего содержания:

«2.1. Жалоба заявителя должна содержать:

- наименование и адрес органа, в который подается жалоба;
- ФИО и адрес заявителя;
- указание на процессуальное положение заявителя;
- указание на обжалуемое действие (бездействие) или решение;
- доводы заявителя, со ссылками на материалы проверки либо материалы уголовного дела;
- указание на то, какие права заявителя нарушены или подвергнуты угрозе нарушения;
- требование заявителя.

2.2. По поступившей жалобе, суд вправе принять одно из следующих решений:

- 1) о назначении судебного заседания;
- 2) о возвращении жалобы заявителю для устранения недостатков с указанием причин принятия решения и разъяснением права вновь обратиться в суд, если жалоба не содержит необходимых сведений, и это препятствует ее рассмотрению;

3) об отказе в принятии жалобы к рассмотрению, копия которого направляется заявителю, если по поступившей в суд жалобе будет установлено, что жалоба с теми же доводами уже удовлетворена прокурором либо руководителем следственного органа. Если указанные обстоятельства установлены в судебном заседании, то производство по жалобе подлежит прекращению. При несогласии заявителя с решением прокурора или руководителя следственного органа, а также при частичном удовлетворении содержащихся в жалобе требований жалоба, поданная в суд, подлежит рассмотрению в соответствии со статьей 125 УПК».

В кассационном определении от 19 сентября 2012 г. по делу № 22-12750/2012 Московский городской суд указал, что суд первой инстанции был

прав, когда не нашел оснований для принятия жалобы к своему производству. Заявителю было указано на то, что суд не вправе давать оценку решению органов предварительного расследования по существу и проверять, содержит ли заявление о преступлении описание конкретных преступных фактов, подтверждаемых документами.

На наш взгляд, в данном вопросе не все так однозначно и очевидно, а уклонение судов от оценки собранных правоохранительными органами доказательств сводит судебный контроль исключительно к проверке законности действий и решений правоохранительных органов. В результате данное средство защиты не обеспечивает эффективного восстановления в правах лиц, пострадавших от преступлений.

В связи с этим абсолютно верно замечание В. М. Корнукова, который, осознавая ограниченность возможностей потерпевшего по обжалованию в судебном порядке решений органов уголовного преследования, характеризовал их как «слабое утешение обиженного», не дающее гарантий безусловного судебного разбирательства его претензии к обидчику⁶.

Круг действий и решений, которые в настоящее время могут быть обжалованы в суд, весьма широк и разнообразен, поскольку «...сложно представить решение или действие органа предварительного расследования, которое не несло бы в себе потенциальную возможность нанесения ущерба конституционным правам и свободам личности»⁷. И здесь для принятия жалобы к производству судом существенную роль играет убедительность аргументации заявителя, способного доказать, что такой вред действительно возможен. Считаем, что такая широкая формулировка не противоречит требованию справедливости, поскольку не препятствует восстановлению в правах, а напротив, нацеливает подателя жалобы на конкретизацию допущенных правоохранительными органами нарушений применительно к защите его субъективных прав.

Далее следует указать на то, что законодатель лишь в общих чертах закрепил единый для всех обжалуемых действий и решений порядок подачи жалобы и ее рассмотрения⁸, а также установил особые правила рассмотрения отдельных категорий жалоб в ст. 125.1 УПК РФ.

В литературе было отмечено, что процедура рассмотрения жалоб в порядке ст. 125.1 УПК РФ законодателем детализирована, поскольку в ней имеется ссылка на правила производства судебного следствия (глава 37 УПК РФ). Таким образом, порядок и способы исследования доказательств законодателем

⁶ См.: Корнуков В. М. Обеспечение прав личности в состязательном уголовном процессе // Вестник Саратовской гос. академии права. 2000. № 2(21). С. 4–5.

⁷ Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013. С. 54.

⁸ По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 1 ; По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» : постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2014 г. № 31-П // Там же. № 2.

уточнены, и правовая неопределенность в данном вопросе отсутствует, чего нельзя сказать об общем порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ. В этой процедуре без должного внимания законодателя по-прежнему остаются следующие вопросы:

- о праве суда выйти за предмет и пределы поданной жалобы;
- о возможности провести исследование доказательств в судебном заседании и пределах такого исследования;
- о праве вызвать и допросить свидетелей, в том числе тех, которые не были допрошены следствием.

Что касается пределов рассмотрения жалобы, то, как отмечено в литературе, Конституционный Суд РФ сформулировал единое правило: суды при рассмотрении жалоб не вправе входить в обсуждение вопросов, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу дела⁹.

По нашему мнению, вопрос о пределах рассмотрения жалобы требует конкретизации с учетом вида обжалуемого решения.

Прежде всего, это касается постановления о прекращении уголовного дела. Этим решением заканчивается производство по делу и разрешается по существу уголовно-правовой спор, поэтому оценить его с точки зрения законности и обоснованности невозможно без исследования и оценки всех доказательств, положенных в основу данного решения. Если у суда возникают какие-либо сомнения в достоверности доказательств, положенных в основу постановления о прекращении дела, то он не может быть лишен права их проверить, в том числе путем сбора новых доказательств, вызова и допроса свидетелей, истребования документов.

Еще одним итоговым решением, которым заканчивается производство по материалам проверки, является постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. В силу этого пределы и процессуальный порядок рассмотрения жалоб на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, на наш взгляд, должны быть схожими. Судье нельзя запретить исследовать фактические обстоятельства преступления, представленные заявителем материалы и давать оценку обоснованности принятого решения, а также мотивировать свою позицию иными доводами, не приведенными в жалобе. При этом суд вправе проверить не только соблюдение порядка рассмотрения сообщения о преступлении, но и принято ли решение уполномоченным лицом и соблюдены ли требования ст. 148 УПК РФ при его вынесении. Как верно отмечает Пленум Верховного Суда РФ, в ходе проверки должно быть также установлено наличие законных оснований для отказа в возбуждении уголовного дела¹⁰. Однако делать выводы о доказанности совершения конкретным лицом преступления и тем более о его виновности суд не вправе.

Суд также не вправе давать оценку достаточности собранных в ходе до-

---

⁹ См.: *Кальницкий В. В.* Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам : учеб. пособие. Омск, 2009. С. 121.

¹⁰ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

следственной проверки доказательств. Но установить, все ли полученные в ходе проверки материалы – объяснения, заключения экспертиз, результаты осмотров мест происшествий, изъятые предметы и документы, акты ревизий получили оценку в обжалуемом постановлении, опровергнуты ли в нем доводы заявителя в полном объеме, суд обязан.

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в обязательном порядке должно содержать ответы на доводы заинтересованных лиц, настаивающих на возбуждении уголовного дела. Требование вынесения мотивированного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела означает, что вывод о наличии основания для отказа в возбуждении уголовного дела должен вытекать из анализа установленных обстоятельств, подтвержденных конкретными фактическими данными, и только в этом случае судебное разбирательство и его результаты можно будет оценить как справедливые.

Считаем полезным дать в законе расшифровку понятия «необоснованное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела». С этой целью следовало бы дополнить ч. 7 ст. 148 УПК следующим содержанием:

«Необоснованным постановление об отказе в возбуждении уголовного дела признается в случае, когда оно вынесено преждевременно, без достаточной проверки изложенных в заявлении о преступлении фактов, и (или) не соответствует материалам проверки, а также в случае его немотивированности, т. е. при отсутствии изложения причин, по которым следователь принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела.» Аналогичным образом следовало бы раскрыть понятие «необоснованное постановление о прекращении уголовного дела или преследования».

Иной подход необходим в случае обжалования постановления о возбуждении уголовного дела.

Данное решение не только не является окончательным, но им лишь начинается все производство по делу. Очень важно, чтобы предметом рассмотрения суда не стали вопросы о доказанности факта совершения преступления конкретным лицом.

В определении от 27 декабря 2002 г. № 300-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 116, 211, 218, 219 и 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» Конституционный Суд РФ предоставил право обжаловать в суд постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица. При этом было указано на право суда выяснять лишь те вопросы, которые касаются соблюдения порядка вынесения данного решения, наличие необходимых полномочий у лица, принявшего решение о возбуждении уголовного дела, наличие повода к возбуждению уголовного дела, а также обстоятельств, исключающих производство по делу¹¹.

Пленум Верховного Суда РФ учел в своих разъяснениях правовые позиции Конституционного Суда РФ и указал, что помимо порядка вынесения данного решения, наличия у должностного лица полномочий на принятие решения, отсутствия обстоятельств, исключающих производство по делу, необходимо устанавливать наличие законных поводов, а также оснований возбуждения

¹¹ URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRF_decision33558.pdf (дата обращения: 27.03.2017).

уголовного дела. Вместе с тем Верховный Суд РФ отметил, что судья не вправе давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы подлежат разрешению в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела¹².

При этом единообразия в судебной практике по данному вопросу отсутствует.

Так, судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила постановление Советского районного суда г. Краснодара (оставленное без изменения кассационной и надзорной инстанцией) об отмене постановления следователя о возбуждении уголовного дела в отношении Г. по признакам преступления ч. 1 ст. 109 УК РФ и отметила, что суд не вправе был оценивать обоснованность возбуждения уголовного дела и наличие достаточных данных, подтверждающих фактические обстоятельства, свидетельствующие о наличии в действиях подозреваемого состава преступления. Как указал Верховный Суд РФ, эти вопросы не могли быть предметом обжалования и проверки в суде, поскольку обоснованность выводов следователя о совершении лицом действий, в которых он подозревается, и о наличии в этих действиях состава преступления подлежит проверке судом после завершения предварительного расследования по возбужденному уголовному делу и поступления уголовного дела в суд¹³.

В другом случае судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, отменяя постановление Прикубанского районного суда г. Краснодара об отмене постановления о возбуждении уголовного дела в отношении К. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, отметила: «...судья не вправе давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы должны быть разрешены в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела»¹⁴.

Свою позицию о недопустимости для суда давать правовую оценку действиям подозреваемого, собранным материалам относительно полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, при проверке законности возбуждения уголовного дела, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ подтвердила и в своем определении от 25 марта 2015 г. по делу М., возбужденному по ч. 1 ст. 201 УК РФ¹⁵.

Во всех вышеуказанных случаях Верховный Суд РФ ссылается на правовую позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой суд правомочен

---

¹² О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 4. Ст. 16.

¹³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 апреля 2013 г. № 18-Д13-42 // Там же. 2013. № 11.

¹⁴ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 февраля. 2014 г. № 18-УДП13-2 // Там же. 2015. № 1.

¹⁵ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 марта 2015 г. № 18-УДП 14-64 // Там же. № 12.

выяснять лишь вопросы соблюдения порядка вынесения данного решения, наличия поводов к возбуждению уголовного дела, отсутствия обстоятельств, исключающих производство по делу.

Сложность состоит в том, что только законность повода действительно может быть проверена судом без исследования фактических обстоятельств. Другие же вопросы в той или иной мере связаны либо с оценкой обоснованности решения о возбуждении уголовного дела, но при этом не должны предрешать дальнейших выводов следователя (дознавателя) и суда.

На наш взгляд, суд обязан провести общий анализ изложенной в постановлении фабулы инкриминируемого преступления и проверить наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Данный вывод необходимо сформулировать таким образом, чтобы его нельзя было расценить как согласие суда с сущностью подозрения, поскольку последнее еще нуждается в дальнейшей проверке. Суд не вправе в своем решении затрагивать вопросы, подлежащие разрешению в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства уголовного дела. Суд не может давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Закрепленный в ст. 21 Конституции РФ принцип охраны достоинства личности предполагает обязанность государства обеспечивать каждому возможность отстаивать свои права в споре с любыми органами и должностными лицами, в том числе осуществляющими предварительное расследование по уголовным делам. Поэтому суд не должен ограничиваться лишь проверкой исполнения формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от проверки фактической обоснованности обжалуемого решения органа предварительного расследования, поскольку иное способно привести к искажению самой сути правосудия¹⁶.

Таким образом, при рассмотрении жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела суд ограничен проверкой наличия для этого решения повода и основания, а также проверкой формального соблюдения требований УПК РФ:

- полномочий лица, вынесшего постановление;
- порядка его принятия;
- отсутствия обстоятельств, исключающих производство по делу.

В зависимости от наличия или отсутствия в судебном решении ответа на данные вопросы можно судить о его обоснованности, мотивированности, а следовательно, и справедливости.

Следует также упомянуть о наличии предпосылок для возникновения правовой неопределенности судебной процедуры в порядке ст. 125 УПК РФ. Пола-

---

¹⁶ По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гаем, что с этой целью необходимо внести изменения в ст. 125 УПК РФ и прямо предусмотреть в ней отсылку к правилам главы 37 УПК РФ, поскольку исследование и проверка доказательств по общим правилам судебного следствия необходимы в целях реальной, а не формальной защиты прав лица, обратившегося с жалобой.

*Саратовская государственная юридическая академия
Евстигнеева О. В., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса*

*Saratov State Law Academy
Evstigneeva O. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: evstig-olga@yandex.ru*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Рассматривается проблема законодательного регулирования процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела и участия в них специалиста, предлагаются пути усовершенствования законодательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, стадия возбуждения уголовного дела, специалист.

SOME QUESTIONS OF THE PARTICIPATION OF A SPECIALIST IN A STAGE OF EXCITATION OF CRIMINAL CASE

The article deals with the problem of procedural actions legislative regulation at the stage of filing a case and participation of an expert in these actions. The author also suggests the ways of legislation development.

К е у w o r d s: criminal procedure, a stage of filing a case, a specialist (an expert).

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

В ст. 2 Конституции России закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. Совершенно очевидно, что под государством в данном случае понимаются конкретные государственные органы и должностные лица, наделенные законом полномочиями по осуществлению различных видов государственной деятельности, включая уголовное судопроизводство.

В начальной стадии уголовного процесса, согласно ст. 144 УПК РФ, при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, предусмотренном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов и трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований предметов, документов, трупов и привлекать к участию в этих действиях специалистов. Однако порядок осуществления таких проверочных действий полномочия органов расследования в УПК РФ фактически не регламентированы. Это касается получения объяснений, истребований документов и предметов, назначения и проведения документальных проверок и ревизий. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве не регламентируется также порядок привлечения специалиста к осуществлению проверочных действий, его права и обязанности на данной стадии уголовного судопроизводства.

То, что возбуждение уголовного дела является самостоятельной стадией российского уголовного процесса, в настоящее время является общепризнанным положением в теории уголовного процесса. Как справедливо отмечал М. С. Строгович, в стадии возбуждения уголовного дела возникают специфические процессуальные отношения, отличные от процессуальных отношений в стадии предварительного расследования¹, которые реализуются при проведении указанных в законе процессуальных действий².

Конституционный Суд РФ в постановлении от 14 января 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ»³ указал, что возбуждение уголовного дела является начальной, самостоятельной стадией уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания к возбуждению уголовного дела, в том числе достаточность данных, указывающих на признаки преступления, их юридическая квалификация, обстоятельства, исключающие возбуждение уголовного дела, а также принимаются меры по предотвращению или пресечению преступления, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дел в соответствии с установленной законом ответственностью и подсудностью и т. п.

Исходя из данной правовой позиции, действия, проводимые соответствующими субъектами уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела, являются процессуальными. Все это вполне согласуется и с положениями п. 32 ст. 5 УПК РФ, согласно которым процессуальные действия – это следственные, судебные или иные действия, предусмотренное УПК РФ.

Таким образом, в стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного судопроизводства производятся определенные процессуальные действия, к участию в которых в соответствии с положениями ст. 58 УПК РФ может привлекаться специалист. Однако в той же ст. 58 УПК РФ упоминается, что вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяется ст. 168 и 270 УПК РФ.

Статья 270 УПК РФ говорит об участии специалиста в судебных стадиях процесса и поэтому в контексте нашей темы не рассматривается. Что касается ст. 168 УПК РФ, то в ней речь идет об участии специалиста в следственных действиях, проводимых в ходе предварительного расследования, основания, условия и порядок проведения которых достаточно четко урегулированы УПК РФ. По логике вещей, порядок проверочных процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела должен быть также регламентирован нормами уголовно-процессуального закона. Однако, как уже отмечалось, в УПК РФ регламентация проверочных действий в стадии возбуждения уголовного дела, кроме тех следственных действий, проведение которых в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством возможно до

---

¹ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 10.

² См.: *Корнуков В. М., Лазарев В. А., Холоденко В. Д.* Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. Саратов, 2002. С. 8.

³ См.: Рос. газета. 2000. 2 февр.

принятия решения о возбуждении уголовного дела, отсутствует. В частности, уголовно-процессуальным законом не регламентирован порядок изъятия документов и предметов, порядок производства документальных проверок и ревизий, исследований документов, предметов и трупов. И как следствие, законодательством не предусмотрен порядок привлечения к производству указанных процессуальных действий специалиста, а также круг его прав и обязанностей при производстве данных проверочных действий.

В процессуальной литературе неоднократно указывалось на этот недостаток действующего законодательства⁴. Как справедливо отмечает Ю. Б. Чупилкин, в законе «должны быть закреплены виды и порядок производства процессуальных проверочных действий, не имеющих статуса следственных ... нужно предусмотреть перечень участников этой стадии и наделить их комплексом прав и обязанностей»⁵.

Данная деятельность осуществляется ныне на основе ведомственных нормативных актов, таких как приказ Министерства финансов РФ, МВД РФ и ФСБ РФ от 7 декабря 1999 г. № 89н/1033/717 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия контрольно-ревизионных органов Министерства финансов Российской Федерации с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации при назначении и проведении ревизий (проверок)»⁶; приказы МВД РФ от 16 марта 2004 г. № 177 «Об утверждении инструкции о порядке проведения проверок организаций и физических лиц при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, связанного с нарушением законодательства Российской Федерации о налогах и сборах» и от 2 августа 2005 г. № 636 «Об утверждении инструкции о порядке проведения сотрудниками милиции проверок и ревизий финансовой, хозяйственной, предпринимательской и торговой деятельности»⁷.

Об исследовании предметов и документов упоминается в Федеральном законе от 18 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁸, однако он регулирует иные виды правоотношений, чем уголовно-процессуальные.

Порядок исследования трупов предусмотрен в нормативном документе от 12 мая 2010 г. № 346н «Инструкция по организации и производству экспертных исследований в бюро судебно-медицинских экспертиз», утвержденной приказом Министерства здравоохранения РФ, согласно которой судебный медик в стадии возбуждения уголовного дела выступает в роли специалиста⁹.

Возникает парадоксальная ситуация, при которой процессуальные действия в одной из стадий уголовного судопроизводства регламентируются

⁴ См., например: *Зажичкий В. И.* Соотношение доказывания в уголовном процессе и познания, осуществляемого в стадии возбуждения уголовного дела // Рос. юстиция. 2010. № 7. С. 33.

⁵ *Чупилкин Ю. Б.* Гарантии прав личности в стадии возбуждения уголовного дела // Там же. № 2. С. 43.

⁶ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Там же.

⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нормами ведомственных нормативных актов, которые не могут являться источниками уголовно-процессуального права. Кроме того, не определены в указанных нормативных актах права и обязанности специалистов и лиц, привлекаемых в этом качестве, при проведении указанных проверочных действий в стадии возбуждения уголовного дела. Статья же 58 УПК РФ регламентирует, главным образом, участие специалиста, его права и обязанности при производстве следственных действий, которые на стадии возбуждения уголовного дела по общему правилу не допускаются.

Нет ясности и в вопросах о том, кто, когда и каким образом разъясняет права и обязанности привлекаемым к проверочным действиям специалистам. Должен ли следователь, дознаватель в своем требовании о проведении документальной проверки (ревизии, исследования предметов, документов, трупа) указывать конкретного специалиста, его данные (фамилия, имя, отчество, образование, стаж работы, документы, удостоверяющие его личность и т. п.) либо должен быть составлен другой документ с указанием этих данных? Неясен и ряд иных вопросов:

– На основании чего привлеченный соответствующим следователем или дознавателем специалист вступит в осуществление уже проводимой ревизии, документальной проверки, исследования предмета и документа?

– Может ли специалист отказаться от участия в проведении проверочных действий?

На наш взгляд, для устранения подобных недостатков не требуется существенных изменений норм УПК РФ, связанных со стадией возбуждения уголовного дела. Вполне достаточно скорректировать нормы кодекса, регламентирующие порядок проведения проверки сообщений о преступлениях и участие в ней специалиста. Для этого необходимо четко определить виды проверочных действий, без подробной регламентации их производства. Ведь порядок осуществления документальных проверок и ревизий в различных сферах экономической деятельности может существенно отличаться. Исследование предметов и документов также зависит от присущих им свойств, а исследование трупа тесным образом связано с обстоятельствами его обнаружения и другой сопутствующей информацией.

Что же касается участия специалиста в этих проверочных действиях, то, по нашему мнению, необходимо внести соответствующие изменения в ст. 58 УПК РФ, а именно: дополнить ч. 1 данной статьи словами «для содействия в осуществлении по поручению уполномоченных органов и должностных лиц проверочных действий в стадии возбуждения уголовного дела».

Часть 2 этой же статьи, посвященной вызову специалиста и порядку его участия в уголовном судопроизводстве, необходимо дополнить ссылкой на ст. 144 УПК РФ.

Пункт 1 ч. 3 ст. 58 УПК РФ изложить в следующей редакции: «отказаться от участия в производстве процессуальных действий, в том числе при проверке сообщения о преступлении, если он не обладает соответствующими специальными знаниями».

Необходимо также предусмотреть порядок привлечения специалиста к проведению проверочных действий и закрепить его в соответствующих нор-

мах УПК РФ, связанных с регламентацией деятельности в стадии возбуждения уголовного дела. Думается, что следователь, дознаватель, придя к выводу, что для осуществления проверочных действий необходимо участие специалиста, в своем требовании о проведении документальной проверки, ревизии, исследования предметов, документов и трупов, адресованном соответствующей организации, должен указывать на необходимость осуществления этих проверочных действий специалистом (либо с участием специалиста), работающим в этой организации, с обязательным уведомлением о том, кому поручено производство данных действий, а также делать отметку о разъяснении специалисту его прав, обязанностей и ответственности.

*Саратовская государственная юридическая академия
Иванов С. Н., старший преподаватель кафедры уголовного процесса*

*Saratov State Law Academy
Ivanov S. N., Senior Lecturer of the Criminal Process Department
E-mail: K_ugpro@ssla.ru*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Рассматриваются виды, причины и результаты игнорирования норм закона, обеспечивающих объективность производства следственных действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: следственные действия, объективность производства следственных действий, недопустимость доказательств, фальсификация доказательств, уголовно-процессуальные санкции.

THE PROCEDURAL CONSEQUENCES OF A BREACH OF OBJECTIVITY OF INVESTIGATION ACTIONS

The article discusses the types, causes and results of ignoring the law, ensuring the objectivity of investigative actions.

К е y w o r d: investigative action, objectivity of investigative actions, inadmissibility of evidence, falsification of evidence, criminal procedure sanctions.

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

Следственные действия в большей мере, чем какие-либо иные способы собирания доказательств, обеспечивают адекватное отражение сведений об обстоятельствах уголовного дела в его материалах. Тем не менее существующая процедура производства следственных действий не исключает возможности ошибок, и практика свидетельствует о том, что нарушения допускаются.

Нарушение объективности производства следственных действий заключается в отступлении от правил, из которых складывается порядок совершения соответствующих действий, предупреждающий искажение получаемых сведений на этапах их выявления и фиксации и создающий возможность проверки его соблюдения¹.

Указанные нарушения могут допускаться:

- а) на подготовительном этапе производства следственного действия;
- б) на этапе обнаружения имеющих значение для уголовного дела сведений;
- в) на этапе изъятия следов преступления и закрепления результатов следственного действия.

На подготовительном этапе производства следственного действия нарушения объективности могут выражаться в неразъяснении участникам следственных действий их прав, ответственности, порядка производства соответствующих действий, непредупреждении о применении технических средств.

На этапе обнаружения имеющих значение для уголовного дела сведений могут встречаться такие нарушения объективности, как невыполнение поня-

¹ См.: Кирдина Н. А. Процессуальные гарантии объективности производства следственных действий : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

© Кирдина Н. А., 2019

тыми функции наблюдения за ходом и содержанием следственного действия, производство следственного действия в ночное время, проведение допроса в течение более продолжительного времени, чем разрешено законом, постановка наводящих вопросов, предъявление лица для опознания в числе лиц, имеющих с ним существенные различия во внешности, игнорирование в ходе следственного эксперимента условий, в которых происходило проверяемое событие, «упрощение» процедуры следственного действия, когда поисковые действия проводятся поверхностно, формально и т. п.

Во время изъятия следов преступления и закрепления результатов следственного действия спектр нарушений еще более разнообразен и может состоять из отсутствия описания в протоколе следственного действия, в зависимости от вида следственного действия, условий его проведения, места обнаружения искомых предметов или документов, упаковки изымаемого, а также записи задаваемых вопросов, сделанных замечаний и дополнений и иных нарушений, ведущих к неполноте протокола; описания содержания, хода и результатов следственного действия в искаженном виде; неустойчивости протокола следственного действия кем-то из участников этого действия и т. п.

Все перечисленные выше нарушения² можно классифицировать в зависимости от того, какой вид процессуальных гарантий объективности производства следственных действий был проигнорирован правоприменителем при собирании доказательств:

а) невыполнение следователем, дознавателем обязанностей по обеспечению отдельных прав участников следственных действий и по соблюдению процедуры следственных действий;

б) несоблюдение правил участия понятых;

в) отступление от предъявляемых УПК РФ требований к фиксации хода и результатов следственных действий;

г) ненадлежащее осуществление соответствующими должностными лицами и государственными органами контрольных и надзорных полномочий за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания.

Нарушения объективности производства следственных действий могут быть продиктованы самыми разными причинами. Прежде всего – это низкий профессиональный уровень лиц, производящих расследование, выражающийся в недостаточном знании ими правовых норм, неверном их толковании, непонимании значимости процессуальной формы следственных действий и возможных последствий отступления от строгих рамок закона. Серьезную роль, как пишет С. А. Шейфер, играет личностный фактор, выражающийся в неправильном отношении следователя к закону как к требованию, не являющемуся первостепенным. Согласно приведенным данным опроса следователей, 18 % из них считают возможным отступление от процессуальных норм с целью преодоления возникших трудностей расследования³. Некачественное

² Здесь и далее, если не оговорено иное, термин «нарушение» относится к объективности производства следственных действий.

³ См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 198.

(неадекватное) отражение в протоколе следственного действия полученных сведений, связанное с халатным отношением следователя к своим профессиональным обязанностям, некоторые авторы называют браком⁴.

Несоответствие предъявляемым моральным качествам не исключает даже готовности пойти на преступную фальсификацию доказательств с целью получения какой-либо личной выгоды или сокрытия допущенных в ходе расследования ошибок и недоработок. Фальсификация доказательств является нарушением, совершение которого влечет не просто применение процессуальных санкций, но и привлечение виновного в ее совершении к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 303 УК РФ. Исчерпывающего перечня способов фальсификации доказательств не существует ввиду их многообразия, связанного с уникальностью информационного содержания каждого доказательства. Любая фальсификация доказательств может быть выражена либо в создании подложного доказательства, либо во внесении в уже имеющееся доказательство любого изменения, искажающего достоверный характер содержащихся в нем сведений⁵.

Так, Нижегородским областным судом следователь А. был осужден по ч. 2 ст. 303 УК РФ за то, что, используя свое служебное положение умышленно составил поддельный официальный документ – протокол выемки, без участия понятых и самого потерпевшего. В соответствующие графы указанного протокола А. вписал в качестве понятых имена и сведения о месте жительства своих знакомых, которые при проведении данного следственного действия не присутствовали, а также подделал их подписи в графах о разъяснении им прав, обязанностей и ответственности, а также об отсутствии заявлений перед началом, в ходе и по окончании следственного действия и замечаний к протоколу⁶.

Другой случай. Магаданским областным судом следователь И. был осужден по ч. 2 ст. 303 УК РФ за то, что с помощью неизвестного лица, выполнившего рукописные записи и подписи от имени допрашиваемых, внес в подлинные протоколы допроса обвиняемого П. и обвиняемого Т. ложные дополнения об обстоятельствах совершения ими кражи в части распределения ролей соучастников преступления, устранив таким образом имеющиеся в деле противоречия и создав общую картину согласованности показаний участников группы, а также уличив в краже З.⁷

Нарушения могут возникать не только из-за безграмотности или преступного умысла, но и быть вызваны невнимательностью из-за болезни, усталости, стресса, стать результатом случайной небрежности. Вместе с тем объективность производства следственных действий является одним из ключевых условий объективности расследования и вынесения законного итогового решения по существу уголовного дела. Поэтому какой бы причиной ни были вызваны

---

⁴ См.: Белозеров Ю. Н., Рябоконт В. В. Производство следственных действий : учеб. пособие. М., 1990. С. 11.

⁵ См.: Кибальник А., Майборода В. Фальсификация доказательств : уголовная ответственность // Законность. 2009. № 1. С. 14. О фальсификации доказательств см. также: Бавев О. Я. Защита доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 2016. С. 36–52.

⁶ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 февраля 2006 г. № 9-о06-2. URL: http://www.supcourt.ru/arxiv_out/stor_res.php (дата обращения: 12.10.2009).

⁷ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 июля 2004 г. № 93-004-9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

рассматриваемые нарушения, они могут привести к одинаково серьезному результату.

Последствия нарушения объективности производства следственных действий зависят от следующих обстоятельств:

- а) будет ли это нарушение выявлено и если будет, то на каком этапе уголовного судопроизводства;
- б) будет ли данное нарушение существенным и устранимым;
- в) будет ли возможность в случае признания доказательства ввиду такого нарушения недопустимым восполнить его утрату.

Если нарушение выявлено следователем, дознавателем, прокурором или судом, то оно может либо быть устранено, либо повлечь применение процессуальных санкций.

По мнению И. Б. Михайловской, «законодательное разрешение исследовать одни доказательства с целью решения вопроса о допустимости других свидетельствует о неполной формализации критериев надлежащей процессуальной формы относящихся к делу сведений»⁸. Иной подход, как справедливо заметила А. А. Струкова, не только не способствует достижению уголовным судопроизводством своих целей, но и ущемляет права потерпевшего⁹.

В ряде случаев удается нейтрализовать нарушения объективности производства следственных действий. Если же нет процессуальной возможности устранить сомнения в достоверности полученных с нарушением закона доказательств, то они признаются недопустимыми и не могут использоваться в доказывании.

В юридической литературе среди фактических оснований признания доказательств недопустимыми выделяются: 1) нарушения прав личности и 2) нарушения порядка собирания доказательств, ставящие под сомнение его достоверность¹⁰. Этот тезис, видимо, имеет свои корни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»¹¹. Однако любое существенное нарушение закона в уголовном процессе в той или иной степени затрагивает права личности. Так, процессуальная форма основного способа собирания доказательств – следственных действий – это гарантия достижения уголовным судопроизводством своего назначения: защиты прав и законных интересов потерпевших при одновременной защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Достижение данной цели возможно лишь при установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в точном

⁸ Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008. С. 114.

⁹ См.: Струкова А. А. К вопросу о необходимости совершенствования закона о недопустимости доказательств // Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006. С. 559.

¹⁰ См.: Корневский Ю. В., Падва Г. П. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству : практ. пособие. М., 2004. С. 20–22 ; Михайловская И. Б. Указ. соч. С. 112.

¹¹ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам / сост. А. И. Рарог, А. А. Бимбинов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 501.

соответствии с действительностью. Решения должностных лиц, осуществляющих расследование преступлений и рассмотрение уголовных дел, должны основываться на отражающих эту действительность доказательствах. Только в случае точного установления события преступления и изобличения лица, совершившего его, будут защищены права и потерпевшего, и обвиняемого (последний будет огражден от необоснованного обвинения и понесет справедливое наказание лишь за то, что на самом деле совершил)¹².

Существует мнение, что вывод должностного лица, расследующего уголовное дело, специальным решением о недопустимости соответствующего доказательства документально не оформляется. «Такое доказательство просто не используется в обосновании выводов, содержащихся в итоговом уголовно-процессуальном документе»¹³.

Действительно, из нескольких сотен изученных автором этой статьи в районных судах г. Саратова уголовных дел такого решения не содержало ни одно из них. Однако, по крайней мере, в опубликованной практике Верховного Суда РФ такой пример все же имеется. Так, по одному уголовному делу, расследовавшемуся в Республике Саха, следователь, исходя из того, что объектом экспертного исследования явилась гильза патрона, не имеющего отношения к уголовному делу, признал своим постановлением заключение эксперта недопустимым доказательством¹⁴.

В соответствии с п. 1.17 приказа Генеральной прокуратуры России от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» и п. 30 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» прокурор, выявив недопустимые доказательства, обязан выносить мотивированное постановление о признании таких доказательств недопустимыми и об их исключении¹⁵. Авторами, принимавшими непосредственное участие в разработке бланков процессуальных документов, включенных в ч. 6 УПК РФ, которая действовала до 5 июня 2007 г., рекомендованы для использования в практической деятельности бланки постановлений «О признании недопустимым доказательства и утверждении обвинительного заключения» и «О признании недопустимым доказательства и утверждении обвинительного акта»¹⁶. Е. А. Доля выводит необходимость оформления решения о недопустимости доказательств постановлением также исходя из п. 25 ст. 5 УПК РФ¹⁷.

---

¹² См.: Корнуков В. М., Валиев Р. Ш. Личный обыск и его роль в уголовно-процессуальном доказывании. Саратов, 2007. С. 20–22.

¹³ Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2010. С. 112.

¹⁴ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 июля 2009 г. № 74-о09-19сп. URL: http://www.supcourt.ru/arxiv_out/TEXT.PHP?id_text

¹⁵ URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71524294/#ixzz5cay7nhFy> ; <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71524294/#ixzz5cayOb0IK>

¹⁶ См.: Коротков А. П., Сеницын А. П., Тимофеев А. В. Процессуальные акты предварительного следствия и дознания / под ред. А. И. Бастрыкина. М., 2010. С. 572–573, 589–590.

¹⁷ См.: Доля Е. А. Доказательства и доказывание // Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 330–331.

Точка зрения, согласно которой прокурору, следователю и дознавателю необходимо выносить постановление об исключении доказательств, представляется более правильной¹⁸, поэтому заслуживает внимания предложение по закреплению в УПК РФ требования выносить такое постановление как по инициативе указанных должностных лиц, так и по ходатайству стороны защиты¹⁹. Однако следует отметить, что в нем не учтены права потерпевшего. Очевидно, что в ходе предварительного расследования он так же, как и в суде, не может быть лишен права оспорить допустимость доказательств, указывающих на характер и размер причиненного ему вреда, на обстоятельства совершения преступления и т. д. Кроме того, необходимо наделить полномочиями по вынесению такого постановления и руководителя следственного органа.

В случае своевременного признания неустранимой ошибки иногда может существовать возможность замены недопустимого доказательства другим. Однако сама по себе такая возможность не означает, что утраченные данные будут восполнены. Во-первых, это зависит от качества производимого расследования; во-вторых, от грамотности и интересов сторон, участвующих в судебном разбирательстве. Не исключена такая ситуация, когда ни сторона обвинения, ни сторона защиты по тем или иным причинам не заявляют в судебном заседании ходатайства о производстве новых следственных действий при наличии реальной возможности осуществить их. Суд часто ограничивается также лишь предоставленными ему материалами предварительного следствия, не проводя с целью проверки имеющихся в деле доказательств следственных действий, которые закон не запрещает проводить ему по собственной инициативе (видимо, ввиду нехватки времени или трудностей в их организации)²⁰. В любом случае чем позже выявлено нарушение, тем меньше шансов на его устранение или восполнение его последствий.

Так, в судебном заседании по уголовному делу по обвинению Дерновского Ю. А. по ч. 2 ст. 264 УК РФ было установлено, что в протоколах осмотра места происшествия и транспортных средств подделаны подписи понятых. На основании данных протоколов проводилась автотехническая экспертиза. Указанные нарушения на стадии судебного разбирательства оказались неустранимыми и повлекли признание доказательств недопустимыми, а следовательно, постановление в отношении подсудимого оправдательного приговора в связи с отсутствием в его действиях состава преступления²¹.

Возможно, при своевременном выявлении руководителем следственного органа или прокурором фальсификации доказательств ситуацию удалось бы исправить и достоверно установить обстоятельства уголовного дела.

Однако в силу специфики следственных действий, некоторые из них повторить невозможно вовсе (производство обыска, предъявление для опознания

¹⁸ См.: *Золотых В. В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д., 1999. С. 229–230 ; *Россинский С. Б.* Уголовный процесс : учебник. М., 2009. С. 202–203.

¹⁹ См.: *Анищик О. О.* Средства закрепления хода и результатов следственных действий и их доказательственное значение : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 184–185.

²⁰ См.: Там же. С. 121.

²¹ Цит. по: *Новичихин Н. И.* Ошибки следствия и суда, приводящие к оправданию // Уголовный процесс. 2011. № 6. С. 64–65.

по тем же признакам и т. д.). Данный факт может стать причиной образования невосполнимой недостаточности доказательств, ведущей к невозможности установления всех обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, что, в свою очередь, приведет к вынужденному вынесению постановления о приостановлении предварительного расследования, прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям или постановлении оправдательного приговора по формальным основаниям. И. Л. Петрухин называет понижение качества следствия и введение института признания собранных с нарушением закона доказательств недопустимыми в числе факторов, влияющих на распространенность оправдательных приговоров²². Истина в таких случаях не достигается, а значит, не защищенными остаются права не только потерпевших от преступлений, но и любого человека, который может подвергнуться преступному посягательству со стороны ушедшего от уголовной ответственности лица.

Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Я. Чайка в своем докладе о состоянии законности и правопорядка в 2010 г., отмечая низкое качество предварительного следствия, назвал среди наиболее часто выявляемых прокурорами нарушений необоснованное привлечение к уголовной ответственности и сообщил, что за истекший год следователями органов внутренних дел в отношении более 3700 лиц было прекращено уголовное преследование по реабилитирующим основаниям либо они оправданы судом²³.

Однако, справедливости ради, стоит отметить, что данная статистика свидетельствует не просто о допускаемых в ходе уголовного судопроизводства нарушениях закона, а все же об их выявлении и признании.

На проведенном Председателем Следственного комитета Российской Федерации 27 апреля 2011 г. оперативном совещании исполняющий обязанности руководителя следственного управления по Саратовской области Н. Никитин «подчеркнул, что в первом квартале 2011 года не допущено фактов вынесения реабилитирующих судебных решений»²⁴. Действительно, Саратовская область поставлена в рейтинге по числу оправдательных приговоров на 69-е место из 84 (0,15 % оправданных лиц по отношению к осужденным в 2009 г.). Два последних места – у Пензенской (0,08 %) и Рязанской (0,03 %) областей²⁵. В 2017 г. доля оправдательных приговоров по Российской Федерации в целом снизилась до 0,3 %²⁶. Однако данные показатели имеют ценность лишь в том случае, если отражают действительный уровень состояния законности в регионах, а не создаются ценой привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц.

---

²² См.: Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М., 2009. С. 35–36.

²³ См.: Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/news/news-71823>

²⁴ Председатель Следственного комитета провел оперативное совещание в следственном управлении по Саратовской области. URL: <http://www.sledcom.ru/actual/50117/index.php>

²⁵ См.: Рейтинг судов общей юрисдикции по соотношению оправданных лиц к осужденным за 2009 г. URL: <http://www.pravo.ru/rating/judges/?type=28>

²⁶ URL: <http://niitek.ru/post/statisticheskie-dannye-sudov-obshhej-jur/>

Председатель региональной общественной организации «Независимый экспертно-правовой совет» М. Ф. Полякова обращалась к Президенту РФ с речью о том, что судьи боятся выносить оправдательные приговоры, закрывая глаза на дефекты следствия и игнорируя доводы стороны защиты. При низком качестве следствия выносятся в среднем по стране менее 1 % оправдательных приговоров, из которых 40 % впоследствии отменяются. Правосудие приносится в жертву статистике, которая еще больший вред причиняет работе органов внутренних дел²⁷.

Примеры в подтверждение подобного заявления содержатся в материалах судебной практики.

Так, Таганским районным судом города Москвы 24 мая 2010 г. был осужден О. по ч. 3 ст. 162 УК РФ к семи годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. В обоснование своих выводов о доказанности его виновности в совершении преступления суд сослался в приговоре на противоречивые показания потерпевшей и не обладающий свойствами допустимости и достоверности протокол предъявления лица для опознания.

Как следует из показаний допрошенных в судебном заседании свидетелей К. и М., принимавших участие при предъявлении лица для опознания, опознание О. проводилось после проведения опознания потерпевшей Я. некоего А. с участием тех же статистов, в ходе которого потерпевшая Я. опознала А. и одного из статистов М. как лиц, совершивших в отношении ее преступление. После того, как потерпевшая опознала О., первый протокол был переписан из-за того, что, как пояснил участникам следственного действия следователь, потерпевшая сомневалась. Потерпевшая в своих показаниях не отрицала данного обстоятельства. При этом суд признал показания шестерых свидетелей, допрошенных по ходатайству стороны защиты для проверки алиби подсудимого, недостоверными в связи с тем, что они объективно опровергаются исследованными в ходе судебного следствия доказательствами, подтверждающими участие О. в инкриминируемом ему преступлении, а сами свидетели по большей части являются родственниками и друзьями подсудимого. Информационной карточке абонента и распечатке телефонных соединений с номера О., которые осуществлялись в период совершения преступления с адреса, по которому, со слов свидетелей и самого О., он находился, суд вообще не дал никакой оценки.

Данный приговор был признан законным судом второй инстанции, вступил в законную силу и отменен президиумом Московского городского суда спустя одиннадцать месяцев²⁸.

Приведенный пример является свидетельством тому, что даже за признание очевидных нарушений объективности производства следственных действий пострадавшему от них лицу приходится бороться иногда годами, находясь при этом под стражей.

Одним из примеров перечисленных выше последствий нарушения объективности производства следственных действий является решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ об отмене приговора

²⁷ См.: Судье психологически сложно вынести оправдательный приговор. URL: <http://www.prav.o.ru/news/view/20749>

²⁸ Постановление президиума Московского городского суда по делу № 44у-77/11 от 22 апреля 2011 г. URL: [http://www.mos-gorsud.ru/files/docs/TXT_UN/u_0077_2011_-_postanovlenie_suda_nadzornoj_instanzii\(22.04.11\).doc](http://www.mos-gorsud.ru/files/docs/TXT_UN/u_0077_2011_-_postanovlenie_suda_nadzornoj_instanzii(22.04.11).doc)

и всех последующих судебных решений и прекращении уголовного дела за недоказанностью участия Ч. в совершении преступления. Основанием для его вынесения послужило признание протокола предъявления лица для опознания недопустимым доказательством в связи с тем, что Ч. предъявлялся для опознания один. При этом Верховный Суд РФ констатировал, что других доказательств, подтверждающих причастность Ч. к преступлению, не имеется, и все возможности для собирания дополнительных доказательств исчерпаны²⁹.

Согласно опубликованным данным одного частного исследования, при рассмотрении уголовных дел городскими и районными судами удовлетворяются от 10 до 15 % ходатайств защитников об исключении недопустимых доказательств, а судами субъектов РФ – в пределах 5–7 %³⁰.

В случае если нарушение не выявляется никем из участников уголовного процесса, либо если на него указывают стороны, но должностное лицо, уполномоченное принимать решение о признании доказательства недопустимым, опровергает факт такого нарушения, влияние его на ход дела зависит от существования самого нарушения и роли полученного незаконным путем доказательства в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Если нарушение имело место, но не повлияло на соответствие полученных сведений действительности, то оно не приведет к ошибкам в доказывании. В противном случае нарушение может стать причиной заблуждения следователя и (или) суда в выводе о фактических обстоятельствах дела, а следовательно, виной неблагоприятных последствий, если недостоверное доказательство будет положено в основу принимаемого решения. К примеру, намеренное изменение формы или содержания доказательства, а тем более сразу нескольких доказательств, может привести к незаконному привлечению в качестве обвиняемого, незаконному избранию меры пресечения либо, напротив, к освобождению из-под стражи или от уголовной ответственности, вынесению неправомерного приговора. Особенно чреваты наступлением негативных последствий нарушения, допущенные в ходе сразу нескольких следственных действий, повлекшие закрепление искаженной доказательственной информации. Например, проведение следственного эксперимента без учета условий, в которых имело место проверяемое явление, и производство экспертизы посредством неверного применения методов исследования дали подтверждающий друг друга, но ложный результат.

Применение в доказывании по уголовному делу недостоверных доказательств может привести к более трагичным последствиям, чем утрата недопустимых, но по сути правдивых сведений. Это связано с тем, что на основе использования неверных данных создается опасность не только оставления безнаказанным совершившего преступление, предоставления ему возможности чинить новые противоправные деяния, но и привлечения к уголовной ответственности лица, не причастного к преступлению.

Только зная закон и неотступно следуя каждому его предписанию, возможно восстановить ход событий, имеющих значение для уголовного дела, в

---

²⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 1. С. 9.

³⁰ См.: *Исаенко В.* Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве следственных действий // *Законность.* 2010. № 4. С. 11.

точном соответствии с действительностью, т. е. получить такую совокупность неопровержимых доказательств, на основании которой можно сделать единственный и верный вывод, а значит, достичь целей уголовного судопроизводства в соответствии с закрепленным в Конституции РФ и УПК РФ принципом публичности.

Саратовская государственная юридическая академия

Кирдина Н. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy

Kirdina N. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Process Department
E-mail: K_ugpro@ssla.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРЕЕМСТВА НЕКОТОРЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Рассматривается возможность правопреемства потерпевшего – физического лица в случае его смерти по причинам, не связанным с совершенным в его отношении преступлением, а также освещаются проблемы правопреемства юридических лиц, которые могут выступать в качестве потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: правопреемство, потерпевший, юридическое лицо, имущественный, моральный вред, правопреемство юридических лиц.

PROBLEMS OF SUCCESSION OF SOME PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses the possibility of succession of an individual victim, in the event of his death for reasons not related to the crime committed against him, and also highlights the problems of succession in the criminal process of legal entities that can act as victims, civil plaintiffs, civil respondents.

K e y w o r d s: succession, victim, legal entity, property, moral harm, legal succession.

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

Согласно ст. 42 УПК РФ потерпевшим по уголовному делу может являться физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. При этом законодатель допускает правопреемство статуса потерпевшего лишь в случаях, когда смерть лица явилась следствием совершенного в его отношении преступления. В этом случае права потерпевшего переходят к близким родственникам или иным близким лицам умершего, а при их отсутствии или невозможности участия – к одному из родственников (ч. 8 ст. 42, ч. 2 ст. 318 УПК РФ).

Возможность же правопреемства статуса потерпевшего – физического лица – в случае его смерти по причинам, не связанным с преступлением, осталась в законе не урегулированной. В связи с этим на практике складываются неоднозначные ситуации: одни правоприменители допускают в качестве потерпевших близких родственников умершего, не усматривая в этом нарушения закона, другие отказывают в допуске для участия в деле правопреемников умершего, ссылаясь на отсутствие предусмотренных законом оснований.

Единого мнения по этому вопросу нет и среди ученых-процессуалистов. Так, С. С. Чернова полагает необходимым осуществлять правопреемство потерпевших, умерших по причинам, не связанным с преступлением, аналогично допуску по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, поскольку это положительно скажется на защите прав

и интересов участников уголовного судопроизводства, а также облегчит деятельность правоприменителей¹.

А. Д. Прошляков, напротив, указывает на то, что в случае смерти потерпевшего по причине, не связанной с расследуемым деянием, никакого правопреемства не происходит, дальнейшее производство ведется без участия потерпевшего, интересы которого должны отстаивать органы, осуществляющие уголовное преследование². На первый взгляд, эта позиция представляется правильной, поскольку, исходя из положений ч. 1 ст. 42 УПК РФ, потерпевшим является лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред. И не вполне оправдано, например, признавать потерпевшим по делу о краже имущества родственника или близкое лицо, которому преступлением не нанесено никакого ущерба.

Между тем не все так однозначно. Должностные лица органов предварительного расследования, как правило, не придают значения положениям об общей собственности супругов, закрепленным в ст. 34 Семейного кодекса РФ и ст. 256 Гражданского кодекса РФ. Если один из супругов владеет имуществом, то другой, в случае посягательства на совместно нажитое имущество, имеет такое же право на признание потерпевшим.

Возможно, признание потерпевшим второго лица, без наличия его волеизъявления, не имеет существенного значения при жизни потерпевшего. Но в случае его смерти совершенно оправдано признать потерпевшим супруга умершего, если имущество, на которое было обращено посягательство, относится к совместно нажитому. Однако в рассматриваемом случае при наделении супруга статусом потерпевшего имеет место не правопреемство статуса потерпевшего, а признание его потерпевшим на основании положений ст. 42 УПК РФ, поскольку, когда предметом преступного посягательства становится общее имущество супругов, непосредственный имущественный вред терпят они оба. Кроме того, не всегда возможно установить причинно-следственную связь между совершенным преступлением и наступившим последствием – смертью лица. К примеру, потерпевший может пережить из-за совершенного в отношении его мошенничества и умереть от сердечного приступа. В этом случае не будет оснований для правопреемства, поскольку доказать, что потерпевший умер из-за совершенного в отношении его хищения, вряд ли возможно. Однако близкие родственники потерпевшего, глубоко переживая случившееся и зная о вероятной причине преждевременной смерти, скорее всего пожелают отстаивать интересы потерпевшего и добиться справедливого наказания для виновного.

Полагаем, что для вступления в производство по уголовному делу родственников потерпевшего, умершего по причинам, не связанным с совершенным преступлением, не могут применяться положения, предусмотренные ст. 42 УПК РФ о непосредственном причинении лицу физического, имущественного или морального вреда от преступления. В подобных случаях такие

¹ См.: Чернова С. С. Процессуальные последствия смерти потерпевшего // Вестник Омской юрид. академии. 2015. № 1 (26). С. 72.

² См.: Прошляков А. Д. О неотчуждаемости статуса юридического лица – потерпевшего по уголовному делу // Рос. юрид. журнал. 2009. № 5. С. 207.

лица имели бы право на участие в деле и до смерти потерпевшего. Поэтому в указанных ситуациях на практике правопреемство, как правило, не осуществляется ввиду отсутствия предусмотренных законом оснований. Однако, на наш взгляд, в целях защиты прав и законных интересов умерших потерпевших, упорядочения правоприменительной практики необходимо закрепить в законе возможность правопреемства статуса потерпевшего, умершего по причинам, не связанным с совершенным преступлением. Это будет способствовать защите интересов умершего потерпевшего, который в силу объективных причин не может самостоятельно отстаивать свои интересы, и обеспечит доступ граждан к правосудию.

В связи с этим считаем необоснованной позицию Л. В. Павловой, которая солидарна с мнением А. Д. Прошлякова, но при этом возражает не только против признания потерпевшими родственников лиц, умерших по причине, не связанной с совершенным преступлением, но и против признания потерпевшими родственников лиц, умерших в результате совершенного преступления. По мнению автора, потерпевший от преступления – это непосредственный участник правоотношения, которому общественно опасным деянием причинен вред, и именно непосредственность посягательства является основанием признания лица потерпевшим³. При этом родственники, члены семьи, близкие лица и иные члены общества, которые в результате совершенного преступления испытывают негативные моральные переживания по поводу вреда, причиненного потерпевшему, являются потерпевшими в криминологическом («рикошетные» жертвы, вторичный круг жертв), а не правовом понимании. В силу этого они должны рассматриваться не как потерпевшие, а как правопреемники, как это было предусмотрено в Модельном уголовно-процессуальном кодексе, разработанном для государств – участников СНГ⁴.

На наш взгляд, признание потерпевшими родственников умершего в результате совершения преступления происходит не в силу положений, закрепленных в ч. 1 ст. 42 УПК РФ (т. е. в силу причинения им непосредственного вреда), а в силу установленной ч. 8 ст. 42 УПК РФ возможностью правопреемства, в результате которого права умершего в результате совершения преступления потерпевшего переходят к одному из близких родственников, близких лиц или иных родственников. Правопреемство в данном случае установлено для защиты прав и интересов умершего в результате совершения преступления, который не может самостоятельно их защитить.

УПК РФ ничего не говорит о таком участнике уголовного процесса, как правопреемник. Надо отметить, что и упомянутый Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ также не рассматривает правопреемника как самостоятельного участника уголовного судопроизводства. Согласно положениям ч. 4 ст. 114 этого документа, правопреемники потерпевшего участвуют в производстве по уголовному делу вместо потерпевшего,

---

³ См.: Павлова Л. В. К вопросу об обеспечении прав и законных интересов потерпевшего от преступления посредством гармонизации уголовного законодательства и развития института правопреемства // Развитие судебной власти в Республике Беларусь : материалы Международ. круглого стола. Минск, 2017. С. 74–79.

⁴ См.: Там же.

пользуясь правами и неся обязанности потерпевшего, кроме права давать показания, и неотделимых от личности потерпевшего других прав⁵. Тот факт, что Модельный уголовно-процессуальный кодекс ограничивает права таких потерпевших, исключая возможность давать показания в качестве потерпевшего и примиряться с обвиняемым, на наш взгляд, не свидетельствует о том, что правопреемник является самостоятельным участником процесса, отличным от потерпевшего.

Действующий же УПК РФ не содержит никаких ограничений для родственников умершего в результате совершенного преступления, и к нему переходят все права, предусмотренные ч. 2 ст. 42 УПК РФ, что, по нашему мнению, оправдано невозможностью участия самого умершего в уголовном процессе и необходимостью защиты его интересов.

В связи с этим нам близка точка зрения, высказанная С. С. Черновой, которая полагает, что права и законные интересы личности должны быть защищены не только в период жизни человека, но и после его смерти. Это должно обязывать компетентные органы исходить из необходимости обеспечить родственникам умершего потерпевшего доступ к правосудию и судебную защиту⁶.

Считаем целесообразным закрепить в УПК РФ возможность правопреемства статуса потерпевшего близким родственником в случае его смерти по причине, не связанной с совершенным в отношении его преступлением. По нашему мнению, ст. 42 УПК РФ необходимо дополнить ч. 8.1 следующего содержания: «В случае смерти потерпевшего по причине, не связанной с совершенным преступлением, права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьей, переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников при поступлении соответствующего ходатайства».

Что касается юридических лиц, то УПК РФ не предусматривает возможности правопреемства юридических лиц в уголовном процессе. Между тем данный вопрос актуален, поскольку за время расследования уголовного дела юридическое лицо может быть подвергнуто реорганизации или ликвидации. На практике сложилась неоднозначная практика, относительно действий участников уголовного судопроизводства при реорганизации и ликвидации юридического лица. Ряд правоприменителей в случае реорганизации и ликвидации не допускают правопреемства и продолжают судопроизводство при отсутствии потерпевшего; другие оставляют в процессе представителя реорганизованного или ликвидированного юридического лица, невзирая на тот факт, что представляемого лица уже не существует; третьи привлекают к участию в процессе учредителей ликвидированного юридического лица; четвертые привлекают к участию в процессе правопреемников реорганизованного юридического лица.

Мнения ученых о возможности правопреемства юридических лиц в уголовном процессе также неоднозначны. А. Д. Прошляков возражает против

⁵ Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ : принят постановлением от 17 февраля 1996 г. № 7-6. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901914840> (дата обращения: 16.01.2019).

⁶ См.: Чернова С. С. Указ. соч. С. 71.

возможности правопреемства юридического лица, ссылаясь на возможность совпадения в одном лице стороны обвинения и стороны защиты, учреждение правопреемника юридического лица после совершения преступления, а также на то, что правопреемство имеет сложный характер и находится за рамками уголовного судопроизводства⁷.

Н. С. Рогов, напротив, предлагает закрепить в УПК РФ возможность правопреемства реорганизованного юридического лица, аналогично процедуре правопреемства, установленной Гражданско-процессуальным кодексом РФ, расширив перечень субъектов, решающих вопрос о правопреемстве через включение в него лиц, осуществляющих предварительное расследование⁸.

На наш взгляд, говоря о случаях реорганизации юридического лица, которая согласно ст. 57 ГК РФ возможна посредством слияния, присоединения, разделения, выделения и преобразования, совпадение в одном лице стороны обвинения и стороны защиты практически невозможно, поскольку в результате реорганизации может образоваться новое юридическое лицо, не существовавшее на момент совершения преступления, а значит, не имеющее возможности самостоятельно выступать в качестве потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика. А в случае присоединения к ранее существующему юридическому лицу также крайне маловероятно, что данное юридическое лицо будет выступать по делу в том или ином качестве.

Кроме того, представляется, что сам факт учреждения правопреемника юридического лица после совершенного преступления не может свидетельствовать против необходимости правопреемства юридических лиц в уголовном процессе, поскольку для того чтобы стать, в частности, правопреемником юридического лица, выступающего потерпевшим, юридическому лицу не требуется претерпевать вред имуществу или деловой репутации. В противном случае данное юридическое лицо имело бы право на признание потерпевшим до возникновения юридического факта, влекущего правопреемство.

Под понятием правопреемства понимается свойство правоотношений, представляющее собой не связанные с личностью субъекта правоотношения и не запрещенное законодательством изменение субъектного состава правоотношения, при котором в порядке производного приобретения субъективных прав и (или) юридических обязанностей происходит их переход от одного лица (правопредшественника) к другому лицу (правопреемнику) в отношении одного и того же объекта правоотношения⁹. В данном определении правопреемство определяется как не запрещенное законодательством изменение субъектного состава, и оно не связывается с необходимостью обязательного установления в законе возможности правопреемства. Действительно, несмотря на отсутствие в действующем УПК РФ установленной возможности правопреемства юридического лица, практика нередко идет по пути допуска правопреемников в уголовный процесс, поскольку это не запрещено законом.

---

⁷ См.: Прошляков А. Д. Указ. соч. С. 207.

⁸ См.: Рогов Н. С. Участие юридических лиц в уголовном процессе в качестве потерпевшего // Евразийская адвокатура. 2016. № 4 (23). С. 52–53.

⁹ См.: Носов Д. В. Правопреемство : теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

Так, по уголовному делу, рассмотренному Октябрьским районным судом г. Саратова, в ходе предварительного расследования потерпевшим по уголовному делу было признано Управление Росреестра по Саратовской области, несмотря на то, что преступление было совершено в отношении его правопреемника – Управления Роснедвижимости по Саратовской области, которое впоследствии было реорганизовано в форме присоединения¹⁰. Правопреемство потерпевшего по данному уголовному делу представляется оправданным. Тем не менее в целях упорядочения правоприменительной практики, на наш взгляд, следует закрепить в УПК РФ необходимость допуска на всех стадиях уголовного судопроизводства правопреемника юридического лица, выступавшего в качестве потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика.

Не вполне оправданной представляется позиция С. А. Мельникова, который предлагает в случае реорганизации юридического лица использовать положения ГПК РФ о процессуальном правопреемстве¹¹. Но механическое перенесение норм из одной отрасли права в другую видится не вполне правильным ввиду различных сфер правового регулирования. В связи с этим более точной представляется позиция Н. С. Рогова¹² и М. Х. Абдрахманова¹³, предлагающих закрепить в УПК РФ возможность правопреемства юридического лица в уголовном процессе в случае его реорганизации.

Относительно возможности правопреемства юридических лиц в случае их ликвидации среди ученых также нет единого мнения. Н. С. Рогов, возражает против правопреемства ликвидированного юридического лица, поскольку это противоречит ст. 61 ГПК РФ, и возможные правопреемники (учредители, директор) получают выплаты, на которые они не имеют права¹⁴. Аналогичного мнения придерживается и И. В. Мисник, считая, что при ликвидации юридического лица, должно выноситься постановление о прекращении участия соответствующего юридического лица в качестве потерпевшего по уголовному делу¹⁵.

С. Р. Зеленин предлагает допускать в производство по уголовному делу учредителей юридического лица в случае его ликвидации, поскольку то, что имущество юридического лица при ликвидации распределяется между его учредителями, свидетельствует о причиненном им вреде¹⁶.

На наш взгляд, правопреемство в уголовном процессе ликвидированно-

¹⁰ См.: Уголовное дело № 1-39/2018 // Архив Октябрьского районного суда г. Саратова за 2018 г.

¹¹ См.: Мельников С. А. Представительство в современном российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 58.

¹² См.: Рогов Н. С. Указ. соч. С. 52–53.

¹³ См.: Абдрахманов М. Х. Процедура признания юридических лиц потерпевшими и гражданскими истцами в уголовном процессе // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 3. С. 105–108.

¹⁴ См.: Рогов Н. С. Указ. соч. С. 52–53.

¹⁵ См.: Мисник И. В. Участие потерпевших юридических лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2016. № 4 (34). С. 40–43.

¹⁶ См.: Зеленин С. Р. Когда учредитель ликвидированного юридического лица, признанного потерпевшим, может остаться в процессе // Уголовный процесс. 2011. № 7.

го юридического лица не может противоречить положениям ст. 61 ГПК РФ, поскольку речь в ней идет о гражданских правах и обязанностях. При этом правила замены различных субъектов процессуального правоотношения отличаются друг от друга, что связано с различным юридическим статусом соответствующих субъектов правоотношений, а также с предметом регулирования той или иной процессуальной отрасли¹⁷.

Справедливой представляется позиция С. Р. Зеленина, обратившего внимание на необходимость обеспечения прав учредителей юридического лица в случае его ликвидации. При этом следует отметить, что С. Р. Зеленин ведет речь не обо всех юридических лицах, а о тех, имущество которых распределяется между учредителями. К таковым относятся юридические лица, учредители которых сохранили корпоративные права на имущество юридических лиц: хозяйственные товарищества, общества, партнерства, кооперативы и т. д. Учредители иных юридических лиц, которые сохранили вещные права на имущество юридических лиц (государственные предприятия, муниципальные унитарные предприятия, учреждения), а также которые не имеют никаких прав на имущество юридических лиц (фонды, религиозные организации и т. д.), на наш взгляд, не должны участвовать в уголовном процессе в случае ликвидации юридических лиц в связи с тем, что учредителем первой группы является государство, а учредители второй группы не имеют никаких прав на имущество учрежденных юридических лиц.

Тем не менее полагаем, что учредители юридических лиц, имеющие корпоративные права на имущество учрежденного юридического лица, должны получить возможность участия в уголовном процессе в случае его ликвидации. И не только потому, что имущество ликвидированного юридического лица распределяется между учредителями, но и в связи с тем, что корпоративные отношения, по нашему мнению, являются особым видом имущественных прав, в основе которых лежит управление фактически общим имуществом.

Показательным является уголовное дело, рассмотренное Новосибирским районным судом. Общество с ограниченной ответственностью, являющееся потерпевшим по делу, в ходе рассмотрения уголовного дела в суде было ликвидировано, в связи с чем сторона защиты заявила ходатайство об освобождении от участия в деле представителя ликвидированного юридического лица, мотивируя свои требования тем, что ликвидация юридического лица в силу положений ст. 61 ГК РФ влечет прекращение прав и обязанностей без их перехода. При этом одновременно с ликвидацией юридического лица, являющегося потерпевшим, прекращаются все полномочия представителя потерпевшего, поскольку они производны от полномочий потерпевшего. Однако суд отклонил данное ходатайство и продолжил рассмотрение с участием представителя потерпевшего – ликвидированного юридического лица, обосновав свое решение тем, что в уголовном процессе неважно, существует ли на момент рассмотрения сам потерпевший – юридическое лицо, поскольку у него есть учредители, которым и был причинен вред¹⁸.

Представляется, что суд обоснованно пришел к выводу о необходимости защиты прав учредителей юридического лица, однако не вполне верно вы-

---

¹⁷ См.: Носов Д. В. О правопреемстве в процессуальном праве // Вестник Пермского ун-та. 2013. № 2 (20). С. 179–187.

¹⁸ См.: Уголовное дело № 1-3/2013 // Архив Новосибирского районного суда за 2013 г.

брал способ защиты их интересов, оставив в процессе представителя юридического лица, которое уже не существует. В связи с изложенным, на наш взгляд, в УПК РФ следует закрепить возможность вступления в уголовный процесс в качестве потерпевших учредителей юридических лиц, сохранивших на их имущество корпоративные права, в случае их ликвидации.

*Саратовская государственная юридическая академия
Комова Ю. В., ассистент кафедры уголовного процесса,
адвокат Адвокатской палаты Саратовской области*

*Saratov State Law Academy
Komova Yu. V., Assistant of the Criminal Process Department,
Lawyer of Lawyer Chamber of the Saratov Region
E-mail: komova-yulia@mail.ru*

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА ПУТЕМ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Исследуются проблемы правовой регламентации прекращения уголовного дела. С этой целью анализируется текст уголовно-процессуального закона, правовые позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, а также современные взгляды ученых-процессуалистов. Предлагается собственный подход к совершенствованию законодательства в указанной части и практики его применения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: прекращение уголовного дела, обеспечение прав личности, основания прекращения уголовного дела, принцип справедливости, принцип целесообразности, уголовно-правовой конфликт

THEORETICAL MODEL ALTERNATIVE RESOLUTION OF THE CRIMINAL-LEGAL CONFLICT BY THE TERMINATION CRIMINAL CASE

The article aims to identify the problems of legal regulation of the termination of a criminal case and to propose their solution. To this end, he studies the text of the criminal procedure law, analyzes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, as well as contemporary views of the procedural scientists. As a result of the study, a new, original approach to improving the legislation and practice of its application is proposed.

К е у w o r d s: termination of a criminal case, ensuring the rights of the individual, grounds for termination of a criminal case, the principle of justice, the principle of expediency, criminal-legal conflict

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

Преступление всегда порождает конфликт в обществе, который может быть разрешен при осуществлении правосудия по уголовным делам. Правовые реформы, направленные на формирование и укрепление демократических институтов, существенным образом затронули российский уголовный процесс. Современная уголовно-процессуальная политика ориентирована на гуманизацию законодательства, демократизацию мер борьбы с преступностью, обеспечение социальной справедливости. В таких условиях карательный (репрессивный) подход к решению проблемы преступности нуждается в переосмыслении, требуются справедливые и в то же время эффективные средства и механизмы разрешения социальных конфликтов, связанных с совершением преступления.

Развитие альтернативных форм реакции государства на совершенное преступление является приоритетным направлением в мировой юридической практике, а уголовная и уголовно-процессуальная политика в этом направлении становится наднациональной тенденцией. Закономерным шагом в этом

процессе стало принятие в 2001 г. УПК РФ, расширяющего диспозитивность и закрепляющего принцип состязательности как основу всей уголовно-процессуальной деятельности. Последовательная реализация основополагающих принципов уголовного судопроизводства, обеспечивающих защиту прав и свобод человека и гражданина, является приоритетным направлением развития уголовно-процессуальной политики на современном этапе¹.

В России таким альтернативным правовым средством разрешения уголовно-правового конфликта является процессуальный институт прекращения уголовного дела, что обусловливается важностью решения о прекращении уголовного дела, полностью завершающего производство, значимостью его материально-правовых и процессуальных последствий.

Уголовно-процессуальное право как составная часть российской правовой системы призвано устанавливать и поддерживать правовой порядок в обществе, содействовать развитию общества и личности. По мнению П. А. Лупинской, нельзя рассматривать уголовное судопроизводство только как деятельность, направленную на борьбу с преступностью, поскольку преступность – социальное явление. Преступность имеет различные причины и множество факторов, ее определяющих, а в уголовном судопроизводстве речь идет о конкретном преступлении и человеке, его совершившим².

Одним из ключевых аспектов этого является определение взаимоотношений личности, общества и государства, баланса частных и публичных интересов. Так, профессор А. А. Тарасов также справедливо отмечает, что «...уголовный процесс выступает правовой формой разрешения социального конфликта, возникшего в связи с совершением кем-либо уголовно наказуемого деяния, а назначение этой процедуры – придать цивилизованный характер отношениям, связанным с разрешением такого конфликта, защитив всех их участников от незаконных средств воздействия на них»³. Непосредственным назначением уголовного судопроизводства выступает защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Действующая модель института прекращения уголовного дела не в полной мере способна обеспечить реализацию указанных задач. Правоприменительная практика основное внимание уделяет направлению уголовного дела с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) прокурору, а прекращение уголовного дела оценивается как явление нежелательное. Прекращение уголовного дела в ходе расследования рассматривается в качестве свидетельства незаконности его

¹ См.: *Ермишина Н. С.* Европейские стандарты в области прав человека как фактор определения современных тенденций уголовно-процессуальной политики России // Юридическая наука и правоприменение (V Саратовские правовые чтения) : сб. тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 1–2 июня 2012 г.). Саратов, 2012. С. 170.

² См.: *Уголовно-процессуальное право РФ* : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 22–24.

³ *Тарасов А. А.* Антикоррупционный аспект проблемы защиты прав и свобод личности в уголовном процессе // Актуальные вопросы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве : межвуз. сб. науч. статей / отв. ред. В. М. Корнуков. Саратов, 2005. С. 25.

возбуждения, в то же время сокращение количества прекращенных уголовных дел и по реабилитирующим, и по нереабилитирующим основаниям воспринимается как повышение качества работы правоохранительных органов⁴. Решением о прекращении уголовного дела существенным образом затрагиваются права и законные интересы личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство. Интеграция Российской Федерации в мировое сообщество, ориентация на построение правового государства предполагают готовность к реформе всей правовой системы, в том числе к пересмотру некоторых уголовно-процессуальных институтов с позиции усиления гарантий обеспечения таких прав.

На пути формирования теоретической модели альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта путем прекращения уголовного дела, обладающей внутренней непротиворечивостью и отвечающей потребностям современной правоприменительной практики, необходимо предпринять несколько шагов, суть которых сводится к следующему.

Во-первых, необходимо обозначить правовую и социальную сущность института прекращения уголовного дела, а также его соотношение с назначением уголовного судопроизводства.

В качестве основной цели всей уголовно-процессуальной деятельности все чаще на страницах юридической литературы называется разрешение социального конфликта по поводу совершенного преступления и восстановление социальной справедливости⁵.

Прекращение уголовного дела представляет собой универсальное средство, призванное решать задачи как материального, так и процессуального характера. Институт прекращения уголовного дела, являясь составной частью уголовно-процессуального права, обеспечивает защиту прав личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство, служит своеобразным «правовым фильтром»⁶, который, с одной стороны, ограждает невиновных от незаконного уголовного преследования, а с другой – выступает поощрительной мерой, выраженной в отказе государства от реализации уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление. Правовая и социальная сущность института прекращения уголовного дела заключается в том, что он позволяет разрешить уголовно-правовой конфликт, возникший между личностью, обще-

---

⁴ См.: Доклад Ю. Я. Чайки на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 4 марта 2010 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-13702/>

⁵ См.: Михайловская И. Б. Социальное назначение уголовной юстиции // Государство и право. 2005. № 5. С. 114 ; Уголовно-процессуальное право РФ : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. С. 22–24 ; Тарасов А. А. Антикоррупционный аспект проблемы защиты прав и свобод личности в уголовном процессе. С. 25.

⁶ См.: Кабельников С. Н. Концептуальные основы прекращения уголовных дел и перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Новое в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве : основные тенденции и перспективы совершенствования : сб. науч. тр. Всерос. науч.- практ. конф., посвящ. 45-летию со дня образования Волгоградской академии МВД России (г. Волгоград, 31 мая – 1 июня 2012 г.) / отв. ред. В. И. Третьяков. Волгоград, 2013. С. 251–258.

ством и государством, без традиционной реакции государства на преступление (вынесение приговора суда) с высокой степенью эффективности.

Во-вторых, необходимо определить структуру теоретической модели альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта путем прекращения уголовного дела.

Институт прекращения уголовного дела обладает своими специфическими признаками и является межотраслевым. Рассматриваемый институт объединяет правовые нормы, регламентирующие различные составляющие (аспекты) прекращения уголовного дела: порядок процессуальной деятельности на этапе окончания предварительного расследования и в судебном разбирательстве; структуру и содержание процессуального акта о прекращении уголовного дела (уголовного преследования); права и обязанности участников уголовного судопроизводства, а также процессуальные гарантии их обеспечения.

В-третьих, необходимо раскрыть направления для дальнейшего совершенствования исследуемой теоретической модели разрешения уголовно-правового конфликта.

Основные преобразования института прекращения уголовного дела должны быть направлены на создание непротиворечивой системы оснований прекращения уголовного дела (преследования), адекватной данным основаниям процедуре принятия итогового решения, которая в полной мере соответствовала бы принципам уголовного судопроизводства. Кроме того, отдельное внимание следует уделить созданию комплекса процессуальных гарантий обеспечения прав личности и реализации назначения уголовного процесса.

Осознанию правоприменителем сущности института прекращения уголовного дела как законной и альтернативной формы окончания производства по делу, его дальнейшему развитию и эффективному функционированию может способствовать закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве ряда принципов-идей, сформулированных в теории уголовного процесса. Так, принцип целесообразности уголовного судопроизводства, под которым в демократическом уголовном процессе принято понимать предоставленное законом право выбора одного из нескольких предусмотренных законом вариантов разрешения уголовно-правового конфликта⁷, предполагает необходимость широкого применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, позволяющих снизить затраты государства, оптимизировать нагрузку на органы расследования и суда, направить сэкономленные средства на развитие правоохранительной и судебной системы. Еще И. Я. Фойницкий отмечал, что уголовный процесс как институт практической жизни «должен соотноситься с наличными средствами государства, и при построении его весьма важно соблюдать экономию времени, личных сил и денежных затрат»⁸. С. В. Бажанов предложил и обосновал целый комплекс мер по оптимизации расходов, направляемых на борьбу с преступностью. В их числе присут-

⁷ См.: Апостолова Н. Н. Принцип целесообразности (дискреционности) в современном российском уголовном процессе // Рос. юстиция. 2009. № 7. С. 46–49.

⁸ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 141.

ствовали и различного рода альтернативные формы ускоренного окончания процесса⁹.

Классическое понимание принципа справедливости в уголовном и уголовно-процессуальном праве не позволяет распространить его действие на иные, за исключением обвинительного приговора суда, процессуальные решения. Именно поэтому необходимо искать новые, более эффективные пути реализации этого принципа в рамках уголовного судопроизводства в целом и применительно к итоговому процессуальному решению о прекращении уголовного дела в частности¹⁰. В связи с этим представляется, что реализация в уголовно-процессуальном законодательстве принципа справедливости как отражение баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве позволяет (при определенной тяжести совершенного деяния, личности правонарушителя, его позитивного посткриминального поведения, заглаживание им вреда, возмещение причиненного ущерба) оценивать завершение расследования уголовного дела его прекращением как справедливую уголовно-процессуальную процедуру.

Данные принципы-идеи, а также действующие, закрепленные в законодательстве принципы-нормы (презумпция невиновности, разумные сроки уголовного судопроизводства, принцип состязательности, право на обжалование процессуальных действий и решений и др.) составляют теоретическую и законодательную основу модели альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта путем прекращения уголовного дела, включающую в себя:

- основания и соответствующие им процедуры прекращения уголовного дела;
- широкие процессуальные гарантии прав заинтересованных участников процесса, обеспечивающие им возможность отстаивать свои интересы при завершении производства по делу его прекращением;
- деятельность по проверке законности и обоснованности решения о прекращении уголовного дела.

Создание эффективного механизма разрешения уголовно-правового конфликта невозможно без уяснения сущности оснований прекращения уголовного дела в их связи с принципами уголовного судопроизводства. Для этого считаем необходимым прибегнуть к испытанному юридической наукой приему – классификации, которая является первым и чрезвычайно важным шагом исследователя всякой обширной и разнообразной группы явлений¹¹.

1. С точки зрения правовых последствий прекращения уголовного дела наибольшее значение имеет классификация оснований на *реабилитирующие*

---

⁹ См.: Бажанов С. В. Стоимость уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 429, 525.

¹⁰ См.: Макарова З. В. Принцип справедливости уголовного судопроизводства // Научные труды РАЮН. Вып. 5 : в 3 т. М., 2005. Т. 3. С. 141–144 ; Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство : международное и внутригосударственное правовое регулирование. М., 2005. С. 303 ; Аширова Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе. М., 2007. С. 65.

¹¹ См.: Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 5.

и *нереабилитирующие («Р» и «Н»)*. Однако при таком делении следует иметь в виду, что не все основания обладают должной четкостью и отсутствует единый критерий, позволяющий отнести их к одной из двух указанных групп. В рамках настоящего исследования под реабилитирующими будут пониматься те основания, которые согласно ч. 2 ст. 133 УПК РФ влекут возникновение права на реабилитацию¹².

2. В зависимости от наличия у должностного лица права или обязанности прекратить уголовное дело можно выделить *императивные и дискреционные («И» и «Д»)* основания прекращения уголовного дела¹³.

3. В зависимости от наличия взаимных уступок сторон основания прекращения уголовного дела можно разделить на *компромиссные (согласительные) и бескомпромиссные («К» и «Б»)*.

Классификация по указанным критериям позволила разделить все основания прекращения уголовного дела (преследования) на пять групп, три из которых выглядят вполне логичными (ординарными) и две группы оснований выпадают из общей схемы:

1. Императивные основания, не требующие наличия взаимных уступок сторон и влекущие возникновение права на реабилитацию (п. 1, 2, 5 ч. 1 ст. 24 и п. 1, 4, 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

2. Императивные основания, обусловленные наличием взаимных уступок сторон и не влекущие возникновение права на реабилитацию (п. 3, 5 ч. 1 ст. 24 и п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

3. Дискреционные основания, обусловленные наличием взаимных уступок сторон и не влекущие возникновение права на реабилитацию (ст. 25, 25.1, 28, 28.1 и 427 УПК РФ).

4. Императивные основания, обусловленные наличием взаимных уступок сторон и влекущие возникновение права на реабилитацию (п. 6 ч. 1 ст. 24 и п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

5. Императивные основания, не обусловленные наличием взаимных уступок сторон и не влекущие возникновение права на реабилитацию (ч. 2 ст. 24 и ч. 3 ст. 27 УПК РФ).

В соответствии с действующей правовой регламентацией каждая группа оснований прекращения уголовного дела (преследования) характеризуется

¹² В юридической литературе неоднократно указывалось на то, что для признания основания прекращения уголовного дела реабилитирующим необходимо наличие двух моментов: 1) вывода о непричастности лица к совершению преступления либо отсутствия самого преступления; 2) возникновение предусмотренного уголовно-процессуальным законом права на реабилитацию (см. об этом подробнее: *Хабарова Е. А.* Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям : система оснований и гарантии прав участников процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 12 ; *Сухарева Н. Д.* Прекращение уголовного преследования на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. С. 21–22 ; *Корнуков В. М.* Российский уголовный процесс. Вопросы Особенной части : курс лекций. Саратов, 2010. С. 90–91).

¹³ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 168 ; *Головкин Л. В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 267–274 ; *Васильева Е. Г.* Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. М., 2006. С. 90 ; *Ендальцева А. В.* Институт освобождения от уголовной ответственности. М., 2004. С. 64–65.

единым уровнем гарантий прав личности и общим механизмом принятия итогового решения.

Для эффективной реализации норм института прекращения уголовного дела целесообразно сохранить как самостоятельную третью группу оснований; объединить основания, входящие в первую и четвертую, а также основания, входящие во вторую и пятую группы, создав для каждой из трех сложившихся групп оснований различные, учитывающие их специфику, процедуры прекращения уголовного дела (преследования) и соответствующие им гарантии прав участников процесса.

Совершенствование норм данного института и повышение эффективности их применения предполагают усиление процессуальных гарантий прав участников предварительного расследования путем:

а) предварительного уведомления заинтересованных участников процесса о прекращении уголовного дела;

б) предоставления заинтересованным участникам процесса права на выражение мнения по существу принимаемого решения, которое может быть заявлено в различных формах (возражение либо согласие на прекращение уголовного дела; ходатайство перед судом или органом расследования о прекращении уголовного дела; приведение доводов «за» или «против» прекращения уголовного дела, которые могут быть учтены следователем, дознавателем или судом при вынесении итогового решения);

в) предоставления заинтересованным участникам процесса права на ознакомление с материалами прекращенного уголовного дела.

По результатам исследования необходимо сделать ряд выводов, которые тесно связаны с аргументами, приведенными в настоящей статье и одновременно выходящими за ее рамки, ориентируя на дальнейшее изучение данной проблемы наукой уголовного процесса, а также принятие необходимых мер в законодательной и правоприменительной практике.

Изучение вопросов прекращения уголовного дела с позиции его многоаспектности является обязательным условием правильного понимания содержания данного института, его правовой природы и назначения. Кроме того, можно сделать вывод о явной недостаточности и незавершенности правовой регламентации института прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права. Современная система оснований прекращения уголовного дела далека от совершенства. Деление всех, предусмотренных в законе, обстоятельств на основания прекращения уголовного дела (отказа в возбуждении уголовного дела) и основания прекращения уголовного преследования выглядит весьма условным и не отражает их правовой сущности.

Особо следует отметить высокую социальную ценность института прекращения уголовного дела, так как за каждым прекращенным уголовным делом стоит судьба отдельного человека – высшей ценности правового государства. Результатом применения такой альтернативной формы разрешения уголовно-правового конфликта является снижение социальной напряженности, максимально скорое восстановление нарушенных прав и интересов потерпевше-

го, экономия процессуальных средств. Необоснованное число барьеров для реализации процедуры прекращения уголовного дела создает опасность привлечения к уголовной ответственности лиц в тех случаях, где ее реализация невозможна или нецелесообразна. В то же время нельзя упрощать процессуальный порядок прекращения уголовного дела до такой степени, при которой данный институт перестанет выполнять свое назначение и создаст возможность для злоупотребления.

Саратовская государственная юридическая академия

***Лавнов М. А.**, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса*

Saratov State Law Academy

***Lavnov M. A.**, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: m-lavnov@rambler.ru*

ОТСУТСТВИЕ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА БЕЗ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ КАК ПРОБЕЛ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Статья посвящена пробелам в уголовно-процессуальном праве России, их классификационным основаниям и видам, а также анализу отдельно взятого пробела в регламентации порядка постановления обвинительного приговора без назначения наказания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: пробел в уголовно-процессуальном праве, классификация пробелов, обвинительный приговор, основания для постановления обвинительного приговора.

THE ABSENCE OF GROUNDS FOR CONVICTION WITHOUT PUNISHMENT – THE GAP IN THE CRIMINAL PROCEDURAL LAW

The article deals with the gaps in the Russian criminal procedural law, it's classification and types, and the analysis of a single gap in the regulation of the conviction without punishment's procedure.

К e y w o r d s: gap, classification of gaps, conviction, grounds for ruling of conviction.

Поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

Пробельность правового регулирования общественных отношений это естественное и неизбежное явление, которое обусловлено многообразием указанных отношений, плюрализмом алгоритмов и вариаций их развития. Очевидно, что законодатель не имеет реальной возможности предусмотреть все возможные сценарии поведения субъектов, вступающих в правоотношения. Нельзя однозначно утверждать только о вредных свойствах пробельности, это своего рода стимул и индикатор для законодателя при выборе им способа и направления правового регулирования, его совершенствования. Однако бесспорным является тот факт, что нередко пробелы в праве неминуемо приводят к ошибкам в правоприменении, к ущемлению прав и свобод граждан, а также интересов общества и государства.

Пробел в уголовно-процессуальном праве – это полное или частичное отсутствие нормативных предписаний, регламентирующих ту или иную часть деятельности участников уголовного судопроизводства, либо недостаточная определенность формулировок уголовно-процессуальных норм, не позволяющая однозначно толковать их содержание и единообразно применять при производстве по уголовным делам¹.

Классификация пробелов позволяет наглядно продемонстрировать их общие признаки, затронуть вопросы причин их появления и способов борьбы с

¹ См. подробнее: Овчинникова Н. О. Пробелы в уголовно-процессуальном праве России. М., 2018. С. 6–20.

ними. Все классификационные основания можно дифференцировать на общеправовые и специальные, т. е. характерные для конкретной отрасли права. Общеправовые классификации обусловлены тремя общенаучными подходами: широким, умеренным и узким.

Сторонники узкого подхода к понятию пробелов в праве выделяют мнимые и реальные пробелы. Под мнимыми пробелами понимаются ситуации, когда какой-либо сегмент общественных отношений находится за пределами правового регулирования, но, по мнению определенного круга лиц, нуждается в указанном регулировании. Реальным пробелом при таком подходе является полное или частичное отсутствие нормы права, регулирующей конкретные общественные отношения, находящиеся в сфере правового регулирования².

Еще одной разновидностью пробелов являются пробелы «коллизийные». Причина их возникновения – наличие «абсолютного противоречия» в нормах одного акта или противоречия в содержании норм разных нормативных актов. В результате того, что и те и другие нормы являются действующими, они обезличивают друг друга, образуя пробел в праве³. Противоречивые нормы не всегда образуют «коллизийный» пробел. Если поведение субъекта регулируется одновременно обязывающей и запрещающей нормами, то имеется больше оснований говорить о пробеле, чем в случае, если это действие регулируется обязывающей и управомочивающей нормами⁴.

Сторонники узкого подхода выделяют пробелы законодательные (которые целесообразно урегулировать новым законом) и технические (предполагающие, что конкретная ситуация в целом регулируется нормами права, но суду не даны все необходимые указания, как именно ее следует разрешить)⁵. Таким образом, речь идет о том, что пробелы, восполняемые в законодательном порядке, отличаются от пробелов, преодоление которых может быть осуществлено судом по аналогии. Вместе с тем под техническим пробелом понимаются также недостатки нормативно-правовых актов, связанные с несовершенством законодательной техники⁶.

В рамках расширительного понимания пробела в праве в качестве критериев классификации пробелов на виды называют: 1) содержание и структуру правового материала; 2) причины и время возникновения пробела; 3) отношение законодателя к пробелам и его вина в их появлении; 4) способы установления; 5) средства устранения⁷.

По хронологическому критерию принято делить пробелы на первоначальные и последующие⁸. Первоначальные пробелы появляются одновременно с

² См.: Рябова Д. Н. Пробелы в праве и способы их восполнения // Становление и развитие научных школ права в государственных университетах России : материалы Всерос. студ. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 29–30 апреля 1999 г.). СПб., 1999. Ч. 3.

³ См.: Уранский Ф. Р. К вопросу о понятии и видах пробелов в праве // Вестник Моск. ун-та. 2005. № 5. С. 111–121.

⁴ См.: Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 26.

⁵ См.: Акимов В. И. Виды пробелов права // Правовед. 2003. № 12. С. 70.

⁶ См.: Забигаило В. К. Проблема пробелов в праве в современной буржуазной юриспруденции // Советское государство и право. 1974. № 5. С. 116–121.

⁷ См.: Лазарев В. В. Указ. соч. С. 32.

⁸ См.: Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 258–259 ; Лазарев В. В. Указ. соч. С. 34 ;

изданием нормативно-правового акта. Последующие пробелы обнаруживаются после издания нормативного акта.

Специальные классификации наиболее полно раскрывают юридическую природу пробелов конкретной отрасли права, так как в качестве основного классификационного признака используется тот, который может выявить особенности, специфические черты пробелов, характерные именно для данной отрасли.

С этих позиций целесообразно обозначить следующие уголовно-процессуальные классификационные основания пробелов и соответствующие им виды пробелов.

По структуре УПК РФ можно выделить: пробелы в регламентации общих положений; пробелы в регламентации досудебного и судебного производства; пробелы в регламентации особого порядка уголовного судопроизводства; пробелы в регламентации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

В структуре уголовно-процессуальной нормы можно выделить: пробелы в гипотезе, пробелы в диспозиции и пробелы в санкции.

Кроме указанных оснований, пробелы в уголовно-процессуальном праве могут быть классифицированы в зависимости от полноты и точности правового регулирования применительно к регламентации правового статуса участников уголовного судопроизводства и к регламентации порядка уголовно-процессуальных производств⁹.

Пробелы в регламентации правового статуса участников уголовного судопроизводства в свою очередь можно дифференцировать на следующие группы:

- пробелы в регламентации правового статуса властных участников процесса;
- пробелы в регламентации правового статуса заинтересованных участников процесса;
- пробелы в регламентации правового статуса иных участников и лиц, которые участвуют в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, но не включены в законодательную классификацию участников процесса.

Пробелы в регламентации порядка уголовно-процессуальных производств могут быть также подразделены на группы:

- пробелы в регламентации общего порядка досудебного и судебного производства;
- пробелы в регламентации порядка дифференцированных досудебных производств (досудебное соглашение о сотрудничестве, производство дознания в сокращенной форме и др.);
- пробелы в регламентации порядка дифференцированных судебных производств (производство у мирового судьи, особый порядок судебного разбирательства, производство в суде с участием присяжных заседателей);

Михайловский И. В. Очерки философии права (цит. по: *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права : хрестоматия : учеб. пособие. М., 1998. С. 712).

⁹ См. подробнее: *Овчинникова Н. О.* Пробелы в уголовно-процессуальном праве России. М., 2018. С. 29–39.

– пробелы в регламентации порядка производства по отдельным категориям дел.

Кроме того, пробелы в уголовно-процессуальном праве могут быть классифицированы в зависимости от степени, полноты урегулированности общественных отношений, входящих в данную сферу правового регулирования, а также в зависимости от наличия альтернативы в выборе способа устранения или способа преодоления пробела.

В зависимости от степени урегулированности общественных отношений, входящих в сферу уголовно-процессуального регулирования, пробелы могут быть подразделены на следующие группы:

– сплошные (полное отсутствие нормативного регулирования, т. е. отсутствие нормы);

– сегментарные (частичное нормативное регулирование, т. е. неполнота нормы);

– полисемичные (неясность нормативного регулирования, т. е. неопределенность нормы, позволяющая неоднозначно толковать ее содержание).

В зависимости от наличия альтернативы в выборе способа устранения или способа преодоления пробелы могут быть подразделены:

– на альтернативные (пробел возможно устранить путем нормотворчества или преодолеть путем толкования или аналогии);

– безальтернативные (данный вид пробелов может быть только устранен путем нормотворчества).

Пробелы в регламентации правового статуса участников уголовного судопроизводства тесно взаимосвязаны с пробелами в регламентации порядка уголовно-процессуальных производств. Последние нередко представляют собой частные случаи пробелов в правовом статусе тех субъектов, которые принимают участие в осуществлении того или иного уголовно-процессуального производства.

Говоря о пробельности регламентации уголовно-процессуальных производств, следует прежде всего обратить внимание на производство в суде первой инстанции, а именно на неполноту правового регулирования порядка постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Отсутствие в законе оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания (ч. 5 ст. 302 УПК РФ) фактически лишает правоприменителя возможности использовать данную норму. При этом материальные основания для вынесения такого приговора в УК РФ также отсутствуют¹⁰.

В юридической литературе применение п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ в первую очередь связывают с реализацией ст. 80.1 УК РФ, т. е. с освобождением от наказания в связи с изменением обстановки, к которым относят утрату общественной опасности деяния или лицом, его совершившим. Такая точка зрения находила подтверждение в первоначальной редакции п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном пригово-

¹⁰ См.: Артеменко Н., Шимбарева Н. Уголовно-правовые аспекты вынесения судом обвинительного приговора без назначения наказания // Уголовное право. 2012. № 3. С. 105.

ре», где имелось прямое указание на данные обстоятельства. В тексте нового постановления¹¹ такого указания уже не содержится.

Вместе с тем ст. 80.1 УК РФ практически не применяется в связи с отсутствием детальной регламентации порядка освобождения от наказания по данному основанию в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве.

Следующее основание, с которым связывается возможность вынесения обвинительного приговора без назначения наказания, основано на положениях п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (в ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»¹², в котором обращается внимание на необходимость постановления указанного вида приговора в случае, если несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, освобождается от уголовного наказания и к нему должны быть применены принудительные меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ).

В доктрине уголовного процесса выделяются и другие основания для постановления судом обвинительного приговора без назначения наказания, среди которых:

- освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ);
- в случае смерти обвиняемого, если его родственники настаивали на рассмотрении уголовного дела судом, считая это необходимым для реабилитации умершего, а оснований для постановления судом оправдательного приговора так и не установлено¹³;
- применение акта амнистии;
- истечение сроков давности уголовного преследования.

Вместе с тем отсутствие в законодательстве оснований для принятия судом решения о вынесении приговора без назначения наказания вызывает не только теоретические вопросы, но и практические сложности. Судебная практика по применению п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ абсолютно не единообразна.

Так, в апелляционном определении Верховного Суда РФ от 22 марта 2016 г. по делу № 82-АПУ16-2¹⁴ и кассационном определении Верховного Суда РФ от 10 мая 2012 г. по делу № 66-О12-30¹⁵ сделана ссылка на названную норму закона с указанием на вынесение обвинительного приговора без назначения наказания в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Однако в обоих случаях суд одновременно с п. 3 ч. 5 применил и ч. 8 ст. 302 УПК РФ, в которой предусмотрено вынесение обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания.

---

¹¹ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Рос. газета. 2016. 7 дек.

¹² Рос. газета. 2011. 11 февр.

¹³ См.: Уголовный процесс России. Особенная часть / под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2005. С. 418–419.

¹⁴ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=459977#07107090392745479>

¹⁵ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=278999#01112329042793554>

Другим примером применения анализируемой нормы закона является изменение приговоров в апелляционной и кассационной инстанции в связи с ошибками, допущенными ранее судами первой и/или второй инстанции соответственно. Речь идет о назначении наказания в виде исправительных работ: если суд установил срок исполнения, но не указал, в каком размере необходимо производить удержания из заработка осужденного, то наказание считается фактически не назначенным, а из текста приговора подлежит исключению указание о назначении наказания¹⁶.

Не менее интересен случай из практики Красноярского краевого суда, который усмотрел основания для вынесения обвинительного приговора без назначения наказания ввиду того, что санкция статьи Особенной части УК РФ предусматривала либо те виды наказания, которые не могут быть применены к подсудимому (например, лишение свободы за совершение преступления небольшой тяжести при отсутствии судимостей и отягчающих обстоятельств), либо те, которые не применялись на момент совершения преступления и вынесения приговора¹⁷.

Безусловно, самым распространенным является постановление обвинительных приговоров без назначения наказания в отношении несовершеннолетних в силу применения к ним мер принудительного воспитательного воздействия. Хотя и здесь нет единства мнений¹⁸.

Представляется, что указанный пробел можно устранить только законодотворческим путем: либо внесением изменений в ст. 302 УПК РФ, закрепив в ней перечень оснований для вынесения обвинительного приговора без назначения наказания, либо полным исключением данного вида обвинительного приговора из текста закона. При этом в каждом случае вынесения обвинительного приговора наказание обязательно должно быть назначено, как того требует ст. 308 УПК РФ. После чего осужденный может быть освобожден от отбывания наказания, но не от его назначения.

¹⁶ Кассационное определение Московского городского суда от 19 декабря 2012 г. № 22-12607/2012. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RAMSMARB;n=865224#039497785971340416>

¹⁷ Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 23 апреля 2013 г. № 44у-280/2013. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOS-V;n=55251#07230119985309749>

¹⁸ См.: *Звечаровский И. Э.* Постановление обвинительного приговора без назначения наказания (ст. 92 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 2. С. 37.

Саратовская государственная юридическая академия
Овчинникова Н. О., кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy
Ovchinnikova N. O., Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the
Criminal Process Department
E-mail: natalya-afonina@list.ru

ПРАВООБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ СРОКОВ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ И ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Статья посвящена исследованию проблем процессуальных сроков, ограничивающих временную протяженность задержания, а также применения мер пресечения в отношении подозреваемого, и их роли в обеспечении прав личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: процессуальные сроки, задержание подозреваемого, подозрение, применение меры пресечения, права личности.

THE ROLE OF THE TERMS IN DETENTION AND ELECTION OF A MEASURE OF RESTRAINT AGAINST THE SUSPECT

The article is devoted to problems of procedural terms that limit the time length of application of detention and of measures of restraint against the suspect and their role in ensuring the rights of the individual.

К e y w o r d s: procedural terms, detention of the suspect, suspicion, application of a measure of restraint, the rights of the personality.

Поступила в редакцию 8 февраля 2019 г.

Задержание подозреваемого является одной из наиболее жестких мер уголовно-процессуального принуждения и представляет собой кратковременное лишение свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, путем помещения его под стражу в целях создания условий для проверки возникшего подозрения¹. Согласно ст. 22 Конституции РФ каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Данное право есть естественное, неотчуждаемое право человека и гражданина. Оно принадлежит ему от рождения, никем не даровано и может быть ограничено лишь в исключительных случаях только по решению суда и при наличии весомых оснований. В качестве оснований выступают фактические данные, позволяющие подозревать лицо в совершении преступления. В силу того что лицо задерживается лишь по подозрению в совершении преступления, эта мера процессуального принуждения применяется органом дознания, дознавателем или следователем на относительно короткий срок². Временная продолжительность задержания составляет не более 48 часов с момента фактического задержания (п. 11 ст. 5 УПК РФ).

Срок задержания определяется в законе часами. Началом исчисления 48-часового срока является момент его фактического течения. Оканчивается срок истечением последнего полного часа. В соответствии с общим предпи-

¹ См.: Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. С. 26.

² См.: Корнуков В. М., Куликов В. А., Манова Н. С. Принцип личной неприкосновенности и его реализация в российском досудебном производстве. Саратов, 2001. С. 93.

© Петрова Г. Б., 2019

санием при исчислении сроков часами принимается во внимание тот час, которым начинается течение срока (ст. 128 УПК РФ). На срок задержания не распространяется общее правило о переносе окончания последнего дня срока с нерабочего на первый следующий за ним рабочий день (ч. 2 ст. 128 УПК РФ). Следовательно, при исчислении срока задержания принимается в расчет и нерабочее время.

При задержании подозреваемого срок исчисляется с момента фактического задержания (п. 11 ст. 5 и ч. 3 ст. 128 УПК РФ), который законодатель определяет как момент производимого в установленном законом порядке фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 ст. 5 УПК РФ).

УПК РФ устанавливает предписание, согласно которому протокол задержания должен быть составлен в срок не более трех часов после доставления подозреваемого в орган дознания (ч. 1 ст. 92 УПК РФ). Введение подобного средства правового регулирования было достаточно обоснованным и объективно необходимым, так как, во-первых, составлением протокола оформляется решение о задержании, о чем ставится в известность задержанный; во-вторых, этим процессуальным документом юридически определяется появление в деле подозреваемого как участника уголовного судопроизводства с разъяснением ему всех прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. В целях обеспечения прав и законных интересов подозреваемого совершение этих действий после доставления лица в компетентные органы должно регулироваться посредством максимально сжатого срока, который осуществляет правовое воздействие на эту деятельность, конкретизируя ее временные условия³.

В протоколе задержания должны быть указаны не только дата и время составления протокола, но и время задержания лица (ч. 2 ст. 92 УПК РФ), под которым законодатель подразумевает время фактического задержания, т. е. фактического ограничения свободы передвижения лица. К сожалению, на практике очень часто в протоколе задержания реально не отражается время фактического задержания лица, что ведет к нарушению срока представления в суд ходатайства о применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу⁴. По этой причине судебные решения о заключении под стражу принимаются по истечении 48-часового срока с момента фактического задержания, т. е. являются незаконными. В этом отношении показательным является пример, приводимый В. А. Лазаревой: «Оперативные работники УВД г. Тольятти задержали Н. 16 сентября 2005 г. в 15 час 20 мин. Протокол его задержания был составлен 17 сентября 2005 г. в 18 час, т. е. с нарушением срока, предусмотренного ст. 92 УПК РФ. Ходатайство о применении к Н. меры пресечения – заключения под стражу поступило в суд 19 сентября 2005 г. в 15 час, т. е. спустя почти 72 часа с момента его фактического задержания в качестве подозреваемого. Несмотря на явное нарушение закона, прокурор ходатайство следователя поддержал, однако суд справедливо отказал в удовлетворении

³ См.: Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности / под ред. В. М. Корнукова. Саратов, 2006. С. 140.

⁴ См.: Лазарева В. А. Участие прокурора в уголовном процессе : учеб. и практикум для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 72.

ходатайства ввиду указанного выше нарушения, а впоследствии отклонил и кассационное представление прокурора»⁵.

В 95 % изученных нами уголовных дел дата и время составления протокола также совпадали с точностью до минуты с датой и временем фактического задержания лица⁶. На наш взгляд, таким образом отдельные практические работники «искусственно» сокращают реальное время задержания лица и, соответственно, исчисление 48-часового срока задержания производят с того времени, которое указано в протоколе задержания. Манипулирование временем реального задержания, как правильно было отмечено в литературе, может привести также к полному или частичному «блокированию» требований ч. 2 ст. 46 УПК РФ о том, что подозреваемый должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания⁷.

Сказанное свидетельствует, что на этапе реализации права не всегда происходит достижение целей правового регулирования, которые были заложены законодателем при регламентации срока задержания. Поэтому повышение эффективности этого правового средства невозможно без четкой организации процесса воплощения юридических предписаний в жизнь, без оптимизации правореализационного механизма. Для искоренения такой негативной практики, которая имеет место в том числе и из-за неправильного толкования положения закона о времени задержания, предлагаем четко закрепить в ч. 2 ст. 92 УПК РФ предписание о том, что в протоколе задержания должно быть указано время *фактического* задержания подозреваемого.

Истечение 48-часового срока задержания предусмотрено в гипотезе нормы права в качестве юридического факта, с возникновением которого наступают определенные правовые последствия. В соответствии с ч. 2 ст. 94 УПК РФ по истечении 48 часов с момента задержания подозреваемый подлежит освобождению. Правомерное лишение свободы продолжается в следующих случаях: 1) принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; 2) принятие судебного решения о продлении срока задержания, но не более чем на 72 часа (ч. 2 ст. 94; ч. 7 ст. 108 УПК РФ).

Продлевая срок задержания, судья, по сути, откладывает принятие окончательного решения по возбужденному перед ним ходатайству следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В качестве гарантии судебной защиты предусмотрено положение о том, что продление срока задержания допускается судом только при условии признания задержания законным и обоснованным на срок не более 72 часа с момента вынесения судебного решения. Эта норма соответствует ратифицированной Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая в п. 3 и 4 ст. 5 предусматривает право каждого задержанного на незамедлительное доставление к судье и на разбирательство, в ходе которого суд быстро решает вопрос о законности его задержания.

---

⁵ Лазарева В. А. Указ. соч. С. 72.

⁶ См.: Петрова Г. Б. Указ. соч. С. 142.

⁷ См.: Гриненко А. Разграничение фактического и уголовно-процессуального задержания // Уголовное право. 2002. № 3. С. 75.

Значение термина «незамедлительность» Конвенцией не определяется, поскольку официально разрешенные сроки этой процедуры различны в разных государствах. Из практики Европейского суда по правам человека следует, что он признает неудовлетворительным доставление задержанных к судье в течение 7–14 дней. В деле Бругмана срок 7 дней был признан чрезмерным; по другому делу срок 4 дня и 6 часов также был признан неудовлетворительным, по третьему делу срок 3,5 дня оказался приемлемым⁸. Европейский суд по правам человека считает, что «незамедлительность» в данной ситуации означает не более четырех дней⁹. В этом смысле предусмотренный Конституцией РФ (ст. 22) 48-часовой срок задержания до судебного решения является соответствующим общепризнанным нормам международного права¹⁰.

Решение о продлении срока задержания принимается судом по ходатайству одной из сторон для предоставления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ). В этом случае судья выносит постановление о продлении срока задержания и указывает дату и время, до которых он продлевает срок задержания (п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ). Истечение установленного судьей казуального срока задержания и непредставление в этот промежуток времени стороной дополнительных доказательств предусмотрено в механизме процессуального регулирования в качестве фактического состава (сложного юридического факта), наступление которого влечет за собой следующие правовые последствия: судья выносит постановление об отказе в удовлетворении ходатайства ввиду отсутствия основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В этом случае повторное обращение в суд с ходатайством о заключении под стражу того же лица возможно лишь при возникновении новых обстоятельств (ч. 9 ст. 108 УПК РФ).

Закон наделяет суд правом продлять срок задержания подозреваемого с 48 часов до 120. В связи с этим может возникнуть вопрос о соответствии ст. 22 Конституции РФ положений п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ в части возможности продления 48-часового срока задержания. Исходя из буквального толкования ч. 2 ст. 22 Конституции РФ можно сделать вывод о том, что в Основном законе речь идет об окончательном решении суда, т. е. об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или об отказе в этом. Между тем Конституция РФ (ч. 2 ст. 22) различает судебные решения об аресте, заключении под стражу и содержании под стражей. УПК раскрывает понятие «содержание под стражей», под которым понимается в том числе и пребывание лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, в следственном изоляторе (п. 42 ст. 5 УПК РФ). Следовательно, в Конституции РФ заложена возможность прод-

⁸ См.: Дженис М., Кей Р., Бредли Э. Европейское право в области прав человека. Практика и комментарии. М., 1997. С. 396–413.

⁹ См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. М., 1997. С. 35.

¹⁰ См.: Мизулина Е. Новый порядок ареста и задержания соответствует Конституции РФ и международным правовым стандартам // Рос. юстиция. 2002. № 6. С. 14–15.

ления 48-часового срока задержания по судебному решению. Такое толкование согласуется и с правовой позицией Конституционного Суда РФ¹¹.

Установление в механизме правового регулирования порядка, который увеличивает срок задержания с 48 часов до 120, в литературе оценивается как избыточное ограничение неприкосновенности личности и прав подозреваемого в уголовном судопроизводстве¹². Однако не следует забывать о сложной криминологической ситуации в нашей стране и проблеме терроризма, с которой столкнулось не только наше государство, но и весь мир. По делам сложным, связанным с организованной преступностью и терроризмом 48-часовой срок задержания, в течение которого необходимо собрать достаточное количество доказательств обоснованности заключения под стражу, многим ученым и практикам представляется нереальным¹³. Мы полностью согласны с этой точкой зрения, но одновременно разделяем и мнение И. Л. Петрухина, который считает, что меры, направленные против терроризма, необходимы, но они должны быть временными и связаны, прежде всего, с кадровой и технической оснащенностью оперативных и следственных органов, а не с сокращением объема уголовно-процессуальных гарантий¹⁴.

Не меньшую роль процессуальные сроки играют и при избрании меры пресечения в отношении подозреваемого. Меры пресечения представляют собой процессуальные средства принудительного характера, применяемые в строго установленном законом порядке дознавателем, следователем, а также судом в отношении обвиняемого, а в исключительных случаях – подозреваемого для обеспечения их явки в органы предварительного расследования и в суд, устранения возможных препятствий, возникающих в процессе производства по уголовному делу, в целях непосредственного обеспечения достижения назначения уголовного судопроизводства, а также исполнения приговора¹⁵.

Применение мер пресечения всегда связано с определенным ограничением прав личности на свободу и неприкосновенность¹⁶. Право на свободу явля-

---

¹¹ По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова : постановление Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 г. № 6-п // Рос. газета. 2002. 21 марта. По вопросу о юридической природе решений Конституционного Суда РФ см.: *Кудрявцева А. В.* Конституция РФ как источник уголовно-процессуального права России // Реализация положений Конституции Российской Федерации в законодательстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию Конституции Российской Федерации. Челябинск, 2003. Ч. 2. С. 251.

¹² См.: *Петрухин И. Л.* Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России // Государство и право. 2002. № 5. С. 20.

¹³ См.: *Бойков А.* Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. 2002. № 3. С. 65 ; *Его же.* Новый УПК Российской Федерации, его правовая и криминологическая характеристика : материалы науч.-практ. конф. «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9. С. 93.

¹⁴ См.: *Петрухин И. Л.* Указ. соч. С. 29.

¹⁵ См.: *Корнуков В. М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 20 ; *Михайлов В. А.* Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 19 ; *Манова Н. С., Францифоров Ю. В.* Уголовный процесс : учеб. пособие для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 60.

¹⁶ См.: *Корнуков В. М.* Указ. соч. С. 20 ; *Михайлов В. А.* Указ. соч. С. 19 ; *Александров А. С.*

ется основополагающим правом человека. Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях и в установленном законом порядке.

Ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей¹⁷. Такое ограничение является необходимым и оправданным в случаях предупреждения, предотвращения совершения подозреваемым противоправных и тому подобных действий, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Поэтому основное назначение мер пресечения – не допустить, чтобы подозреваемый скрылся от дознания, следствия или суда; продолжил заниматься преступной деятельностью; угрожал участникам процесса; уничтожил доказательства либо иным путем воспрепятствовал производству по делу; а также обеспечить исполнение приговора.

Исключительный характер избрания в отношении подозреваемого меры пресечения определяет необходимость регулирования времени ее применения посредством установления в норме права достаточно сжатого срока, продолжительность которого исчисляется сутками. Срок, исчисляемый сутками, также необходимо исчислять с момента начала их фактического течения. Однако истекают такие сроки в 24 часа последних суток (ч. 2 ст. 128 УПК РФ). Это означает, что не принимаются в расчет те часы, которыми заканчивается течение указанного срока. В случае избрания меры пресечения в отношении подозреваемого обвинение ему должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения (ч. 1 ст. 100 УПК РФ).

В литературе отмечается, что продолжительность заключения подозреваемого под стражу – 10 суток до момента предъявления обвинения – противоречит п. 3 ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике Европейского суда, который в ряде своих решений признал такой срок чрезмерным, затрудняющим реализацию права обвиняемого на защиту¹⁸. Однако при ратификации Европейской конвенции в 1998 г. Государственная Дума РФ сделала оговорку, что в России указанное положение Конвенции временно применяться не будет¹⁹.

Исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 100 УПК РФ избрание меры пресечения в отношении подозреваемого носит исключительный характер. Это определяет необходимость регулирования времени ее применения посредством установления в норме права достаточно сжатого срока, продолжительность которого исчисляется сутками. В случае избрания меры пресечения

Понятие и виды мер процессуального принуждения // Уголовный процесс : учеб. для бакалавров / отв. ред. А. П. Кругликов. М., 2015. С. 245.

¹⁷ О практике судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. от 24.05.2016) // Рос. газета. 2013. 27 дек.

¹⁸ См.: Дженис М., Кей Р., Бредли Э. Указ. соч. С. 396–404.

¹⁹ О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней : федер. закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Рос. газета. 1998. 7 апр.

в отношении подозреваемого обвинение ему должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения (ч. 1 ст. 100 УПК РФ).

Истечение 10-суточного срока и непредъявление обвинения предусмотрено в механизме регулирования в качестве сложного юридического факта (фактического состава), наступление которого влечет правопрекращающие последствия, поскольку мера пресечения немедленно должна быть отменена (ч. 1 ст. 100 УПК РФ).

Отмена меры пресечения влечет за собой потерю лицом, в отношении которого она была избрана, процессуального статуса подозреваемого. При этом, на наш взгляд, ст. 100 УПК РФ не допускает возможности неоднократного избрания и неоднократной отмены меры пресечения в отношении подозреваемого при наличии одних и тех же оснований. Тем не менее на практике встречаются случаи, когда мера пресечения в виде подписки о невыезде неоднократно избиралась следователем на 10 суток, по истечении этого времени – отменялась, а на одиннадцатые сутки избиралась вновь. Так продолжалось два с половиной года²⁰. В течение всего этого времени лицо находилось в статусе подозреваемого со всеми ограничениями, действовавшими в отношении его в результате избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде. Представляется, что подобные нарушения закона грубейшим образом нарушают права и свободы личности и основополагающие постулаты уголовного процесса.

Кроме того, ч. 2 ст. 100 УПК РФ закрепляет перечень составов преступлений, обвинение по которым должно быть предъявлено подозреваемому, в отношении которого избрана мера пресечения, не позднее 45 суток с момента ее применения; если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу – в тот же срок с момента задержания. Введение в 2004 г. данной нормы было обусловлено стремлением законодателя решить проблему расследования особо тяжких преступлений, таких как террористический акт, содействие террористической деятельности, захват заложника, организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем, бандитизм, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти и другие, указанные в ч. 2 ст. 100 УПК РФ²¹. Признавая существование данной проблемы, тем не менее, представляется, что способ ее решения, предложенный законодателем, не вполне правильный и соразмерный.

Целью регулятивного воздействия срока предъявления обвинения подозреваемому, в отношении которого избрана мера пресечения, является активизация работы компетентного обязанного субъекта по собиранию достаточного объема доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления. Эффективно регулировать «уголовно-процессуальные отношения, характеризующиеся возможностью ограничения конституционных прав и свобод лица, уличаемого в совершении преступления на основе ограниченно-

---

²⁰ См.: Уголовное дело № 500023. Находится в производстве следователя по ОВД СЧ ГСУ ГУ МВД РФ по Саратовской области.

²¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 22 апреля 2004 г. № 18-ФЗ // Рос. газета. 2004. 27 апр.

го объема доказательств»²² можно только посредством установления в законе достаточно короткого срока.

Увеличение времени предъявления обвинения подозреваемому в совершении даже одного из указанных в ч. 2 ст. 100 УПК РФ преступлений, на наш взгляд, приводит к нарушению прав и законных интересов лиц, появление которых, к сожалению, не обусловлено в действующем уголовно-процессуальном законе одним важным обстоятельством – наличием обоснованного подозрения, которое должно быть сформулировано в каком-либо процессуальном акте, например в постановлении о привлечении лица в качестве подозреваемого. Тем более, что Верховный Суд РФ абсолютно правильно требует при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу (а именно она чаще всего избирается в отношении подозреваемого) проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению²³. При этом обоснованное подозрение он связывает, по сути, с основаниями задержания (ст. 91 УПК РФ).

Однако представляется, что обоснованное подозрение может быть, если оно сформулировано в процессуальном решении. Как правильно было отмечено в литературе, процедура выдвижения подозрения должна быть направлена на достижение назначения уголовного судопроизводства²⁴. В этом отношении представляется весьма обоснованным предложение А. В. Калинкина о том, что при производстве предварительного расследования вынесение и объявление лицу уведомления о подозрении в совершении преступления должно стать основным способом вовлечения подозреваемого в уголовное судопроизводство, так как это позволяет четко отразить фактическое начало осуществления персонифицированного уголовного преследования и унифицировать процессуальный статус изобличаемого лица независимо от факта задержания лица или избрания меры пресечения²⁵.

Поэтому при отсутствии в действующей правовой регламентации уголовно-процессуального закона процессуального документа, оформляющего появление подозреваемого и обосновывающего само подозрение, применение в отношении подозреваемого любой меры пресечения, особенно в виде заключения под стражу, в течение 45 суток без предъявления обвинения, делает этот акт не соответствующим, на наш взгляд, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в которой закрепляется важное право каждого арестованного незамедлительно знать о причинах его ареста и о предъявленном ему обвинении. Норма ч. 2 ст. 100 УПК РФ не отвечает этому требованию.

К сожалению, данная норма изменялась законодателем в 2009, 2013 и 2016 гг., однако в сторону дополнения перечня составов преступлений и уве-

²² Курохтин А. А. Институт подозрения в уголовном процессе в свете судебной-правовой реформы // Российская юридическая доктрина в XXI веке : проблемы и пути их решения : науч.-практ. конф. (3–4 октября 2001 г.) / под ред. А. И. Демидова. Саратов, 2001. С. 119.

²³ О практике судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. от 24.05.2016) // Рос. газета. 2013. 27 дек.

²⁴ См.: Калинкин А. В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 8.

²⁵ См.: Там же. С. 11.

личения срока с 30 суток до 45. На наш взгляд, без изменения в УПК РФ самого института подозрения значительное увеличение времени применения меры пресечения в отношении подозреваемого без предъявления ему обвинения приводит к тому, что связанное с этим ущемление прав личности на свободу и неприкосновенность будет являться неоправданным и избыточным ограничением, приводящим в конечном счете к дисбалансу между такими целями уголовного судопроизводства, как раскрытие преступлений, защита прав потерпевших и обеспечение защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

Саратовская государственная юридическая академия

Петрова Г. Б., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy

Petrova G. D., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department

E-mail: petrova.gala2010@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ОСОБЫХ ПРОИЗВОДСТВ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие особые производства, обосновывается взаимосвязь между состязательным построением уголовного процесса и дифференциацией форм уголовного судопроизводства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: особое производство, состязательность, дифференциация форм уголовного судопроизводства.

OPPORTUNITIES FOR THE DEVELOPMENT OF SPECIAL PROCEDURE IN TERMS OF THE RUSSIAN MODEL ADVERSARIAL CRIMINAL PROCESS

The article analyzes the norms of criminal procedure legislation governing special proceedings, substantiates the relationship between the adversarial structure of the criminal process and the differentiation of forms of criminal proceedings.

К e y w o r d s: special proceedings, adversarial, differentiation of forms of criminal proceedings.

Поступила в редакцию 8 февраля 2019 г.

Совершенствование уголовного судопроизводства и приведение его в соответствие с международными стандартами является неотъемлемой частью проводимой в России с 1991 г. судебной реформы.

В постановлении Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР»¹ были заложены постулаты о законченности и неповоротливости досудебного производства по уголовным делам. Именно поэтому реформирование уголовного судопроизводства, по мнению разработчиков концепции, должно было начаться с реорганизации органов предварительного расследования, а также изменения компетенции следователей, руководителей следственного органа, дознавателей и прокурора. Незамедлительным результатом такого подхода стало упразднение следствия в органах государственной безопасности, введение обжалования действий следователя и прокурора в суд, лишение суда права на возбуждение уголовных дел.

Кроме того, авторы Концепции судебной реформы определили в качестве ее важнейших направлений организацию судопроизводства на основе принципа состязательности и дифференциацию его форм².

¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

² О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

На законодательном уровне принцип состязательности был закреплен в 1993 г., когда в принятой Конституции РФ в главе «Судебная власть» появилась ст. 123, гласящая, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Взяв за основу придание любому судебному процессу состязательного характера, законодатель закрепил данное понятие и в отраслевом законодательстве. Так, в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК) установлено, что «уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности». Исходя из указанных положений, а также п. 56 ч.1 ст. 5 УПК, где под уголовным судопроизводством понимается досудебное и судебное производство по уголовному делу, можно констатировать, что весь российский уголовный процесс изначально основан на принципе состязательности.

Применительно к уголовному судопроизводству принцип состязательности означает «строгое отграничение функции суда по разрешению дела от функций обвинения и защиты, каждая из которых возложена на определенных участников процесса», «недопустимость соединения различных процессуальных функций» судом (ст. 15 УПК).

Относительно дифференциации форм уголовного судопроизводства Конституция РФ содержит только положения о праве каждого гражданина на рассмотрение его дела судом присяжных (ст. 20, 47), а также об ограничении конституционных прав граждан только по судебному решению (ст. 22, 23, 25).

В отраслевом законодательстве требовалось закрепление таких форм уголовного судопроизводства, при которых соблюдался бы принцип состязательности. Как отмечает А. А. Козьявин, «традиционно считается, что возможны два направления дифференциации: упрощение и усложнение. Под усложнением понимается увеличение сроков производства по делу, введение дополнительных гарантий прав личности в зависимости от ее природных, социальных или профессиональных признаков, участие большего числа субъектов, принимающих решение, и их более высокое должностное положение, дополнительное санкционирование и т. д. При упрощении, соответственно, наоборот»³.

Так, с 1 июля 2002 г. в связи с началом действия нового Уголовно-процессуального кодекса в России наряду с ординарным порядком судопроизводства по уголовным делам был выделен особый порядок. При этом законодатель пошел по пути разделения особого порядка на две самостоятельные части: особый порядок судебного разбирательства (разделы X–XII УПК) и особый порядок уголовного судопроизводства (ч. 4 – разделы XVI–XVII УПК).

Одним из значимых результатов проводимой с 1991 г. судебной реформы стало введение в 1993 г. суда присяжных, который полноценно начал функционировать на всей территории России только с января 2010 г., и мировой юстиции, что максимально приблизило суд к населению и создало действенный механизм защиты прав личности, вовлекаемой в орбиту уголовного процесса.

И если производство у мирового судьи по делам частного обвинения, а с 7 января 2019 г. и производство в районных, городских судах по делам частно-

---

³ Козьявин А. А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и нравственная оценка ее сущности и эффективности // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 32–33.

го обвинения⁴ относятся к упрощенным производствам, поскольку по данной категории дел отсутствуют досудебные стадии, то производство в суде с участием присяжных заседателей, по делам несовершеннолетних, в отношении отдельных категорий лиц, указанных в ст. 447 УПК, а также по применению принудительных мер медицинского характера являются производствами с более сложными процессуальными формами⁵.

Независимо от формы судопроизводства по уголовному делу соблюдение принципа состязательности является превалирующим, поскольку даже при упрощенных производствах каждый из участников процесса исполняет отведенную ему роль: при особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением государственный обвинитель и потерпевший выражают свое согласие с позицией подсудимого, признавшего вину, а по делам частного обвинения именно потерпевший осуществляет уголовное преследование подсудимого, выступая в роли частного обвинителя. При этом в обоих случаях роль суда сводится к оценке доказательств, представленных стороной обвинения, принятию судебного решения и назначению справедливого наказания.

Несомненно, что свое реальное воплощение принцип состязательности обрел в суде присяжных, где стороны обвинения и защиты действительно доказывают виновность или невиновность лица перед присяжными заседателями, которые не обременены властными полномочиями, поэтому осуществляют именно функцию правосудия, профессиональному же судье отведена лишь роль арбитра, следящего за соблюдением процессуальных правил и принимающего решение на основе состоявшегося вердикта.

Присяжные заседатели, не облеченные властью и не обремененные юридическими знаниями, являются судьями факта и призваны принять справедливое решение на основании исследованных в суде доказательств. В связи с этим особое значение приобретает роль сторон в доказывании и, прежде всего, государственного обвинителя, на которого и возлагается обязанность по доказыванию виновности лица в совершении инкриминируемого преступления.

Суд присяжных существовал на территории Российской империи с 1864 по 1917 г., при этом имел как своих сторонников, так и противников. За указанный период судами присяжных было рассмотрено примерно 76 процентов всех уголовных дел⁶.

С момента возрождения в 1993 г. суда присяжных на территории всей России число дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей, к общему числу уголовных дел существенно уменьшилось. Так, в 1994 г. в России судом присяжных было рассмотрено 174 уголовных дела в отношении 241 человека, а в 1999 г. – уже 418 уголовных дел в отношении 880 человек. В 2003 г. с мо-

⁴ О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53 (ч. 1). Ст. 8435.

⁵ См. подробнее: *Якимович Ю. К., Пан Т. Д.* Судебное производство по УПК Российской Федерации. СПб., 2005. С. 21–29.

⁶ См.: *Специальный доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В. П. Лукина. Проблемы совершенствования деятельности суда присяжных в современной России // Безопасность Евразии. 2004. № 4. С. 238.*

мента введения суда присяжных на большей части территории России было окончено производством с участием суда присяжных 527 дел, из них с вынесением приговора – 496; осуждено 827 человек, оправдано 139⁷. За период с 2003 по 2017 г. данная статистика существенно не изменилась⁸.

О существенном снижении доли рассматриваемых судом присяжных дел свидетельствует то, что в некоторых регионах с участием присяжных заседателей рассматривается незначительное число дел. Например, за период с 1 января 2003 г. по 1 января 2012 г. Калужским областным судом с участием присяжных заседателей было рассмотрено 40 уголовных дел в отношении 80 лиц⁹, Верховным судом Республики Татарстан за тот же период с участием присяжных было рассмотрено 58 дел в отношении 270 обвиняемых¹⁰. В Пензенском областном суде в 2008 г. было рассмотрено 4 дела; в 2009 г. – 7 дел; в 2010 г. – 8 дел; в 2013 г. – 1 дело в отношении 1 обвиняемого; в 2014 г. было рассмотрено 2 уголовных дела в отношении 15 обвиняемых; в 2017 г. – 1 уголовное дело; в 2011, 2012, 2015, 2016 гг. с участием присяжных дела не рассматривались¹¹.

В 1993 г., вводя в качестве эксперимента суд присяжных в 9 субъектах РФ, законодатель пошел по пути возрождения модели, действовавшей в России с 1864 по 1917 г. За период «эксперимента» до повсеместного введения суда присяжных состав из одного председательствующего и 12 присяжных показал свою жизнеспособность. Однако из-за изменения подсудности права на суд присяжных лишились женщины, совершившие особо тяжкие преступления против жизни и здоровья, а также мужчины, достигшие 65-летнего возраста, и лица, совершившие покушение или приготовление к особо тяжкому преступлению против жизни и здоровья.

Согласно Федеральному закону от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»¹² с 1 июня 2018 г. коллегия присяжных в урезанном составе начала действовать не только в судах субъектов Федерации (8 человек), но и в районном (городском) суде (6 человек). При этом к подсудности суда присяжных в районном (городском) звене отнесены как составы, за которые невозможно назначить смертную казнь, так и ч. 1 ст. 105, ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Однако данные формы судопроизводства, в большей степени, ориентированы на защиту прав лиц, совершивших противоправные деяния, в то время

---

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2003–2017 годы // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 21.01.2019).

⁹ См.: Официальный сайт Кировского районного суда Калужской области. URL: http://kirovsky.klg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=27 (дата обращения: 08.03.2016).

¹⁰ См.: Официальный сайт Верховного суда Республики Татарстан. URL: http://vs.tat.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=440 (дата обращения: 08.03.2016).

¹¹ См.: Официальный сайт Пензенского областного суда. URL: <http://www.oblsud.penza.sudrf.ru> (дата обращения: 21.01.2019).

¹² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3859.

как потерпевшие продолжали годами ждать результатов судебных разбирательств.

Необходимость создания «простых процессуальных форм», позволяющих ускорить процесс судопроизводства и максимально быстро защитить потерпевшего и восстановить нарушенные права, потребовали от законодателя введения в июле 2009 г. института досудебного соглашения о сотрудничестве, а с 2013 г. – сокращенного дознания, характеризующегося упрощением процедуры собирания доказательств и составлением обвинительного постановления, с последующим рассмотрением уголовных дел в обоих случаях в особом порядке.

Применение последнего из указанных институтов соответствует принципу состязательности, поскольку в ходе судебного разбирательства позиция потерпевшего о рассмотрении дела в особом порядке также выясняется.

Однако институт досудебного соглашения о сотрудничестве выбивается из общей канвы, поскольку как заключение самого соглашения, так и рассмотрение дела в особом порядке проводятся без учета позиции потерпевшего. Кроме того, суду при рассмотрении уголовного дела приходится брать на себя не свойственные функции обвинения или защиты, поскольку квалификация совершенного деяния, как правило, дается завышенная и поэтому суду приходится давать оценку доказательствам, переходить в общий порядок и изменять обвинение в сторону, улучшающую положение подсудимого, т. е. выполнять функцию защиты. Напротив, при проверке выполнения условий досудебного соглашения суд обязан убедиться в том, что подсудимый действительно оказал содействие в раскрытии преступлений и изобличении других лиц, т. е. проверить обоснованность обвинения по другому делу.

Недостаточно четко решен вопрос и о моменте заключения соглашения о сотрудничестве. Если ч. 2 ст. 317.1 УПК предоставляет подозреваемому и обвиняемому право на заявление ходатайства в любой момент с начала уголовного преследования и до момента объявления об окончании предварительного расследования, то прокурор, удовлетворив такое ходатайство, составляет досудебное соглашение о сотрудничестве, в котором, наряду с другими данными, указывает «описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1–4 ч.1 ст.73 УПК» и квалификацию содеянного. Думается, что на момент начала предварительного расследования у следователя, а тем более прокурора, еще недостаточно сведений для составления столь подробного соглашения, которого стороны должны придерживаться до момента принятия судебного решения. Тем самым создаются предпосылки для злоупотреблений со стороны следователя.

У. Бернам в работе «Правовая система Соединенных Штатов Америки» указывает: «Многие прокуроры – для того, чтобы в процессе переговоров по поводу сделки о признании вины выступать уверенно – первоначально предъявляют обвиняемому максимально возможное число пунктов обвинения, которое можно сформулировать на основе имеющихся фактов. Это делается для того, чтобы в ходе переговоров с защитой по поводу сделки можно было бы отказаться от наиболее слабо обоснованных пунктов в виде уступки защите. В

случае если наиболее тяжкий пункт обвинения изначально не был предъявлен, то допускается даже, что прокурор может пригрозить предъявить более серьезное обвинение по сравнению с первоначальным с тем, чтобы «убедить» обвиняемого заявить о своей виновности»¹³.

Такие возможности следователя по формулированию обвинения с завышенной квалификацией, не подтвержденной доказательствами, очень напоминают репрессии 1937 г., когда под давлением обвинения в шпионаже лица шли на сотрудничество и изобличали своих родных, близких, коллег по работе, стремясь улучшить свое положение. Однако такое положение противоречит состязательному построению процесса, поскольку согласно ст. 6 УПК РФ в рамках уголовного судопроизводства не только защищаются права и интересы потерпевшего от преступления, но и обеспечивается защита личности от незаконного и необоснованного обвинения.

В связи с этим в ст. 21 и 317.3 УПК необходимо закрепить положение о возможности заключения соглашения о сотрудничестве только с обвиняемым и только после предъявления обвинения, а в ст. 317.4 УПК – невозможность изменения обвинения после подписания соглашения о сотрудничестве. При этом стороны окажутся в равном положении: прокурор не сможет изменить обвинение в сторону ухудшения, а обвиняемый, в свою очередь, будет защищен от произвола со стороны должностных лиц и сможет выполнять условия в рамках заключенного соглашения уже по предъявленному обвинению.

Таким образом, стремление ускорить предварительное следствие путем введения досудебного соглашения о сотрудничестве в результате усложнило данную форму досудебного производства, поскольку требуется выделение дела в отдельное производство и последующее рассмотрение основного дела в судебном разбирательстве, что не экономит судебные ресурсы, а, напротив, создает дополнительные препятствия.

Кроме того, для устранения каких-либо противоречий и сомнений при рассмотрении дела в суде с досудебным соглашением о сотрудничестве нередко возникающие проблемы в квалификации могут быть устранены только в общем порядке, что существенно увеличивает сроки судебного разбирательства, а также создает опасность для лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, поскольку может потребоваться допрос лиц, которых он изобличает.

Выходом из сложившейся ситуации будет изменение порядка заключения досудебного соглашения, поскольку его утверждение прокурором, т. е. стороной обвинения, выглядит нелогичным. Досудебное соглашение о сотрудничестве по своей природе является формой договора между двумя сторонами – обвинения и защиты, и его утверждение одной из сторон неправомерно. Поэтому и встречаются досудебные соглашения с завышенной квалификацией, с предъявлением обвинения по нераскрытым делам, по которым кроме признания вины данным лицом, других доказательств не добыто, так как прокурор заинтересован в результатах уголовного преследования как конкретного лица, так и раскрытии преступлений на подведомственной ему территории. В рамках гражданского и арбитражного судопроизводства нередко заключаются

---

¹³ Бернам У. Правовая система США. М., 2006. С. 467.

мировые соглашения, утверждаемые судом. Ни у кого не возникало даже мысли о том, что мировое соглашение должно утверждаться истцом.

По нашему мнению, досудебное соглашение о сотрудничестве в рамках судебного контроля в порядке, предусмотренном, например, ст. 125 УПК, должен согласовываться с судом, в который дело и будет направляться для рассмотрения по существу. Такой процессуальный порядок будет соответствовать принципу состязательности, обеспечит законность и обоснованность досудебного соглашения о сотрудничестве, которое в последующем будет иметь для суда первой инстанции преюдициальное значение и не потребует дополнительной проверки правильности квалификации действий подсудимого.

Таким образом, имплементация состязательных начал в уголовное судопроизводство России, являясь одним из основных направлений судебной реформы, безусловно, оказывает воздействие на дифференциацию форм как досудебного, так и судебного производства.

Конституция РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. В соответствии с требованиями ч. 1 ст. 47 Конституции РФ никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Однако не всегда конституционные положения находят свое воплощение в действующем отраслевом законодательстве.

Существующие в настоящее время изъятия из общего порядка судебного разбирательства, именуемые особым производством, четко регламентированы в Гражданском процессуальном и Арбитражном процессуальном кодексах РФ. Так, в ст. 262 ГПК РФ дается типология особых производств в зависимости от категории рассматриваемых дел, а в АПК РФ виды особых производств выделены в отдельный раздел IV, где также в основу деления положена градация дел по их категориям.

Модели закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве особых производств впервые были систематизированы в Книге третьей Устава уголовного судопроизводства 1864 г., которая содержала изъятия из общего порядка, касающиеся отдельных категорий преступлений:

– о преступлениях против веры и соединенных с нарушением церковных правил;

- преступления духовных лиц;
- государственных преступлениях;
- должностных преступлениях;
- преступлениях против имущества и доходов казны;
- преступлениях против общественного благоустройства и благочиния;
- по делам смешанной гражданской и военной подсудности¹⁴.

И. Я. Фойницкий, анализируя положения Устава уголовного судопроизводства и принятые в его развитие законодательные акты, кроме того, выделял три вида особых производств: заочное; ускоренное (судебные приказы); производство по несовершеннолетним¹⁵.

¹⁴ См.: Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 2.

¹⁵ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1915. Т. 2. С. 467–486.

В постановлении Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР»¹⁶ в качестве приоритетных направлений реформирования судебной системы указывались:

- максимальное приближение суда к населению, чтобы облегчить доступ граждан к правосудию путем введения мировой юстиции;
- обеспечение права каждого гражданина на рассмотрение его дела судом присяжных;
- использование простых процессуальных форм в низших звеньях судебной системы.

Помимо этого в концепции предлагось создать систему специализированных судов, к которым, наряду с конституционной и административной, отнести ювенальную юстицию.

Таким образом, авторы концепции 1991 г. фактически продолжили реформирование судебной системы, начатое в 1864 г., поскольку Устав уголовного судопроизводства содержал положения о порядке производства в мировых судебных установлениях и в общих судебных местах, где рассмотрение дел могло производиться с участием присяжных заседателей, если наказание за преступление было связано с лишением или ограничением прав состояния.

Несмотря на предпринимаемые меры по реформированию судебной системы, в том числе путем введения новых, не свойственных российскому законодательству, институтов, в частности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, до настоящего времени уголовно-процессуальное законодательство не содержит четкой систематизации особых производств. Отсутствие единообразия в разграничении форм особых производств приводит к невозможности их практического применения, создает огромное количество правовых казусов, которые скорее ограничивают право на выбор формы судопроизводства и не способствуют ускорению процесса.

В настоящее время сформировавшиеся модели особых производств, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве России, можно систематизировать в следующем порядке:

- особые формы предварительного расследования;
- особые формы судебного контроля на досудебных стадиях;
- особый порядок уголовного судопроизводства по отдельным категориям лиц;
- особые формы судебного разбирательства по отдельным категориям дел.

Данная классификация позволит в последующем системно вносить изменения в уголовно-процессуальное законодательство, дополняя его новыми процессуальными институтами. В свою очередь, каждая модель особого производства объединяет несколько уже существующих видов особых производств, которым присущи общие цели и задачи.

Особые формы предварительного расследования призваны упростить досудебное производство, в том числе путем максимального сокращения процедуры доказывания, и к ним в настоящее время необходимо относить сокращенное дознание.

---

¹⁶ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

Особые формы судебного контроля на досудебных стадиях необходимо подразделять на следующие виды:

- судебный порядок дачи разрешения на проведение следственных действий и применение мер процессуального принуждения, связанных с ограничением конституционных прав граждан;
- судебный порядок избрания и изменения меры пресечения, продления срока применения меры пресечения, а также помещения лица в медицинский или психиатрический стационар для производства экспертизы;
- судебный порядок обжалования действий и бездействий должностных лиц правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование.

Определяя **особую процедуру при производстве по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц**, законодатель положил в основу процессуальный статус лица в уголовном судопроизводстве:

- наличие процессуального иммунитета при возбуждении уголовного дела и применении меры пресечения;
- невменяемость лица, совершившего общественно опасное деяние;
- несовершеннолетие лица, совершившего преступление.

К особым формам судебного разбирательства по отдельным категориям дел относятся:

- производство по делам частного обвинения;
- производство в суде с участием присяжных заседателей;
- особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Однако в настоящее время законодательные инициативы стали носить бессистемный и хаотичный характер, о чем может свидетельствовать введение с 3 июля 2016 г. нового уголовно-процессуального института прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Уже на протяжении двух десятилетий в сфере развития судебной системы предлагается подготовить изменения в законодательные акты Российской Федерации, разрешающие медиативные процедуры на досудебных стадиях по аналогии с существующими зарубежными процессуальными институтами. Термин «развитие судебной системы» подразумевает увеличение, улучшение работы судебных органов, в нашем же случае мы видим сокращение применения процессуального института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, который рассматривается как аналог медиации в его простейшей форме¹⁷. Возможно, это реакция судебной практики на увеличение числа преступлений небольшой и средней тяжести, совершаемых, как правило, лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности и освобожденными от нее по нереабилитирующим основаниям.

Таким институтом должен стать институт освобождения от уголовной ответственности с применением судебного штрафа.

¹⁷ См.: Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2000. С. 514.

Указанный институт по своим характерным чертам: наличие ходатайства следователя, рассмотрение ходатайства судом в ходе досудебного производства, применение судебного штрафа, не являющегося наказанием, необходимо относить к особым формам судебного контроля с закреплением в разделе VIII «Предварительное расследование», выделив в главу 29.1 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа», а не в разделе XVI «Особенности производства по отдельным категориям дел».

Кроме того, закрепление законодателем данного института в ч. 4 УПК РФ «Особый порядок уголовного судопроизводства» выглядит нелогично, поскольку право суда на освобождение от уголовной ответственности не может являться особой формой судопроизводства, так как лицо в этом случае не обладает особым процессуальным статусом, а сама процедура рассмотрения дела не отличается от ординарного судопроизводства, за исключением рассмотрения ходатайства следователя на досудебной стадии¹⁸.

Существование отдельных противоречий в применении особого порядка, невозможность применения особого порядка в отношении всех лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, требует дальнейшей дифференциации самих особых производств для обеспечения права на доступ к правосудию независимо от социального статуса или процессуального положения.

Так, исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм УПК РФ» (абзац 4 п. 28)¹⁹ и от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (п.7)²⁰ особый порядок судебного разбирательства не может применяться в отношении несовершеннолетних. Тем самым несовершеннолетние лишены каких-либо привилегий, предусмотренных ст. 62 УК РФ и 316 УПК РФ в части снижения срока наказания и сокращенного порядка судебного разбирательства. Ссылка в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм УПК РФ» на необходимость установления условий жизни несовершеннолетнего, воспитания, уровня психического развития, особенностей личности подсудимого, влияния на него старших по возрасту лиц не должна препятствовать особому порядку судебного разбирательства, поскольку согласно ч. 5 ст. 316 УПК судом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Кроме того, учитывая указанные разъяснения, несовершеннолетний лишается автоматически и права заявлять ходатайство о заключении соглашения о сотрудничестве, предусмотренного ст. 317.1 УПК. Несомненно, в этом случае ухудшается положение несовершеннолетнего правонарушителя, который, имея желание оказать содействие следствию, при этом не может воспользоваться процессуальными привилегиями. В свою очередь, на лиц, перечислен-

---

¹⁸ См. подробнее: *Погодин С. Б.* Релевантность решения суда о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон и с назначением судебного штрафа // Рос. юстиция. 2018. № 3. С. 32–35.

¹⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

²⁰ См.: Рос. газета. 2006. 20 дек.

ных в ч.1 ст. 447 УПК, совершающих иногда более тяжкие преступления, такие ограничения не распространяются, они вправе и заявить ходатайство об особом порядке, и заключить досудебное соглашение о сотрудничестве. Лишение несовершеннолетнего реальной возможности сократить грядущее наказание наполовину существенно нарушает закрепленные в Конституции РФ уголовно-правовой принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) и уголовно-процессуальный принцип состязательности (ст. 15 УПК).

В связи с введением с 15 марта 2013 г. сокращенного дознания законодатель в ст. 226.2 УПК РФ закрепил обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, конкретизировав, что данная форма дознания не применима в отношении несовершеннолетних подозреваемых, при применении принудительных мер медицинского характера и при производстве в отношении отдельных категорий лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ. Тем самым нашла свое законодательное воплощение позиция, выраженная в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Однако аналогичных изменений в главы 40 и 40.1 УПК РФ внесено не было, в связи с этим вопрос о применимости положений об особом порядке судебного разбирательства требует дальнейшего детального рассмотрения.

Саратовская государственная юридическая академия

***Погодин С. Б.**, кандидат юридических наук,
докторант кафедры уголовного процесса,
судья Первомайского районного суда г. Пензы*

Saratov State Law Academy

***Pogodin S. B.**, Candidate of Legal Sciences, Doctoral Candidate of the Criminal Process Department, Judge of the Pervomaisky District Court of Penza
E-mail: sbpogodin@rambler.ru*

СИСТЕМА ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Рассматривается система государственных органов исполнительной власти, относящихся в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством к органам дознания, и взаимосвязь осуществляемой ими уголовно-процессуальной деятельности с особенностями их организационной структуры и правовой регламентации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: органы дознания, начальник органа дознания, дознаватель, уголовное преследование, правовая регламентация.

SYSTEM OF ORGANS OF INQUISITION: FEATURES OF A LEGAL REGULATION

In article the system of the public authorities of the executive authority relating according to the criminal procedure legislation to organs of inquisition and interrelation of the criminal procedure activity which is carried out by them from feature of their organizational structure and a legal regulation is considered

К e y w o r d s: organs of inquisition , chief of organ of inquisition, investigator, criminal prosecution, legal regulation.

Поступила в редакцию 8 февраля 2019 г.

Органы дознания в сфере уголовного судопроизводства осуществляют расследование в форме дознания в порядке, установленном главами 32, 32.1 УПК РФ; проводят неотложные следственные действия по уголовным делам, по которым обязательно предварительное следствие (ст. 157 УПК РФ), а также выполняют поручения следователя о проведении следственных и оперативно-розыскных мероприятий по делам, находящимся в его производстве.

В соответствии с ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания относятся: органы внутренних дел, органы Федеральной службы судебных приставов, органы государственного пожарного надзора, начальников органов военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов.

Кроме того, п. 1 ч. 1 данной статьи УПК РФ при обозначении принадлежности органов исполнительной власти к органам дознания отсылает нас к закону об оперативно-розыскной деятельности, указывая, что к органам дознания относятся: иные органы, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. В соответствии со ст. 13 этого нормативного акта, число органов дознания возрастает за счет: органов Федеральной службы безопасности, Федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны, таможенных

органов Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний¹.

В законе под «органом дознания» понимается не одно лицо, а коллектив подчиненных по службе должностных лиц, которые имеют отношение к расследованию уголовных дел во главе с начальником органа дознания. Надо отметить, что органами внутренних дел расследуется подавляющее большинство уголовных дел в форме дознания (ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 УПК РФ). Руководитель органа внутренних дел по процессуальному статусу является начальником органа дознания², а также его заместитель. В органах внутренних дел функции по расследованию преступлений в форме дознания преимущественно выполняют сотрудники подразделений организации дознания – дознаватели. Подразделения специализированного дознания были созданы в октябре 1992 г.³ в МВД России. Они представляли собой лишь структурные подразделения милиции, в то время как ст. 40 УПК РФ органом дознания называет органы внутренних дел, а не их отдельное подразделение.

Содержание понятий «дознаватель», «начальник подразделения дознания» и «начальник органа дознания» (ст. 5 УПК РФ) непосредственно связано с понятием органа дознания. При этом в законе ничего не говорится о подразделениях дознания. В связи с этим представляется вполне обоснованным предложение, высказанное Н. С. Мановой, об изменении терминологии закона, замене понятия «органы дознания» на понятие «органы, на которые возложено производство дознания», т. е. для осуществления той уголовно-процессуальной деятельности, которую уголовно-процессуальный закон называет дознанием, для расследования в форме дознания⁴. Действительно, такое уточнение может решить проблему неопределенности в компетенции соответствующих правоохранительных органов и должностных лиц.

Необходимость внесения корректировки в понятийный аппарат, связанный с характеристикой процессуальной деятельности органов дознания отчетливо прослеживается при анализе регламентации полномочий органов дознания органов исполнительной власти, указанных в уголовно-процессуальном законе (ч. 1 ст. 40, ч. 3 ст. 151) и их должностных лиц.

Критерии принадлежности органов исполнительной власти к органам дознания неоднократно уточнялись и конкретизировались федеральным законодательством⁵.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: п. 4 ст. 1 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в ред. от 03.08.2018) «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О мерах по укреплению подразделений дознания и совершенствованию раскрытия преступлений, по которым предварительное следствие не обязательно : приказ МВД России от 16 октября 1992 г. № 368. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Манова Н. С. Предварительное и судебное производство : дифференциация форм. М., 2004. С. 81.

⁵ О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, УПК РФ 2001 г. в систему органов дознания включил новый орган дознания – Главного судебного пристава Российской Федерации. В 2009 г. орган дознания стал именоваться: Федеральная служба судебных приставов (далее – ФССП)⁶. Правовой основой осуществления ею уголовно-процессуальной деятельности как органа дознания, помимо Конституции РФ, УПК РФ, УК РФ, является Федеральный закон «О судебных приставах»⁷. Статья 1 данного правового акта одной из задач, стоящих перед этой службой, называет «исполнение законодательства об уголовном судопроизводстве по делам, отнесенным уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации к подследственности федерального органа исполнительной власти по обеспечению установленного порядка деятельности судов и исполнению судебных актов и актов других органов (далее – Федеральная служба судебных приставов)». Эта служба входит в структуру Министерства юстиции Российской Федерации, которое осуществляет контрольные и координирующие функции за деятельностью Федеральной службы судебных приставов (п. 1 в ред. Федерального закона от 29 июня 2004 г. № 58-ФЗ). Отдельным нормативным актом, выделяются полномочия ФССП по осуществлению дознания по уголовным делам и производству по делам об административных правонарушениях в пределах своей компетенции⁸.

В системе ФССП в наименовании занимаемых должностей сотрудников используются слова «судебный пристав» или «пристав», а также словосочетания, образованные на их основе⁹ (ст. 2.1 Федерального закона «О судебных приставах»). Соответственно, должностные лица, осуществляющие расследование уголовных дел, входящих в компетенцию ФССП, именуются судебный пристав (дознаватель), главный специалист-эксперт (дознаватель); ведущий специалист-эксперт (дознаватель)¹⁰. С точки зрения уголовно-процессуального статуса они являются дознавателями (ст. 41 УПК РФ)¹¹. Они функционируют в структуре подразделений по организации дознания в ФССП. В региональных подразделениях такие образования возглавляет руководитель отдела организации дознания в ФССП, по процессуальному статусу – начальник подразделения дознания (ст. 40.1 УПК РФ). Начальником органа дознания (ст. 40.2 УПК РФ) в рассматриваемом ведомстве является Главный судебный пристав (Россий-

---

⁶ О внесении изменений в статьи 40 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 1 марта 2009 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О судебных приставах : федер. закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (в ред. от 29.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Пункт 2.1 раздела II Положения о Федеральной службе судебных приставов : введен Указом Президента РФ от 23 сентября 2011 г. № 1240 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе судебных приставов». URL: <http://base.garant.ru/12189918/#ixzz5c234xsqe>

⁹ См.: Статья 2.1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» (в ред. от 29.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Об организации дознания в Федеральной службе судебных приставов : приказ Федеральной службы судебных приставов от 10 апреля 2015 г. № 232. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Там же. Ст. 10.

ской Федерации, субъектов РФ), а также его заместитель, координирующий процессуальную деятельность ведомства¹². Он же по занимаемой должности в соответствии с Указом Президента РФ «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» в ФССП России является директором – Главным судебным приставом РФ, назначенным Президентом РФ. На местах процессуальные функции начальника органа дознания выполняют старшие судебные приставы¹³.

При реализации дознания по уголовным делам в ФССП имеется ряд особенностей, на которые следует обратить внимание. Во-первых, это недостаточная конкретизация должностного положения дознавателей. Представляется целесообразным ввести в ведомственные нормативные акты понятие пристава-дознавателя.

Во-вторых, уголовно-процессуальная деятельность подразделений по организации дознания вытекает из основных функций службы в целом. К подследственности дознавателей ФССП относятся семь составов преступлений, регламентированных уголовным законодательством. Пять из них – это преступления против правосудия (ст. 294, 297; ч. 1 ст. 311; ст. 312, 315 УК РФ), ст. 177 УК РФ относится к преступлениям в сфере экономической деятельности, ст. 157 УК РФ предусматривает ответственность за преступления, которые посягают на общественные отношения, складывающиеся при реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Особенностью принятия решения о возбуждении уголовного дела является прямая зависимость от добросовестного, качественного выполнения своих должностных обязанностей сотрудниками других подразделений службы, не занимающихся уголовно-процессуальной деятельностью, – судебных приставов-исполнителей и приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов. При этом никакой заинтересованности в части выявления признаков составов ст. 157, 177, 312, 315 УК РФ у них нет. Такая деятельность не входит в их функциональные обязанности. Соответственно, результативность деятельности подразделений дознания службы основывается только на элементах внутреннего взаимодействия служб ФССП. Такая же ситуация и с сотрудниками (приставами) по обеспечению установленного порядка деятельности судов. От их активности по применению мер административного характера зависит выявление преступлений, предусмотренных ст. 294, 297, 311 УК РФ.

При этом обязанность по выявлению преступлений, относящихся к подследственности ФССП, лежит на дознавателях, которые могут ее реализовать, только изучая исполнительные производства, находящиеся в производстве указанных выше сотрудников ФССП (судебных приставов-исполнителей) исключительно по своей инициативе. От такой обязанности освобождены все

¹² См.: Статьи 4, 8, 9 приказа Федеральной службы судебных приставов от 6 декабря 2010 г. № 677 «О совершенствовании деятельности Федеральной службы судебных приставов по производству предварительного расследования в форме дознания» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2011. № 3. С. 26.

¹³ См.: Статья 10 приказа Федеральной службы судебных приставов от 10 апреля 2015 г. № 232 «Об организации дознания в Федеральной службе судебных приставов». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

остальные сотрудники ведомства. Соответственно, на ведомственном уровне необходимы корректировки функциональных обязанностей сотрудников различных подразделений ФССП для эффективного и не конфликтного взаимодействия с дознавателями по выявлению составов преступлений и осуществлению уголовно-процессуальной деятельности в рассматриваемом органе дознания.

В-третьих, в ФССП деятельность органа дознания, регламентированная в п. 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ (выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно), не осуществляется в связи с отсутствием в их структуре следственного аппарата. Ведомственными нормативными актами определены лишь уголовно-процессуальная деятельность по производству доследственной проверки сообщений о преступлениях, в соответствии со своей подследственностью, и расследование уголовных дел в форме дознания.

Конечно же, требует решения проблема наделения ФССП статусом правоохранительного органа, который до настоящего времени не закреплен за этой службой, несмотря на очевидные признаки, которые позволяют это сделать и считать ее таковой.

На указанные выше проблемы функционирования подразделений по организации дознания в Федеральной службе судебных приставов указывают многие авторы¹⁴, предложения которых заслуживают внимания, а их реализация будет способствовать решению проблем в рассматриваемом ведомстве, а в конечном итоге реализации положений ст. 6 УПК РФ.

В процессе реформирования правоохранительной системы исполнительных органов государственной власти появился ранее не известный российской государственности орган – военная полиция. В связи с этим в 2014 г. п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ был дополнен новым органом дознания – начальником органов военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации¹⁵. Правовой основой уголовно-процессуальной деятельности нового органа дознания являются Конституция РФ, указы Президента РФ¹⁶, УПК РФ, УК РФ, федеральные законы от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» и другие нормативные акты.

Реальный процесс создания военной полиции начался в декабре 2011 г., когда в системе Министерства обороны Российской Федерации на основе ве-

---

¹⁴ См.: *Зиборова О. С.* Институт дознания судебных приставов : отечественная модель : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2006. С. 28 ; *Тютин Н. В.* Полномочия начальника органа дознания в системе Федеральной службы судебных приставов // *Известия Оренбургского гос. аграрного ун-та.* 2013. Вып. 5. С. 74 ; *Виниченко А. М.* Организационно-правовая модель процессуальной деятельности органов дознания Федеральной службы судебных приставов // *Вестник Российской правовой академии.* 2011. № 4. С. 49–51.

¹⁵ Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 23 октября 2014 г. № 150 (ред. от 20.07.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : указ Президента РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

домственных актов было образовано Главное управление военной полиции. Целью его создания явилась организация и практическая реализация идеи о формировании и функционировании военной полиции в России, возникшей еще в 2006 г. как структуры, на которую предполагалось возложить обязанности по контролю над работой вооруженных сил страны. В числе основных направлений деятельности данного образования указана и функция по реализации отдельных полномочий Минобороны России по обеспечению укрепления правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных силах Российской Федерации.

Следующим шагом в становлении нового правоохранительного органа стала регламентация его основных функций как органа дознания в Уставе военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации¹⁷. Этот документ определяет основные направления деятельности, функции, полномочия и организацию службы военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации (далее – военная полиция), применение военной полицией некоторых мер государственного принуждения, права и обязанности должностных лиц военной полиции¹⁸. Субъекты, на которых распространяется действие указанных нормативных актов – это военнослужащие Вооруженных сил Российской Федерации, граждане, проходящие военные сборы в Вооруженных силах Российской Федерации (далее – военнослужащие), и лица гражданского персонала Вооруженных сил Российской Федерации в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или находящиеся в расположении воинской части, соединения, учреждения, гарнизона (далее – лица гражданского персонала)¹⁹.

Функцию уголовного преследования непосредственно выполняют сотрудники военной комендатуры²⁰. Должностные лица военной комендатуры, назначенные в установленном порядке для выполнения обязанностей по обеспечению правопорядка, воинской дисциплины и противодействию преступности среди военнослужащих, реализуют функцию уголовного преследования. Из их состава формируются такие специфические структуры, как «наряд военной комендатуры» и «наряд патрульной службы».

Уголовно-процессуальная деятельность данного органа дознания протекает в рамках патрульной службы, т. е. «деятельности должностных лиц военной полиции и воинских частей, включающая в себя комплекс мероприятий по обеспечению правопорядка, воинской дисциплины и противодействию преступности среди военнослужащих, а в предусмотренных настоящим уставом случаях – среди лиц гражданского персонала и иных лиц» (в ред. Указа Президента РФ от 16.05.2017 № 210) в районе ответственности территориального органа военной полиции.

Руководит военной полицией министр обороны Российской Федерации. Начальник центрального органа военной полиции осуществляет управле-

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Статья 1 Указа Президента РФ от 16 мая 2017 г. № 210 (в ред. от 24.10.2018) «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ Там же. Ст. 3.

²⁰ Там же. Ст. 1.

ние органами, воинскими частями и подразделениями военной полиции в соответствии с перечнем, утверждаемым министром обороны Российской Федерации. Соответственно эти должностные лица при решении вопросов уголовно-процессуального характера являются начальниками органа дознания. Осуществление полномочий органа дознания в Вооруженных силах закреплено в числе основных направлений деятельности военной полиции (п. 2 раздела 19 Устава). Штатных дознавателей в указанном ведомстве пока не предусмотрено. Существует проект федерального закона о военной полиции, который в перспективе может решить многие вопросы, связанные с функционированием, в частности осуществлением уголовно-процессуальной деятельности соответствующими субъектами²¹.

Органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы названы как органы дознания в п. 4 ч. 1 ст. 40 УПК РФ с 2002 г.²² Свою деятельность в таком качестве указанные структурные образования в органах исполнительной власти реализуют на основании Конституции РФ, УПК РФ, УК РФ, Федерального закона «О пожарной безопасности»²³. Данный ведомственный нормативный акт определяет, что деятельность по обеспечению пожарной безопасности является одной из важнейших функций государства. Соответственно и уголовно-процессуальная деятельность органов государственного пожарного надзора как органа дознания является составной частью в реализации указанной функции.

Детализация функции уголовного преследования рассматриваемой структуры содержится в постановлении Правительства РФ «О Федеральном государственном пожарном надзоре»²⁴, утвердившем Положение о Федеральном пожарном надзоре²⁵. Из анализа данных нормативных актов можно выделить особенность, присущую только данному органу дознания в организационном построении, понимание которого позволяет определять полномочия исполнительных органов государственной власти по осуществлению уголовно-процессуальной деятельности и представлять роль данной структуры в реализации указанной функции.

Органы государственного пожарного надзора являются составной частью целой системы органов исполнительной власти: федеральные органы исполнительной власти в сфере обороны, войск национальной гвардии Российской Федерации, внутренних дел, государственной охраны, внешней разведки, мо-

---

²¹ О военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федер. закона. URL: <https://doc.mil.ru/documents/projects/more.htm?id=11709428@morfNPAProject>

²² О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ О пожарной безопасности : федер. закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴ О Федеральном государственном пожарном надзоре : постановление Правительства РФ от 12 апреля 2012 г. № 290 (в ред. от 26.05.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ Там же.

билизационной подготовки и мобилизации²⁶. Исходя из порядка подчиненности «по вертикали», т. е. руководства вышестоящих органов государственного пожарного надзора нижестоящими организуется их деятельность. Таким образом, можно объяснить и причисление к органам дознания таких структур, как Службу внешней разведки Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний, упомянутых в ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и, соответственно, имеющих отношение к п.1 ч.1 ст. 40 УПК РФ.

Пункт 5 (б) Положения о Федеральном государственном пожарном надзоре закрепляет их полномочия о производстве дознания по делам о пожарах и по делам о нарушениях требований пожарной безопасности. Согласно п. 6 ст. 151 УПК РФ к подследственности дознавателей органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы относятся четыре состава преступлений. Это уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 168, ч. 1 ст. 219, ч. 1, 2 ст. 261 УК РФ. Полномочия органа дознания, предусмотренные ст. 40 УПК РФ, выполняют государственные инспекторы Российской Федерации по пожарному надзору, указанные в п. 8 Положения о Федеральном государственном пожарном надзоре.

Но есть и такие органы дознания, которые вообще не упоминаются ст. 40 УПК РФ. При этом они называются в другой норме УПК – ст. 151. Представляется, что причиной такой законодательной конструкции является отсутствие у них особенностей, наблюдаемых в рассмотренных выше органах дознания. В связи с этим надо отметить, что при характеристике уголовно-процессуальной деятельности органов дознания, указанных в п. 2–4 ст. 40 УПК РФ, включение их в данный перечень обусловлено: 1) особенностями в законодательной регламентации (п. 2 ч. 1 ст. 40 УПК РФ – органы дознания Федеральной службы судебных приставов не относятся к правоохранительным органам в Российской Федерации); 2) объемом процессуальных полномочий как органа дознания (п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ – начальники органов военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов не производят дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно (п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ) по причине отсутствия в уголовном законодательстве соответствующих составов преступлений); 3) организационным построением (п. 4 ч. 1 ст. 40 УПК РФ – органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы являются сквозной структурой в семи федеральных органах исполнительной власти: Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, федеральных органов исполнительной власти в сфере обороны, войск национальной гвардии Российской Федерации, внутренних дел, государственной охраны, внешней разведки, мобилизационной подготовки и мобилизации).

Отсутствие таких особенностей у дознавателей пограничных органов федеральной службы безопасности и таможенных органов Российской Федерации

²⁶ О Федеральном государственном пожарном надзоре : постановление Правительства РФ от 12 апреля 2012 г. № 290 (в ред. от 26.05.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не позволило законодателю поставить их в один ряд с перечисленными органами дознания, а лишь упомянуть их косвенно, не озвучивая названия, в связи с их обладанием правом производства оперативно-розыскной деятельности (п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ). Соответственно, ст. 151 УПК РФ в п. 3 и 9 ч. 3 наделяет их правом производить дознание. Уголовно-процессуальная деятельность пограничных органов федеральной службы безопасности строится на основе Конституции РФ, УПК РФ, УК РФ, федеральных законов «Об оперативно-розыскной деятельности», «О федеральной службе безопасности», в соответствии с которыми органы федеральной службы безопасности имеют право осуществлять дознание и предварительное следствие по делам о преступлениях, отнесенных законодательством Российской Федерации к ведению органов федеральной службы безопасности (п.г. ст. 13)²⁷ Федеральным законом от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации»²⁸.

Статья 27 последнего закона в вышеуказанном списке нормативных актов структурно закрепляет пограничные органы в составе федеральной службы безопасности и среди полномочий, которые входят в компетенцию федеральных органов исполнительной власти уполномоченных в области безопасности, называет организацию и обеспечение оперативно-розыскной деятельности, которая согласно п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ является критерием причисления его к органам дознания с соответствующими полномочиями. В свою очередь, в разделе 7 этого же закона, регламентирующем систему полномочий пограничных органов, в ст. 30 закреплено право на производство дознания по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно. К их подследственности относятся уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 253 и 256, ч. 1, 2 ст. 322, ч. 1 ст. 323. Таким образом, в системе органов ФСБ России правом производства предварительного расследования в форме дознания обладают только дознаватели пограничных органов федеральной службы безопасности. А так как в структуре ФСБ имеются следственные органы, то и производство неотложных следственных действий по делам, по которым предварительное следствие обязательно, согласно п. 2 ч. 2 ст. 40 и ст. 157 УПК РФ, также входит в их компетенцию. Еще в 2006 г. были сформулированы основные направления по организации процессуальной деятельности в пограничных войсках федеральной службы безопасности ведомственными подзаконными актами²⁹. Конкретизированы основные понятия, непосредственно касающиеся пограничных органов дознания: орган дознания – пограничный орган, в структуре которого имеются оперативные подразделения, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскную деятельность; начальник погра-

---

²⁷ О федеральной службе безопасности : федер. закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁸ О государственной границе Российской Федерации : федер. закон от 1 апреля 1993 г. № 4730-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁹ Об утверждении Концепции формирования системы подразделений процессуальной деятельности в пограничных органах ФСБ России : приказ ФСБ России от 18 марта 2006 г. № 103 ; Об утверждении Инструкции по организации в органах федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности : приказ ФСБ РФ от 16 мая 2006 г. № 205. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

ничного органа, являющегося органом дознания, является начальником органа дознания (помимо начальника пограничного органа, являющегося органом дознания, правами начальника органа дознания обладают уполномоченные им заместители); начальник подразделения дознания и административной практики подчиняется непосредственно начальнику пограничного органа. Полномочия органов дознания органов безопасности возлагаются на дознавателей, которые назначаются руководителями (начальниками) подразделений ФСБ России, начальниками территориальных органов безопасности (в том числе при необходимости в горрайподразделениях) органов безопасности в войсках, учебных заведений ФСБ России, командирами воинских частей, руководителями предприятий, учреждений и организаций, с учетом реальных потребностей из числа наиболее подготовленных сотрудников. Методическое руководство работой дознавателей осуществляют следственные подразделения органов безопасности. В этих целях осуществляются консультации, прохождение стажировок дознавателей в следственных подразделениях территориальных органов безопасности.

Последним органом дознания, упомянутым в уголовно-процессуальном законе в п. 9 ч. 3 ст. 151 УПК РФ, являются таможенные органы Российской Федерации. В 2011 г. после значительных изменений действующего законодательства в отраслях права уголовно-правового цикла (уголовное право, криминалистика, криминология) были обособлены преступления, которые стали именоваться «таможенными»³⁰.

Уголовно-процессуальная деятельность таможенных органов, как и иных органов дознания, основывается на конституционных положениях, детализированных в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, а также ведомственной нормативной базе³¹. Это федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий в соответствии с законодательством Российской Федерации функции по контролю и надзору в области таможенного дела, функции по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, отнесенных к компетенции таможенных органов Российской Федерации (далее – таможенные органы), а также иных связанных с ними преступлений и правонарушений³².

ФТС относится к структуре Министерства финансов Российской Федерации. Свои функции служба осуществляет через территориальные органы и свои представительства (представителей) в иностранных государствах. Функции ФТС России как органа дознания обозначены в п. 5.48 «Положения о Фе-

³⁰ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Рос. газета. 2011. 9 дек.

³¹ Об утверждении Концепции формирования системы подразделений процессуальной деятельности в пограничных органах ФСБ России ; О Федеральной таможенной службе : постановление Правительства РФ от 16 сентября 2013 г. № 809 ; Об утверждении Положения об Управлении таможенных расследований и дознания приказ Федеральной таможенной службы от 26 июля 2013 г. № 1392. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³² О Федеральной таможенной службе : постановление Правительства РФ от 16 сентября 2013 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

деральной таможенной службе». Этот же нормативный акт устанавливает, что структурные подразделения службы, предназначенные для выполнения узконаправленных, отдельных функций, могут создаваться ФТС, при этом служба вправе «издавать индивидуальные правовые акты по вопросам установленной сферы деятельности». На этой основе в 2013 г. был издан приказ Федеральной таможенной службы «Об утверждении Положения об Управлении таможенных расследований и дознания»³³. Прежде всего, это структурное правоохранительное подразделение ФТС России. Его руководитель подчиняется заместителю руководителя ФТС России, курирующему оперативно-розыскную работу и правоохранительную деятельность таможенных органов и наделенному правом принятия самостоятельных решений, за исключением финансово-экономической деятельности.

В ч. 7 ст. 1 документа дан перечень направлений деятельности Управления. Осуществление дознания и производство неотложных следственных действий по уголовным делам о преступлениях, относящихся к компетенции таможенных органов (п. 2 ч. 7 ст. 1 Положения) не является его единственной функцией. Уголовно-процессуальную деятельность в системе ФТС осуществляют структурные подразделения дознания, являющиеся составной частью Управлений таможенных расследований и дознания. Их деятельность непосредственно регулируется ведомственными нормативными актами. При определении уголовно-процессуальных должностных полномочий рассматриваемого правоохранительного органа следует исходить из тех полномочий, которыми наделены начальники соответствующих структурных подразделений ФТС России. Представление об их объеме дают положения, сформулированные в вышеупомянутом приказе. Исходя из базовых положений данного документа, руководители таких структурных подразделений, а также их заместители по оперативной работе являются по своему процессуальному положению начальниками органа дознания. В территориальных таможенных органах (ФТС России, региональные таможенные управления, таможни и таможенные посты)³⁴ созданы подразделения дознания, штатные сотрудники которых именуются дознавателями, а возглавляют их начальники подразделений дознания³⁵. В соответствии с п. 9 ч. 3 ст. 151 УПК, к их подследственности относятся три состава преступлений УК РФ: ч. 1 ст. 194; ч. 2 ст. 194; ч. 1 ст. 200.1 УК РФ.

---

³³ Об утверждении Положения об Управлении таможенных расследований и дознания : приказ Федеральной таможенной службы от 26 июля 2013 г. № 1392. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁴ См.: Раздел IX «Правила организации деятельности территориальных таможенных органов и организаций, находящихся в ведении ФТС России» приказа Федеральной таможенной службы от 26 июля 2013 г. № 1392 «Об утверждении Положения об Управлении таможенных расследований и дознания». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵ Об утверждении типовых положений о подразделении административных расследований таможни, подразделении административных расследований таможенного поста, подразделении дознания, криминалистическом подразделении и учетно-регистрационном подразделении таможни : типовое Положение о подразделении дознания таможни. Приложение № 3 к приказу Федеральной таможенной службы России от 10 августа 2011 г. № 1634. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Представленная система органов дознания в России позволяет сделать определенные выводы об их организационной структуре, правовой регламентации. Так, общим элементом в их деятельности, позволяющим причислить орган исполнительной власти к органу дознания, является его полномочие по приему и рассмотрению сообщений о преступлениях. Конструкция ст. 40 УПК РФ выстроена с учетом специфики деятельности, которая рассматривалась выше по отношению к каждому отдельному органу дознания и правовой регламентации соответствующего органа исполнительной власти. С учетом сложности организационного построения перечисленных органов имеются определенные трудности в четком определении их полномочий в объеме уголовно-процессуальной деятельности. Не последнюю роль в этом играет и меняющееся законодательство по выстраиванию того или иного органа исполнительной власти. Представляется, что все-таки необходимо создать единый орган расследования с определением соответствующей специализации: и по категории преступлений, и по их видам. Закономерно, что в научной литературе высказываются предложения об изменении структуры ст. 40 УПК РФ, об уточнении понятия дознания и разграничении его с понятием деятельности органов дознания³⁶.

---

³⁶ См.: *Манова Н. С.* Предварительное и судебное производство : дифференциация форм. М., 2004. С. 81 ; *Мичурина О. В.* Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 27 ; *Сафроненко Д. Ю.* Организация процессуальной деятельности органов дознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2009. С. 10 ; *Седова Г. И., Степанов В. В.* Дознание : функции и организация деятельности. М., 2003. С. 20.

Саратовская государственная юридическая академия

Седова Г. И., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy

Sedova G. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: *Se-gali1962@mail.ru*

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ РОССИИ
ТРЕБОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО СТАНДАРТА О ПРАВЕ
НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Рассматривается проблема реализации в российском уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной практике такого международного стандарта осуществления уголовного судопроизводства, как обеспечение права на свободу и личную неприкосновенность несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). Особо автор останавливается на нормативной регламентации данного стандарта, проблеме исполнения решений Европейского суда по правам человека, касающихся вопросов правомерности ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, а также некоторых вопросах применения к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) мер пресечения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: международные стандарты, решения Европейского суда по правам человека, право на свободу и личную неприкосновенность, несовершеннолетние подозреваемые (обвиняемые).

**CURRENT ISSUES OF IMPLEMENTATION IN CRIMINAL
PROCEDURE LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
OF RUSSIA FOR THE REQUIREMENTS OF THE INTERNATIONAL
STANDARD ON THE RIGHT TO PROTECTION OF LIBERTY
AND SECURITY OF PERSON OF THE MATTER**

The article deals with the problem of implementation in the Russian criminal procedural legislation and law enforcement practice of such an international standard for the conduct of criminal proceedings, such as ensuring the right to freedom and personal inviolability of juvenile suspects (accused). Particularly, the author dwells on the normative regulation of this standard, the problem of enforcing the decisions of the European Court of Human Rights concerning the legality of the restriction of the right to liberty and personal integrity, as well as some issues of applying preventive measures to juvenile suspects (accused).

К e y w o r d s: international standards, decisions of the European Court of Human Rights, the right to liberty and security of the person, juvenile suspects (accused).

Поступила в редакцию 8 февраля 2019 г.

В последнее десятилетие принципы и нормы международного права, гарантирующие права и свободы личности, стали восприниматься российскими гражданами как часть национального законодательства, а их нарушение – как повод для обращения в Европейский суд по правам человека. За последние 5 лет Россия остается среди «рекордсменов» по числу жалоб в ЕСПЧ. Так, число

дел из Российской Федерации, передаваемых судебским составам, составило 7957, что более чем на две тысячи превышает их количество в 2016 г. (5587). Европейским судом по ним было вынесено 305 постановлений, в 293 из которых усмотрены нарушения (в 2016 г. число вынесенных постановлений составило 228, а нарушение усматривались в 222)¹.

Согласно положениям норм международного права, Конституции РФ, ряда федеральных законов, под ограничением прав и свобод человека понимаются любые действия (бездействие) органов государственной власти, местного самоуправления, должностных и иных лиц, вследствие осуществления которых нарушаются, по мнению заинтересованного лица, его права и свободы, если при этом не преследуется достижение какой-либо социально значимой цели (обеспечение безопасности, защита прав и свобод других лиц и т. д.).

Наиболее детальную регламентацию данный стандарт получил в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 5)². Кроме того, международный стандарт о праве на свободу и личную неприкосновенность предусмотрен во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст. 3, 9, 29)³, в Пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 9, 10)⁴, в Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. (ст. 11, 14)⁵, в Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г. (ст. 5)⁶.

Наибольшее число жалоб российских граждан в ЕСПЧ связано с нарушением права на свободу и личную неприкосновенность. Международный стандарт о праве на свободу и личную неприкосновенность включает в себя взаимосвязанные, но в то же время самостоятельные элементы, а именно: право на свободу и личную неприкосновенность; правомерность ограничения этого права; законность и обоснованность ареста лица и содержания его под стражей; компенсация вреда лицам, которые были подвергнуты аресту незаконно.

Официальная статистика Судебного департамента свидетельствует о том, что суды первой инстанции удовлетворяют практически 90 % ходатайств органов расследования о применении данной меры пресечения и свыше 95 % ходатайств о продлении ее сроков⁷. Таким образом, заключение под стражу и по настоящее время остается второй по распространенности (после подписки о невыезде) мерой пресечения на протяжении уже многих лет. Европей-

¹ См.: Официальная статистика Европейского суда по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2017_ENG.pdf

² См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.

³ См.: Всеобщая декларация прав человека 1948 года // Рос. газета. 1995. 5 апр. № 67.

⁴ См.: Пакт о гражданских и политических правах 1966 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁵ См.: Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 747.

⁶ См.: Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 года // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 13. Ст. 1489.

⁷ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год. URL: <http://www.cdep.ru>

ский суд по правам человека неоднократно обращал внимание на указанные обстоятельства, а в 2012 г. принял очередное «пилотное» постановление по делу «Ананьев и др. против России», в котором констатируется необходимость в России комплексной реформы для решения данной структурной проблемы и констатируется необходимость распространения более широкой практики применения альтернативных мер пресечения⁸.

Очередной попыткой расширения практики применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения, а также нивелирования репутационных потерь России, связанных с удовлетворением значительного числа жалоб на нарушение ст. 5 Европейской конвенции, стало принятие Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, которым в УПК РФ была введена такая мера пресечения, как запрет определенных действий. Цель ее введения связывалась не только с проблемами исполнения общепризнанных принципов и норм международного права и решений Европейского суда по правам человека, но и с необходимостью обеспечения прав личности в части повышения эффективности уголовного преследования и экономии средств федерального бюджета.

Следует согласиться с Д. Ю. Матвеевым и Т. А. Николаевой, что «практика по вопросам, связанным с лишением свободы, не является статичной ... В связи с этим от государственных властей ожидается более осмотрительный и взвешенный подход при применении любых мер, потенциально связанных с лишением свободы. Тем самым одна из базовых ценностей демократического общества, право на свободу и личную неприкосновенность, получает дополнительные гарантии ее соблюдения»⁹.

Данная законодательная новелла действительно позволяет говорить о реальной альтернативе ареста с точки зрения прецедентной практики Европейского суда по правам человека, согласно которой различие между домашним арестом и заключением под стражу является незначительным, поскольку и та и другая рассматриваются в качестве существенного ограничения конвенционного права, тогда как российские суды занимают прямо противоположную позицию. Однако пока данная мера пресечения не получила широкого применения лицами, осуществляющими предварительное расследование по уголовным делам.

Говоря о реализации стандарта на свободу и личную неприкосновенность в российском законодательстве и правоприменительной практике, необходимо особо остановиться на защите прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Такой подход полностью соответствует требованиям, закрепленным в международных договорах, касающихся защиты прав ребенка. Содержание несовершеннолетнего под стражей рассматривается

---

⁸ По делу «Ananyev and others v/ Russia» : постановление Европейского суда по правам человека от 10 января 2012 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2012. № 8.

⁹ Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights) / М. В. Агальцова, [и др.]. М., 2018. Вып. 4 : Роль прецедента в толковании Европейской конвенции по правам человека. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Минимальными стандартными правилами ООН по отправлению правосудия в отношении несовершеннолетних как крайняя мера и только в течение небольшого периода. Данными правилами, кроме того, устанавливается необходимость замены во всех возможных случаях заключения под стражу иными альтернативными мерами.

Пленум Верховного Суда РФ разделяет данную позицию и ориентирует органы предварительного расследования на избрание ареста к несовершеннолетнему до разбирательства в суде только в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода. Кроме того, он обязывает судей «при рассмотрении ходатайств органов расследования об избрании данной меры пресечения в отношении несовершеннолетних тщательно проверять обоснованность изложенных в них мотивов необходимости заключения под стражу; обоснованность невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения; обязательно обсуждать возможность отдачи несовершеннолетнего под присмотр и указывать в постановлении причины, по которым эта специальная мера пресечения не может быть применена»¹⁰.

В первом полугодии 2018 г. российскими судами было удовлетворено 356 ходатайств следователей и дознавателей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, тогда как об избрании домашнего ареста было удовлетворено 76. Тенденция прослеживается аналогично 2017 г., когда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу было удовлетворено 946 ходатайств, а об избрании домашнего ареста – 255¹¹. Такая мера пресечения, как залог, не избиралась. Судебный департамент констатирует сокращение общего числа рассмотренных ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних в сравнении с 2016 г. почти на 25 %.

До сих пор нередко случаи продления срока содержания под стражей несовершеннолетним, так в 2016 г. было удовлетворено 2526 ходатайств; в 2017 г. – 1837; в первой половине 2018 г. – 867. Считаем необходимым во всех случаях удовлетворения таких ходатайств, чтобы суд в обоснование срока, на который продлевается содержание обвиняемого под стражей, обязательно перечислял конкретные следственные или иные процессуальные действия с указанием их продолжительности.

Кроме того, в целях сокращения практики применения к несовершеннолетним заключения под стражу и создания условий для более дифференцированного подхода к выбору мер пресечения необходимо не только расширять практику применения запрета определенных действий, но и расширить перечень альтернативных мер. Согласимся с рядом ученых, которые считают, что такими, к примеру, могут стать временное помещение несо-

¹⁰ О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 (п. 6, 7) // Рос. газета. 2009. 11 нояб.; О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (п. 6) // Там же. 2011. 11 февр.

¹¹ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год. URL: <http://www.cdep.ru>

вершеннолетних в Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних¹² или специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа¹³ в зависимости от обстоятельств дела, личности несовершеннолетнего и прочих обстоятельств, которые необходимо учитывать в соответствии с Федеральным законом № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Это полностью соответствует требованиям Пекинских правил, которые целью правосудия в отношении несовершеннолетних определяют благополучие несовершеннолетнего и соразмерность применения карательных санкций.

При этом следует отметить, что при определенной тенденции сокращения количества заключенных под стражу несовершеннолетних лиц, на данный момент наиболее применяемыми мерами пресечения в отношении подростков все равно остаются подписка о невыезде и заключение под стражу. Домашний арест применяется в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) крайне редко, а залог – и вовсе в единичных случаях применялся только в 2016 г. и ранее). Практика применения новой меры пресечения в виде запрета определенных действий в настоящее время не сложилась, хотя в качестве альтернативы она не видится такой уж и бесперспективной. Основными препятствиями к избранию данных мер пресечения представляются отсутствие единообразной практики по вопросам, касающимся изменения места отбывания домашнего ареста и сложности в определении предельной продолжительности пребывания лица под домашним арестом, в том числе с учетом срока содержания под стражей в качестве меры пресечения.

Справедливо указывается также на необходимость обратить внимание на организационно-материальные аспекты деятельности правоохранительных органов и суда¹⁴. В частности, поскольку изучение и использование международных стандартов в практической сфере стало требованием времени, необходимо предусмотреть специализированные программы обучения, повышения квалификации и профессиональной подготовки, изучения практики Европейского суда, опыта других стран по вопросам применения мер процессуального принуждения.

Таким образом, международные стандарты обеспечения прав личности и, в частности, участников уголовного судопроизводства, представляют собой тот уровень, ниже которого принципы и нормы отечественного уголовно-процессуального законодательства не могут опускаться. И хотя многие из этих стандартов вводятся в нашей стране достаточно сложно, можно говорить о том,

---

¹² См.: Головинская И. В. Институт мер пресечения : проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 90–96.

¹³ См.: Химичева Г. П. Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый) : меры пресечения // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 20–24.

¹⁴ См.: Разинкина А. Н. О некоторых проблемах реализации Россией норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Проблемы уголовного, уголовно-процессуального законодательства и практики его применения : сб. науч. трудов. М., 2006. С. 103.

что в России постепенно утверждаются традиции соотносить национальное законодательство и правоприменительную практику с международными стандартами прав человека.

Саратовская государственная юридическая академия
Спесивов Н. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса, директор Юридического института
правосудия и адвокатуры

Saratov State Law Academy
Spesivov N. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department,
Director of the Law Institute of Justice and Advocacy
E-mail: nikita_spesivov@bk.ru

УСМОТРЕНИЕ СУДА В ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

В силу специфики подготовительной части судебного разбирательства, особое значение в ней приобретает усмотрение как правильное видение судом сложившейся судебной ситуации и возможных вариантов ее наиболее правильного разрешения с целью создания необходимых условий для последующих этапов судебного разбирательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебное разбирательство, подготовительная часть, промежуточные судебные решения, судебная ситуация, судебное усмотрение.

DISCRETION OF THE COURT IN THE PREPARATORY PART OF THE TRIAL

Due to the specifics of the preparatory part of the trial, discretion becomes particularly important in it as the correct vision of the court of the current judicial situation and possible options for its most correct resolution in order to create the necessary conditions for the subsequent stages of the trial.

K e y w o r d s: litigation, preparatory part, the intermediate court decisions, judicial situation, judicial discretion.

Поступила в редакцию 8 февраля 2019 г.

Судебное разбирательство является центральной стадией российского уголовного процесса, содержание которой составляют действия по непосредственному исследованию всех материалов уголовного дела, представленных сторонами доказательств, на основе чего суд принимает решение о виновности (невиновности) лица, привлеченного к уголовной ответственности, и мере наказания в случае признания его виновным. В стадии судебного разбирательства наиболее полно реализуются принципы уголовного судопроизводства.

Вся предыдущая деятельность органов предварительного расследования и суда, при всей ее важности и значимости, является лишь предварительной, подготовительной по отношению к судебному разбирательству. Поэтому в отличие от стадии подготовки и назначения судебного заседания, в которой, как правило, особое значение имеет усмотрение судьи как видение им сложившейся судебной ситуации по уголовному делу после его поступления в суд, в стадии судебного разбирательства аналогичное значение имеет правильное формирование усмотрения судьи как условия для принятия решения по существу уголовного дела.

Такое решение может быть основано только на доказательствах, исследованных в ходе судебного заседания. Но пока у судьи не сложилось внутреннего убеждения как итога исследования всей совокупности представленных сторонами доказательств при принятии различного рода промежуточных решений,

суд руководствуется усмотрением (субъективным видением) обстоятельств уголовного дела (сложившейся судебной ситуацией). Такие решения могут быть самыми разнообразными: о разрешении ходатайств сторон, об отводах, о приостановлении производства по делу, о назначении экспертиз и т. д. Как представляется, вопрос о роли судебского усмотрения при принятии промежуточных судебных решений в судебном разбирательстве целесообразно рассматривать в зависимости от сложившейся судебной ситуации на том или ином этапе судебного разбирательства.

Говоря о подготовительной части судебного разбирательства, необходимо отметить, что она является системным элементом судебной процедуры, в рамках которой уголовное дело разрешается по существу. В предусмотренных УПК РФ случаях, без надлежащим образом проведенной подготовительной части судебного заседания, суд не сможет перейти к объективному исследованию обстоятельств дела и вынести окончательное решение. Ошибки и нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные при проведении рассматриваемой части судебного разбирательства, ведут к отмене судебного решения вышестоящим судом. Правильное уяснение значения и характера процессуальных действий, совершаемых в подготовительной части судебного заседания, позволят правильно понять сущность и значение данного этапа судебного разбирательства¹.

Цели подготовительной части судебного заседания производны от общего социального назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и заключаются в проверке наличия необходимых условий для проведения судебного разбирательства; определения круга конкретных лиц, которые должны принимать в судебном разбирательстве; обеспечения возможности для исследования в суде всех необходимых доказательств; принятия мер по организации судебного процесса.

Содержание данного этапа производства по делу в суде сводится:

- 1) к совершению процессуальных действий, направленных на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;
- 2) подготовке условий для представления и исследования доказательств на судебном следствии;
- 3) принятию мер по устранению препятствий для рассмотрения уголовного дела;
- 4) производству процессуальных действий, необходимых для формального начала судебного разбирательства по делу;
- 5) выяснению новых обстоятельств по делу, имеющих значение для последующего исследования предмета судебного спора.

В свою очередь, все процессуальные действия, включенные в подготовительную часть судебного заседания, можно разделить на несколько групп. Эти действия направлены:

- 1) на открытие судебного заседания и проверку явки его участников в суд;

---

¹ См.: Дудукина Т. Г. Подготовительная часть судебного заседания : проблемы нормативного регулирования и правоприменительной практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 3.

2) установление законности участия в судебном разбирательстве всех его субъектов;

3) разъяснение прав участвующим в деле лицам;

4) обеспечение необходимых средств доказывания.

Отличительной чертой подготовительной части судебного разбирательства по отношению к судебному следствию выступает активность суда. Из ч. 3 ст. 15 УПК РФ вытекает, что в обязанности суда входит принятие по своей инициативе всех необходимых мер для того, чтобы создать оптимальные условия для надлежащего рассмотрения дела и разрешения его по существу. При исполнении этой обязанности суд реализует свои дискреционные полномочия, позволяющие ему обеспечивать интересы правосудия. Подготовительная часть судебного заседания носит, прежде всего, процедурный характер и реализуется непосредственно председательствующим².

Активность суда в подготовительной части связана с необходимостью обеспечить не только процесс доказывания, но и права участников судебного разбирательства, а также создать условия для принятия справедливого, объективного решения (например, решение вопроса об отводе участников процесса, которые не могут принимать участие в рассмотрении данного уголовного дела в силу своей возможной заинтересованности). При этом инициатива сторон служит для суда поводом для рассмотрения указанных вопросов, для принятия соответствующего решения. В случае *усмотрения* председательствующим нарушений закона и норм нравственности, а также необходимости защиты как частного, так публичного интересов суд полномочен и по своей инициативе разрешать все указанные вопросы.

От позиции суда и его усмотрения зависит, будут ли удовлетворены и в какой мере ходатайства сторон о получении новых или дополнительных доказательств. Положительно решая вопрос о собирании доказательств по делу, суд одновременно обязан проверить их в ходе заседания, предварительно оценить их относимость, допустимость. Таким образом, председательствующий судья является активным участником деятельности по подготовке доказательственного материала в рамках подготовительной части судебного заседания, руководствуясь сложившимся у него усмотрением.

В случаях усмотрения председательствующим сомнительности происхождения каких-либо фактических данных, которые, как следствие, не могут послужить надежным средством формирования внутреннего убеждения судей, председательствующий должен решить вопрос об исключении их из исследования в ходе судебного разбирательства. При этом важно, чтобы суд не препятствовал пополнению доказательств новыми данными, о которых ходатайствуют стороны, если они устанавливают значимые для дела обстоятельства.

Таким образом, правильное разрешение вопроса о формировании совокупности необходимых и достаточных доказательств образует важнейшую задачу, стоящую перед председательствующим в подготовительной части

---

² См.: *Питерцев С. К.* Тактические аспекты деятельности прокурора в подготовительной части судебного заседания. URL: http://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=84&pub_name=%D2%E0%EA%F2%E8%F7%E5%F1%EA%E8%E5+%E0%F1%EF%E5%EA%F2%FB+%E4%E5%FF%F2%E5%EB%FC%ED%EE%F1 (дата обращения: 28.12.2018).

судебного заседания. С этой целью председательствующий опрашивает стороны, имеются ли у них ходатайства о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов или об исключении доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ. Лицо, заявившее ходатайство, должно его обосновать, а суд, в свою очередь, выслушав мнения участников судебного разбирательства, рассматривает каждое заявленное ходатайство и принимает решение о его удовлетворении или об отказе в этом.

В подготовительной части судебного заседания с целью формирования личного усмотрения, суд полномочен разрешить вопрос об удовлетворении ходатайства стороны, в котором ей было отказано органом расследования на предыдущих этапах производства по уголовному делу. Более того, согласно ч. 4 ст. 271 УПК РФ суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании в качестве свидетеля или специалиста лица, явившегося в суд по инициативе стороны. Но для того чтобы у суда сложилось правильное усмотрение по данному вопросу, стороне необходимо объяснить суду, для удостоверения каких именно обстоятельств требуется допрос данного свидетеля. Это делает последующее доказывание более направленным, а допрос – предметным; позволяет суду отсекал лишних участников уголовного судопроизводства, вызванных сторонами с целью затягивания рассмотрения уголовного дела; позволяет стороне более последовательно развивать свою аргументацию перед судом, а суду, в свою очередь, становится понятной роль данных свидетельских показаний в системе доводов стороны.

Таким образом, уже в подготовительной части судебного заседания имеет место доказывание, включая представление и исследование некоторых доказательств в их части, но без окончательной оценки имеющихся в них сведений, которые суд принимает за фактическую основу судебного решения. Здесь устанавливаются промежуточные, доказательственные факты, важные для правильного определения состава доказательственного материала (который будет представляться и исследоваться на судебном следствии), формирующего соответствующее усмотрение суда как необходимого условия для принятия промежуточных решений в подготовительной части судебного заседания.

В подготовительной части судебного заседания доказательственный материал претерпевает своеобразную сортировку для того, чтобы в судебном следствии стороны в условиях состязательности и равенства процессуальных возможностей могли беспрепятственно представить свои доказательства и убедить суд в обоснованности своей позиции.

При обсуждении в подготовительной части судебного заседания ходатайств сторон о вызове новых свидетелей, при разрешении вопросов о возможности рассмотрения дела в отсутствие не явившихся участников процесса суд и стороны не могут не касаться в известной мере обстоятельств дела. Отмечая существенность или несущественность для дела показаний неявившихся свидетелей, экспертов, специалистов, стороны не могут не коснуться оценки их показаний или заключений, полученных во время досудебного производства. Не затрагивая существа дела, также нельзя правильно решить вопрос об истребовании и приобщении к делу новых доказательств.

Тем самым ключевыми процессуальными действиями, проводимыми в подготовительной части судебного заседания, которые имеют универсальное значение, являются: 1) действия, связанные с определением состава участников предстоящего судебного процесса; 2) действия, связанные с судебным доказыванием.

На подготовительном этапе суд выносит промежуточные решения, не требующие исследования доказательств и определяющие дальнейшее движение дела. Выполнение этих действий в самом начале судебного заседания позволяет суду выяснить без лишних затрат времени вопрос о возможности успешного рассмотрения дела и устранить имеющиеся препятствия.

В подготовительной части судебного заседания могут приниматься решения, определяющие дальнейшее движение дела: о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ; приостановлении производства по делу; прекращении уголовного дела и др. М. С. Завирущев справедливо отмечает, что «судебные ситуации, возникающие в подготовительной части судебного заседания, приобретают значимость в аспекте их влияния на формирование судебно-следственной ситуации. После завершения судебного следствия все последующие этапы производства в суде первой инстанции связаны с оценкой содержания судебно-следственной ситуации в прениях сторон и в приговоре, постановлении или определении суда»³.

---

³ *Завирущев М. С.* Судебные ситуации и их значение для организации деятельности государственного обвинителя // *Право и образование*. 2007. URL: <http://naukarus.com/sudebnye-situatsii-i-ih-znachenie-dlya-organizatsii-deyatelnosti-gosudarstvennogo-obvinitelya> (дата обращения: 28.12.2018).

Саратовская государственная юридическая академия
Тихий А. В., ассистент кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy
Tikhiy A. V., Assistant of the Criminal Process Department

МЕХАНИЗМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОБВИНЯЕМОГО С ЗАЩИТНИКОМ И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ОБВИНЯЕМОГО

Раскрыты особенности взаимоотношений обвиняемого и защитника, складывающихся в процессе производства по уголовному делу, и механизм их формирования. Исследуются возможности защитника по изучению личности обвиняемого и его воздействия на уголовно-процессуальное поведение обвиняемого.

К л ю ч е в ы е с л о в а: обвиняемый, защитник, личность обвиняемого, уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, поведенческая характеристика обвиняемого.

THE MECHANISM OF THE RELATIONSHIP OF THE ACCUSED WITH COUNSEL AND THEIR IMPACT ON THE CRIMINAL PROCEDURAL BEHAVIOR OF THE DEFENDANT

The article reveals the peculiarities of the relationship of the accused and defense counsel, which are formed in the course of the criminal proceedings, and the mechanism of their formation. The possibilities of the defender to study the identity of the accused and the impact on the criminal procedure of the accused are investigated.

К e y w o r d s: the accused, the defense counsel, the identity of the accused, the criminal procedure behavior of the accused, the behavioral characteristics of the accused.

Поступила в редакцию 8 февраля 2019 г.

Отношения обвиняемого с защитником носят характер доверительного сотрудничества и подчинены достижению взаимоприемлемых целей. Хотя защитник, согласно официальной российской уголовно-процессуальной доктрине, является самостоятельным участником уголовного судопроизводства¹, вся его деятельность по уголовным делам подчинена исключительно защите интересов обвиняемого². Никаких других интересов в уголовном процессе у него нет и быть не может, потому что защитник вступает в уголовный процесс по желанию обвиняемого и выбирается им или другими лицами по согласованию с ним с одной целью – максимально обеспечить защиту обвиняемого. Все возможные коллизии между обвиняемым и защитником разрешаются с позиции интересов обвиняемого, даже если она расходится с позицией защитника.

¹ См.: Цыпкин А. Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов, 1959. С. 259–267 ; Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 134–135 ; Якимович Ю. К. Некоторые аспекты участия защитника в уголовном процессе // Избр. труды. Томск, 2006. С. 19 ; и др.

² См.: Шпилев В. Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970. С. 78 ; Адаменко В. Д. Советское уголовно-процессуальное представительство. Томск, 1978. С. 9 ; Григорян В. Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления. Саратов, 2012. С. 27 ; и др.

При этом ни в коем случае не умаляется существенное влияние защитника и его отношений с обвиняемым на уголовно-процессуальное поведение последнего. Если права, обязанности и ответственность составляют фактическую правовую базу поведения обвиняемого, то его отношения с защитником, помощь, которую он (защитник) оказывает ему в осознании своего правового статуса, и сущности заложенных в нем возможностей выступают одной из основных форм реализации этой базы, претворения ее в реально работающий уголовно-процессуальный механизм. Деятельность защитника в этом отношении предполагает:

1) системное разъяснение всей совокупности прав обвиняемого с разбивкой их на определенные группы – по их направленности, времени и последовательности использования, возможной результативности и другим критериям, диктуемым конкретными обстоятельствами уголовного дела;

2) убеждение обвиняемого в эффективности этих прав и необходимости их активного использования при производстве по уголовному делу;

3) объяснение обвиняемому необходимости соблюдения требований закона, обязывающих его к определенному поведению, желательности правильного выстраивания отношений с должностным лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, и избегания ненужной, необоснованной конфликтности с ним;

4) внушение обвиняемому целесообразности настойчивого и последовательного отстаивания своих прав и законных интересов в ходе проведения любого действия и осуществления всей уголовно-процессуальной деятельности. При этом сам защитник должен демонстрировать точное знание требований и предписаний закона в рассматриваемой части, проявлять уважение к ним, не допускать негативных их оценок.

К тому же защитнику ни в коем случае нельзя полагаться на то, что права обвиняемого излагаются в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого и разъясняются ему следователем при предъявлении обвинения. Как показывает практика, немногие люди, привлеченные по уголовному делу в качестве обвиняемых, имеют достаточное представление о своих уголовно-процессуальных возможностях и об их соответствующем применении. Некоторые обвиняемые в состоянии воспроизвести только четверть всех перечисленных в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и разъясненных им следователем прав. Не случайно многими авторами отмечаются частые случаи пассивного поведения обвиняемых как в ходе досудебного производства, так и в суде. «Они, – пишет, например, Ю. Ф. Лубшев, – ведут себя в процессе почти так же, как обычные граждане, пришедшие послушать дело... Задача адвоката – мобилизовать свои навыки и активность подзащитного против выдвинутого обвинения»³.

Предусмотренный законом порядок разъяснения обвиняемому его прав в данном отношении малоэффективен, особенно если учесть довольно распространенное недоверие к следователю со стороны таких лиц и то психологическое состояние, в котором они находятся в момент выполнения соот-

---

³ Лубшев Ю. Ф. Адвокат в уголовном деле : учеб.-практ. пособие. М., 1997. С. 130.

ветствующих действий. Основная нагрузка по «вооружению» обвиняемого необходимыми знаниями и их практическому применению лежит на защитнике. И чем добросовестнее он ее выполняет, тем активнее и эффективнее ведет себя обвиняемый в уголовном судопроизводстве. В таких случаях у обвиняемого возрастает доверие к своему защитнику и его деятельности, желание выслушать его мнение по каждому возникающему вопросу, в том числе касающемуся восприятия и реакции на требования и действия следователя. В ходе выполнения указанной работы закладываются основы взаимоотношений защитника и обвиняемого, посредством которых осуществляется воздействие защитника на уголовно-процессуальное поведение обвиняемого. Дальнейшее развитие этот процесс получает при выработке предварительной, а в последующем и основной позиции защиты по уголовному делу, в ходе ее реализации на отдельных этапах уголовно-процессуальной деятельности, согласования отношения к вынесенному судом решению и необходимости его обжалования.

Изложенная схема (механизм) формирования взаимоотношений обвиняемого с защитником и их воздействия на поведение обвиняемого включает также проведение различного рода консультаций и согласований по отдельным вопросам тактики реализации правомочий стороны защиты и поведения обвиняемого при привлечении его к участию в производстве следственных и других уголовно-процессуальных действий.

Важным элементом деятельности защитника по уголовному делу является установление и процессуальная демонстрация положительных качеств и свойств обвиняемого, имеющих как уголовно-правовое, так и уголовно-процессуальное значение, т. е. прямое, непосредственное формирование уголовно-процессуальной характеристики обвиняемого. Достигается это посредством изучения личности обвиняемого, наблюдения за его поведением в ходе производства по уголовному делу и использования установленных законом правил участия защитника в уголовно-процессуальном доказывании.

Под изучением личности обвиняемого в юридической литературе понимается процесс выявления, анализа, сопоставления и углубленного познания личностных свойств, признаков, поведенческих актов и состояний лица, привлеченного к уголовной ответственности, путем собирания и изучения сведений о нем в порядке и формах, установленных законом. Эта тема довольно обстоятельно представлена в уголовной и уголовно-процессуальной литературе, но применительно к предмету доказывания по уголовному делу и под углом зрения соблюдения общих правил уголовно-процессуального доказывания⁴. Поскольку в нашем случае речь идет об обстоятельствах, характеризующих уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, то деятельность по их

⁴ См.: *Ведерников Н. Т.* Изучение личности преступника в процессе расследования. Томск, 1968. С. 33 ; *Коршик М. Г., Степичев С. С.* Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969. С. 16–17 ; *Цветков П. П.* Исследование личности обвиняемого (на предварительном следствии и в суде первой инстанции). Л., 1973. С. 5 ; *Гуськова А. П.* Выявление судом обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. М., 1984. С. 11 ; *Гребнева Н. Н.* Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, как элемент предмета доказывания по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 3 ; и др.

установлению во многом не подпадает под действие указанных правил, хотя в ряде случаев и использует их. Чаще всего данные обстоятельства и сведения о них обнаруживаются непосредственно в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности и поэтому возникает вопрос об особенностях их восприятия, определения юридической значимости и процессуального закрепления. Сбор основного объема подобного рода сведений об обвиняемом составляет предмет деятельности следователя. Им выясняются установочные данные обвиняемого (Ф. И. О., год, место рождения и т. д.); сведения, характеризующие поведение обвиняемого до, в ходе и после совершения преступления; в ряде случаев намерения обвиняемого относительно участия в производстве отдельных следственных действий, а также формы осуществления правосудия по уголовному делу.

Деятельность защитника в этом направлении, хотя и предстает во вспомогательном виде, характеризуется более широким охватом отношений обвиняемого с окружающей действительностью и углубленным проникновением в содержание устанавливаемых при этом обстоятельств. Если следователь, например, выясняя семейное положение обвиняемого, как правило, ограничивается сведениями о составе его семьи, наличии и количестве детей, что весьма важно и для защиты, то защитник не ограничивается этим. Он должен выяснить состояние здоровья членов семьи обвиняемого, условия, в которых они проживают, их потребность в помощи обвиняемого и другие сведения, которые могут иметь значение как для определения вида и размера наказания, так и при принятии промежуточных решений в отношении обвиняемого, таких как избрание меры пресечения, наложение ареста на имущество, отстранение от должности и многие другие.

В отличие от деятельности следователя предмет и пределы изучения защитником личности обвиняемого, условий его жизни и других обстоятельств, которые могут иметь правовое значение, с рассматриваемой точки зрения законом не определены. Действующий УПК, даже применительно к деятельности соответствующих должностных лиц и органов, не содержит полных и достаточно четких требований на этот счет. Во-первых, он ограничивается лишь выборочным набором требований относительно отдельных сведений о личности обвиняемого, имеющих определенное значение в тот или иной момент судопроизводства; во-вторых, эти требования весьма расплывчаты (см., например, ст. 169, 178, 189 УПК и др.). Действующий закон не отражает содержащуюся в УПК РСФСР 1960 г. ст. 98, обязывавшую следственные органы принять меры попечения о детях и имуществе арестованного обвиняемого, которая, естественно, предполагала необходимость установления соответствующих объектов заботы следователя.

Защитник самостоятельно определяет предмет и пределы изучения личности обвиняемого, его действий и состояний, имеющих юридическое значение, посредством анализа соответствующих норм УПК применительно к тем решениям, которые применяются и могут применяться в отношении обвиняемого. Это обязывает его, во-первых, к тесному взаимодействию с обвиняемым; во-вторых – к комплексному и творческому осуществлению данной деятельности, активному использованию в ней не только уголовно-процессуальных

средств, имеющихся в его распоряжении, но и научных подходов, разработок социологического, психолого-психиатрического, биологического и педагогического характера. Личность обвиняемого и его процессуальное поведение должны изучаться защитником многопланово, с набором соответствующих сведений на все возможные случаи ограничения его свободы, прав и законных интересов, не говоря о судебном решении относительно его виновности (невиновности) в совершении инкриминируемого ему преступления и меры наказания.

Решение рассматриваемой задачи при современной ее регламентации под силу не каждому адвокату, это требует не только значительных физических и волевых усилий, но и высокой степени профессионализма. Представляется, что этому должны содействовать законодатель и соответствующие органы адвокатской корпорации. Законодателю следовало бы закрепить в нормах права более четкие очертания предмета и пределов изучения личности обвиняемого в уголовном судопроизводстве, органам адвокатского сообщества – создать методические разработки на этот счет. По этим вопросам в юридической литературе неоднократно высказывались различные мнения, делались попытки вывести общую формулу данных об обвиняемом, предлагались обоснованные классификации сведений о личности обвиняемого, подлежащих изучению в уголовном судопроизводстве⁵. По нашему мнению, классификации и перечни таких данных об обвиняемом должны предусматривать сведения об установочных данных, психофизических и психологических особенностях обвиняемого, общественно-производственную и бытовую характеристики, об условиях и образе жизни, отношении к содеянному и его поведению в ходе следствия и суда и т. д.

Наблюдение за формированием поведения обвиняемого со стороны защитника должно быть постоянным и системным, потому что в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела могут меняться не только квалификация содеянного и уголовно-процессуальный объем прав и обязанностей обвиняемого, но и его личное состояние, эмоции, мысли, поведение в целом, что обуславливает необходимость коррекции методов и способов воздействия на его личность⁶. Защитник должен предвидеть такую возможность и быть готовым к изменению как своего отношения к

⁵ См.: Ведерников Н. Т. Указ. соч. С. 92 ; Гуськова А. П. Указ. соч. С. 11 ; Коршик М. Г., Степичев С. С. Указ. соч. С. 16 ; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 127–128 ; Матусевич И. А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск, 1975. С. 43 ; Цветков П. П. Указ. соч. С. 101–102 ; и др.

⁶ См.: Аврах Я. С. Психологические проблемы защиты по уголовным делам. Казань, 1972. С. 66–89 ; Ларьков А. Рецензия на книгу Н. Ведерникова «Изучение личности преступника в процессе расследования» // Социалистическая законность. 1969. № 8. С. 94–95 ; Игнатова Н. М. Изучение личности обвиняемого защитником и использование полученных данных в ходе защиты : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1997. С. 86–133 ; Гармаев Ю. П. Влияние адвоката-защитника на показания подозреваемого (обвиняемого) : каковы его пределы? // Сибирский юрид. вестник. 2003. № 2. С. 98–100 ; Насонова И. А. Взаимоотношения адвоката-защитника с подозреваемым и обвиняемым // Вестник Воронеж. ин-та МВД. 2002. № 2. С. 90–92 ; и др.

обвиняемому, так и к необходимости воздействия на его взаимоотношения с должностным лицом, осуществляющим в тот или иной момент производство по уголовному делу. Следует помнить, что в такой ситуации обвиняемый более всего нуждается в помощи и внимании человека, которому он доверяет. При этом защитник при исследовании даже самых неприятных подробностей преступления должен оставаться бесстрастным и объективным к обвиняемому. Безусловно, тяжесть совершенного преступления воздействует на всех участников уголовного судопроизводства, и защитник в данном случае – не исключение. Он может быть подвергнут чувству неприязни к обвиняемому, следовательно, лишь формально участвовать в его защите или пойти по пути житейско-бытового отношения к преступлению⁷: всеми своими действиями показать, что это обычное дело, что вина не доказана и обвинение не верно. Такое поведение защитника подавляет психику обвиняемого, угнетает его душевное состояние, мешает сосредоточиться, отвлекает от сути уголовного дела и переключает сознание с фактов на эмоции. В результате многие обстоятельства, влияющие на поведение обвиняемого и его поведенческую характеристику, могут быть невыясненными или утрачены. Подобные позиции защитника представляют собой опасные крайности, которые негативно влияют на взаимоотношения с обвиняемым и могут отрицательно сказаться на его процессуальном поведении по уголовному делу в целом и, как представляется, их необходимо избегать.

Процесс изучения личности обвиняемого, наблюдение за его поведением со стороны защитника предполагает процессуальное оформление результатов этой деятельности. Способами отражения и фиксации соответствующей информации выступает прежде всего досье, которое ведется адвокатом по каждому осуществляемому им производству. Отдельную часть этого документа, по нашему мнению, следует посвящать уголовно-процессуальной характеристике обвиняемого и ходу ее формирования. В этом внутреннем документе отражается информация, которая становится частью уголовного дела. Поэтому защитник должен использовать все предоставленные ему законом возможности по ее введению в материалы уголовного дела с тем, чтобы она нашла отражение в итоговом акте предварительного расследования и решении суда. В этих целях используются: протоколы следственных действий, в которых принимают участие обвиняемый и защитник; ходатайства с просьбой о приобщении к уголовному делу соответствующих документов; заявления об отражении в процессуальных документах сведений о личности обвиняемого, выявленных в ходе производства по делу, и другие способы уголовно-процессуального воздействия защитника на процесс расследования уголовного дела и его рассмотрение в суде.

Результаты изучения личности обвиняемого, его поведенческая характеристика во многом определяются активностью защитника в уголовном процессе. Защитник должен внимательно следить за ходом предварительного расследования и судебного разбирательства дела, активно участвовать в исследовании доказательств, собранных по уголовному делу, поиске других сведений,

---

⁷ См.: Лубшев Ю. Ф. Указ. соч. С. 130–131.

которые могут стать доказательствами по делу, организовывать, направлять и поощрять в этом направлении процессуальную деятельность обвиняемого как участника процесса. В работу адвоката-защитника включается также деятельность, направленная на повышение у обвиняемого чувства ответственности за его процессуальное поведение при производстве по уголовному делу. Задача адвоката состоит и в том, чтобы научить обвиняемого считаться с позицией самого адвоката, избегать ненужных поступков и фраз, способных осложнить защиту. Соблюдение норм уголовно-процессуального поведения – надежная гарантия предупреждения конфликтов противоправного характера со стороны обвиняемого. Все своей деятельностью защитник-адвокат должен способствовать развитию и закреплению у обвиняемого нормальных, устойчивых навыков своей защиты и правомерного поведения. При этом грамотная защита предполагает максимально возможную индивидуализацию личных качеств и свойств обвиняемого и их использование в защитительной деятельности.

Саратовская государственная юридическая академия

Устинов Д. С., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy

Ustinov D. S., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: ustinov681@yahoo.com

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА ПО СОБИРАНИЮ И ПРОВЕРКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Дается понятие механизма уголовно-процессуального регулирования, анализируются правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о полномочиях суда по доказыванию, конкретизируются меры, которые могут приниматься судом по созданию условий для осуществления сторонами предоставленных им прав, обосновывается необходимость конкретизации в законе полномочий суда кассационной инстанции по исследованию дополнительных материалов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: механизм уголовно-процессуального регулирования, суд, собрание доказательств, полномочия суда, суд кассационной инстанции.

ABOUT IMPROVEMENT OF THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF ACTIVITY OF COURT ON COLLECTING AND VERIFICATION OF PROOFS

The article gives the concept of the mechanism of criminal procedural regulation, analyses the legal position of the constitutional Court of the Russian Federation on the question of the powers of the court for proving, specified actions that may be taken by the court to create conditions for the implementation by the parties of their rights, the necessity of specifying in the law the powers of the court of cassation for investigation of the additional materials.

К e y w o r d s: mechanism of criminal procedural regulation, court, collection of evidence, the powers of the court, the court of cassation.

Поступила в редакцию 8 февраля 2019 г.

Уголовно-процессуальное регулирование осуществляется с помощью специфического метода и механизма. Механизм уголовно-процессуального регулирования представляет собой систему заложенных (содержащихся) в нормах настоящего кодекса правовых средств регулирования, обладающих характерными способами воздействия на деятельность и общественные отношения, возникающие в процессе производства по уголовным делам. В механизм уголовно-процессуального регулирования входят следующие, определяемые законом, процессуальные средства: задачи деятельности; полномочия, права и обязанности участников уголовного судопроизводства; юридические факты; уголовно-процессуальные правоотношения; уголовно-процессуальная форма; санкции и ответственность¹.

¹ См.: Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. М., 2016. С. 779–780 (автор темы 11 – В. Д. Холоденко). Подробно о понятии и элементах механизма уголовно-процессуального регулирования см.: Зусь Л. Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования. Владивосток, 1976. С. 7–106; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / отв. ред. В. М. Савицкий. М., 1979. С. 146–151; Холоденко В. Д. Уголовно-процессуальное регулирование деятельности следователя: автореф.

© Холоденко В. Д., 2019

Сконструированный УПК РФ механизм уголовно-процессуального регулирования за непродолжительный период подвергся значительной корректировке. Однако ни многочисленные изменения и дополнения, внесенные в кодекс за 16 лет его действия, ни признание Конституционным Судом РФ многих положений кодекса не соответствующими Конституции РФ не устранили всех недостатков правового регулирования деятельности суда по доказыванию.

Так, в законе не определены задачи суда и каждого из органов и лиц, осуществляющих уголовное преследование. В настоящее время о задачах деятельности лиц, ведущих производство по уголовному делу, можно судить лишь предположительно исходя их содержания статьи «Назначение уголовного судопроизводства» (ст. 6 УПК РФ).

В УПК РФ прямо не закреплена такая важная, на наш взгляд, задача досудебного и судебного производства, как создание условий для всестороннего и объективного рассмотрения уголовного дела по существу, сформулированная в п. 2.2 описательно-мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан»². В настоящее время такая задача суда лишь просматривается в ст. 239.1, 389.16, ч. 2 ст. 325 УПК РФ. Отсутствие в законе четкого указания на задачи суда по доказыванию виновности подсудимого послужило, на наш взгляд, одной из причин внесения в Государственную Думу законопроекта № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», которым предусматривалось, в частности, возложить на суд обязанность принять все предусмотренные УПК РФ меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию для установления объективной истины по уголовному делу³.

Нуждается в корректировке и такой элемент механизма, как полномочия. Известно, что одним из дискуссионных в теории и на практике является вопрос о полномочиях и допустимой активности суда по собиранию доказательств по собственной инициативе. УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР, прямо не возлагает на суд обязанность по тщательному, всестороннему и полному исследованию обстоятельств дела и доказательств. Однако положения ч. 1 ст. 86, ст. 87, ч. 1 и 2 ст. 240, ч. 1 и 4 ст. 283, ч. 1 ст. 285 УПК РФ в своей совокупности наделяют суд правом собирать по собственной инициативе доказательства о любых обстоятельствах инкриминируемого подсудимому преступления. Такая регламента-

---

дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. С. 6–19; Еникеев З. Д. Механизм уголовного преследования : учеб. пособие. Уфа, 2002; Королев Г. Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. М., 2006. С. 122–178; Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного процесса. М., 2006. С. 59–108.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.

³ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/440058-6> (дата обращения: 29.12.2018).

ция полномочий суда фактически не отличается от прежней, так как позволяет суду проявлять не обусловленную какими-либо ограничениями активность в доказывании предъявленного подсудимому обвинения, что, на наш взгляд, не согласуется с функцией суда как органа правосудия.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ по вопросу о полномочиях суда по доказыванию виновности подсудимого является довольно противоречивой. Так, в соответствии с п. 3 описательно-мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» суд не должен подменять органы и лиц, обосновывающих обвинение, и устранять не устраняемые ими сомнения в виновности обвиняемого⁴. В постановлении от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» Конституционный Суд РФ со ссылкой на ст. 46–52, ч. 1 и 2 ст. 118, ч. 3 ст. 123 и ст. 126 Конституции РФ особо подчеркнул, что суд в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные полномочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром (п. 4)⁵. Следует отметить, что позиция Конституционного Суда по данному вопросу, изложенная в его постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П, была поддержана Пленумом Верховного Суда РФ и отражена в п. 6 его постановления от 8 декабря 1999 г. № 84 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования»⁶.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, отвечая на вопрос судов: «С учетом принципа состязательности процесса возможен ли вызов свидетелей по инициативе суда?», указала следующее: «Суд обязан предоставить сторонам возможность реализовать свои права, создав для этого необходимые условия. Вызов дополнительных свидетелей по собственной инициативе суда при отсутствии на то ходатайства одной из сторон процесса во всяком случае будет свидетельствовать о выполнении судом несвойственной ему функции либо стороны защиты, либо стороны обвинения»⁷.

Однако в дальнейшем Конституционный Суд РФ скорректировал свою позицию по рассматриваемому вопросу. Так, согласно мнению Суда, изло-

---

⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 17. Ст. 2205.

⁵ Там же. 2005. № 28. Ст. 2904.

⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 2. С. 2–4.

⁷ Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В. М. Лебедева. М., 2004. С. 423.

женному в его определениях от 6 марта 2003 г. № 104-О⁸, 20 ноября 2003 г. № 451-О⁹ и 18 июня 2004 г. № 204-О¹⁰, конституционный принцип состязательности и равноправия сторон не умаляет роль суда в осуществлении правосудия и не освобождает суд от обязанности обеспечить, используя предоставленные законом полномочия, в том числе по исследованию доказательств, справедливое и беспристрастное разрешение дела по существу; осуществление судом в публичном по своему характеру уголовном процессе функции правосудия предполагает наличие у него законодательно предоставленного права проверять и оценивать с точки зрения относимости, допустимости и достоверности представленные сторонами обвинения и защиты доказательства как путем установления их источников и сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле либо представляемыми сторонами в судебном заседании, так и путем производимого по ходатайству сторон или по своей инициативе получения и исследования – в рамках обвинения, предъявленного в ходе предварительного расследования либо измененного в соответствии с уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 252 УПК РФ) – иных доказательств, подтверждающих или опровергающих доказательство, проверяемое судом; такое право является непременным условием использования судом (в том числе в порядке ст. 283 УПК РФ) тех или иных доказательств для принятия на их основе правосудных решений; иное не позволило бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а следовательно, не обеспечивало бы независимость и беспристрастность суда при отправлении им правосудия. Как видно, в указанных определениях Конституционный Суд фактически отошел от своей правовой позиции, изложенной в п. 3 описательно-мотивировочной части постановления от 20 апреля 1999 г. № 7-П.

Позиция Конституционного Суда РФ по вопросу о роли суда в доказывании по уголовным делам, изложенная в перечисленных выше определениях, далеко небесспорна. Думается, что ст. 87 УПК РФ в части, позволяющей суду под видом проверки того или иного доказательства получать по собственной инициативе дополнительные доказательства, подтверждающие виновность подсудимого в совершении преступления, и тем самым фактически изобличать его в совершении инкриминируемого ему преступления, противоречит ч. 3 ст. 123 Конституции РФ. Нельзя считать соответствующими Конституции РФ

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 104-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2003 г. № 451-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Будаева Цогта Нацагдоржевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 204-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и положения ч. 1 и 2 ст. 285 УПК РФ, наделяющие суд полномочием по собственной инициативе оглашать без согласия стороны защиты протоколы следственных действий и иные документы, приобщенные к уголовному делу, но не представленные в судебном заседании стороной обвинения, и использовать их при постановлении приговора при разрешении вопроса о доказанности факта совершения подсудимым инкриминируемого ему деяния (вопросы, указанные в п. 2 ч. 1 ст. 299, п. 2 ч. 1 ст. 339 УПК РФ).

Совершенно очевидно, что наделение суда полномочием осуществлять по собственной инициативе любые следственные действия предоставляет ему мощные рычаги воздействия на процесс формирования доказательств, что при отсутствии в законе четких условий их использования позволяет суду по своему усмотрению подключаться к осуществлению уголовного преследования и оказывать содействие стороне обвинения в изобличении подсудимого либо наоборот – принимать сторону защиты и оказывать ей содействие в доказывании невиновности подсудимого.

Что же касается обстоятельств, образующих событие преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, то по смыслу ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ для установления наличия или отсутствия таких обстоятельств суд вправе производить по собственной инициативе необходимые следственные и иные процессуальные действия. Установление судом реальных обстоятельств деяния, о наличии которого утверждает сторона обвинения, необходимо для правильного применения предусмотренных законом оснований оправдания подсудимого и решения вопроса о направлении руководителю следственного органа или начальнику органа дознания уголовного дела для производства предварительного расследования и установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. В этом случае суд, как правило, не изобличает подсудимого и не осуществляет функцию уголовного преследования, сущность которого состоит в изобличении лица, виновного в совершении преступления (п. 55 ст. 5, ч. 2 ст. 21 УПК РФ), т. е. в доказывании причастности конкретного лица к совершению преступления. Исключение составляют случаи, когда суд, проявляя чрезмерную активность, по собственной инициативе проверяет доводы, приводимые в защиту подсудимого (например, доводы об отсутствии события преступления или его признаков, отягчающих наказание), а равно доводы стороны защиты о недопустимости доказательств. Это объясняется тем, что по закону бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на стороне прокурора (ч. 2 ст. 14, ч. 4 ст. 235 УПК РФ).

Кроме того, наделение суда полномочием осуществлять по собственной инициативе любые следственные действия не согласуется с положениями ч. 3 ст. 15 УПК РФ, в соответствии с которыми суд не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, а лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Следует отметить, что ни в законе, ни в решениях Конституционного Суда РФ не конкретизируется круг мер, принимаемых судом, которые могут и должны приниматься судом для обеспечения сторонам их процессуальных прав по собиранию и представлению доказательств. Полагаем, что к числу таких

мер могут быть отнесены, в частности, следующие: законное и обоснованное разрешение ходатайств о проведении следственных действий, истребовании документов и предметов; своевременное исключение из судебного разбирательства недопустимых доказательств; информирование сторон о своем намерении исключить из судебного разбирательства те или иные недопустимые доказательства; выяснение мнения сторон о возможности и конкретных способах восполнения неполноты, которая образовалась или может образоваться вследствие исключения недопустимых доказательств; выяснение у сторон, имеются ли у них ходатайства о проведении дополнительных следственных действий, истребовании документов (о вызове свидетелей для подтверждения или опровержения алиби подсудимого, о назначении экспертизы для опровержения показаний подсудимого о том, что подписи в исследуемых документах выполнены не им, а другим лицом). Кроме того, суд вправе назначить по собственной инициативе экспертизу в соответствии с требованиями ст. 196 УПК РФ, а также осуществить проверку допустимости доказательств путем проведения следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим кодексом, для установления обстоятельств производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу предметов и документов. Суд также вправе по собственной инициативе принимать меры к доказыванию обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание. Исходя из того, что обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, не входят в содержание обвинения, следует признать наличие у суда полномочия принимать меры к их доказыванию по собственной инициативе независимо от мнения сторон.

Представляется, что круг полномочий суда по созданию необходимых условий исполнения сторонами их процессуальных обязанностей должен быть конкретизирован на уровне закона или в специальном постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Только в таком случае возможно соблюдение требований принципов законности и состязательности сторон при производстве по уголовному делу.

Нуждаются также в конкретизации полномочия суда кассационной инстанции по исследованию дополнительных материалов. Следует отметить, что УПК РФ прямо не предусматривает возможность и порядок исследования дополнительных материалов. В соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, содержащимся в п. 10 его постановления от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», если в кассационных жалобе, представлении содержится указание на допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств, повлиявшие на правильность установления судом фактических обстоятельств дела и приведшие к судебной ошибке, такие доводы не должны быть оставлены без проверки¹¹. Согласно п. 26 данного постановления «при разбирательстве в суде кассационной инстанции могут быть рассмотрены не только материалы, имеющиеся в уголовном деле, но и до-

¹¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 4. С. 10–14 .

полнительные материалы, поступившие с жалобой или представлением либо представленные сторонами, если они содержат сведения, имеющие значение для правильного разрешения дела, и не свидетельствуют о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств. Дополнительные материалы могут быть положены в основу решения об отмене приговора, определения и постановления суда с возвращением уголовного дела прокурору либо с его передачей на новое судебное разбирательство в суд первой или апелляционной инстанции». Однако порядок исследования дополнительных материалов Пленумом не определен. В связи с этим отдельные суды удовлетворяют ходатайства о приобщении дополнительных материалов (доказательств), но непосредственно не исследуют их в судебном заседании, что ограничивает право сторон на участие в исследовании доказательств при рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции.

Дальнейшее совершенствование механизма уголовно-процессуального регулирования деятельности суда по собиранию и проверке доказательств должно быть направлено на полное освобождение суда от принятия решений и выполнения действий, не обусловленных возложенной на него функцией и по своей природе присущих органам уголовного преследования либо субъектам защиты от обвинения, а также на детализацию процессуального порядка реализации полномочий суда по доказыванию виновности подсудимого (осужденного).

Саратовская государственная юридическая академия

Холоденко В. Д., кандидат юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса

Saratov State Law Academy

Kholodenko V. D., Candidate of Legal Sciences,
Professor of the Criminal Process Department
E-mail: vdkholodenko@mail.ru

А. М. Волков. «В суде» (1867)

«НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ»

В Саратовском художественном музее имени А. Н. Радищева хранится картина «В суде» (1867) русского художника Адриана Марковича Волкова (1827–1873). Незначительное по числу работ, но любопытное по содержанию наследие художника отражает те социальные тенденции, которые развивались в русском искусстве в 50–70-е годы XIX столетия.

А. М. Волков – мастер бытового жанра; в его творчестве наглядно прослеживается реальная общественная и частная жизнь человека, со всей ее полнотой чувств и эмоций. Тяга к жанровому искусству возникает у А. М. Волкова еще в годы обучения в Академии художеств, когда преподаватели не видели в ученике способностей к исторической живописи, но отмечали «наклонность к комизму и умение схватывать простонародные типы». В его работах достоверно представлены переживания определенного социального класса, его жизни, среды обитания, устоев и ценностей, а также ярко выписан национальный характер. Художнику чужды постановочные сцены – он как бы подглядывает за героями своих сюжетов, но при этом живописными решениями выражает личное отношение к происходящему.

Картина «В суде» рассказывает о ежедневной жизни российского провинциального пореформенного суда. Сюжет очевиден, прямо обращен к зрителю и не требует каких-либо дополнительных размышлений для улавливания его сути. Да и откровенные художественные ходы живописца сразу расставляют акценты в наших эмоциях от сочувствия до возмущения.

«На первом плане в центральной части картины находятся два главных героя – крестьянин и прилично одетый господин, на конфликте которых строится вся сюжетная завязка. Роли их расписаны и с первого взгляда понятно, кого нужно пожалеть, и кто в этой сцене если не злодей, то явно отрицательный персонаж.

Крестьянин, стоя на коленях, как перед иконой, истово крестится, по старинке полагая крестное знамение главным подтверждением своей правоты. Мужик – образец искренности, возможно, не грамотен и попался по наивности и неведению юридических тонкостей в западную, расставленную обвинителем (истцом). Обвинитель возвышается над ним. Театрально отставив руку, красуясь и явно играя на публику, он представляет судье документ, по-видимому, подтверждающий вину крестьянина. В лице обвинителя, недовольном, с жестко искривленным ртом не видно и тени жалости, и сразу понятно, что он не сжалится над несчастным мужичком, просящая фигура которого демонстрирует всю приниженность его положения. Мужчина обвиняет, грозно насупленные брови и весь вид его выражают высокопарный пафос выступления.

В гротескной подаче отталкивающих черт обвинителя и сочувственных в образе крестьянина виден большой опыт художника-сатирика. Художник расставляет знаки, опираясь на которые зритель должен определенным образом воспринимать происходящее и делать определенные выводы: лапти – начищенные ботинки, светлые поношенные рубаха и штаны – черный с иголки костюм, поднесенная ко лбу рука – и рука, протянутая с распиской к судье». (Приклонская В.В.)

Работа А. М. Волкова в очередной раз нас, как и вдумчивого председательствующего судью, ставит перед проблемой выбора между формальной нормой закона и чисто человеческими нравственными устоями. К чему должна склониться совесть судьи? К новому порядку вещей, порядку государственному, основанному на силе допустимых доказательств или к архаичной, но по-человечески понятной той же ордалии – уповании на Бога, призывая имя которого, клянувшийся покарает лжесвидетеля? Остается надеяться только на справедливость Фемиды, хотя есть ли ей место в суде?..

Д. Зотов